

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Факультет иностранных языков

STUDIA LINGUISTICA

**ЯЗЫК В ЛОГИКЕ ВРЕМЕНИ:
НАСЛЕДИЕ, ТРАДИЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

XX

Санкт-Петербург
Политехника-сервис
2011

Печатается по рекомендации
Ученого совета факультета иностранных языков
РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Е.А. Гончарова**;
доктор филологических наук, профессор **Е.Г. Хомякова**

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Щирова**;
кандидат филологических наук, доцент **Ю.В. Сергаева**

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, профессор **Л.А. Становая**;
профессор **И.П. Шишкина**

Технические редакторы:

кандидат филологических наук, доцент **В.В. Меняйло**;
инженер-лаборант **Л.Н. Пюро**

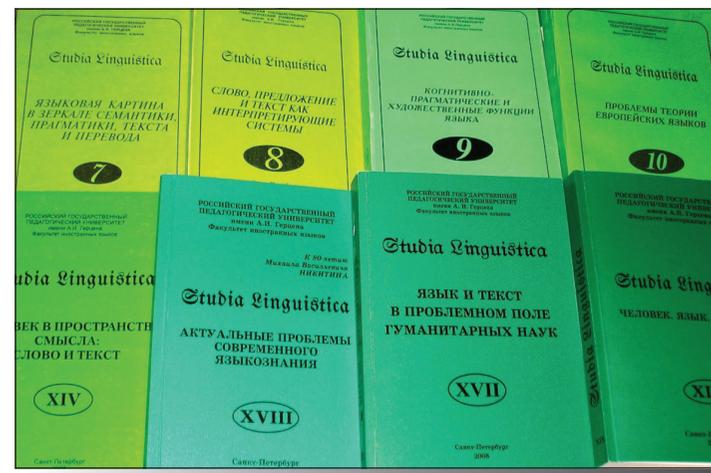
STUDIA LINGUISTICA XX. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. Сборник научных трудов. – СПб.: Политехника-сервис, 2011. – 317 с.

Юбилейный, двадцатый, сборник серии STUDIA LINGUISTICA включает научные труды, представляющие различные подходы к изучению языка, объединённые стремлением к его осмыслению в контексте современных тенденций развития науки и уважением к научным традициям.

Тематика статей охватывает широкий спектр актуальных проблем, что отражается в названиях рубрик сборника: «Теоретические и методологические основы описания языка», «Язык и познание», «Семантика и прагматика слова», «Взаимодействие языков и культур», «Эстетическое событие» текста: слово, образ, стиль». Как обычно, STUDIA LINGUISTICA предоставляет слово начинающим исследователям в рубрике «Голоса молодых».

Сборник предназначен специалистам-филологам, студентам филологических специальностей и более широкой аудитории, интересующейся проблемами языка, текста и культуры.

STUDIA LINGUISTICA: ученые о языке

Уважаемые коллеги!

Сборник, который вы держите в руках – двадцатый из периодической серии научных публикаций под общим названием STUDIA LINGUISTICA. Этот юбилей скромнен, если оценивать его в контексте длительного и сложного развития науки, однако, с позиции научных достижений каждого из нас он покажется более впечатляющим.

Не все ценные научные результаты получают монографическое изложение, в рамках «демократичного» жанра сборника научных трудов они сохраняют свою значительность. С момента создания и на протяжении всего существования серия STUDIA LINGUISTICA позволяла нам быть в курсе достижений «коллег по цеху». Делая эти достижения достоянием научной общественности, она обеспечивала нас актуальной и важной информацией быстро и регулярно. Первоначально заочная дискуссия ограничивалась научным сообществом факультета иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, где издаётся STUDIA, позднее к нам присоединились учёные иных вузов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Думается, что мы вправе гордиться STUDIA LINGUISTICA. Каждая кафедра и каждый учёный, принимавшие в ней участие,

внесли свой вклад в то, чтобы сделать сборник заметным явлением в научной жизни факультета, Герценовского университета и, надеемся, страны. Такую цель ставили перед собой и редакторы сборника, в разное время представлявшие разные научные подразделения факультета. Благодаря совместным усилиям страницы STUDIA сохранили для следующих поколений программные работы крупных лингвистов, чьи имена составляют славу отечественной и мировой науки. Однако имя учёного определяется не только научными степенями, поэтому рядом с голосами корифеев всегда звучали, пусть робко, «Голоса молодых». Многие из «молодых», став маститыми учёными, теперь рекомендуют для публикации работы своих учеников, успешно доказывая им на собственном опыте реальность всех намечаемых молодыми исследователями научных перспектив.

Название сборника всегда подтверждало его лояльность разноплановым научным интересам. Очередной выпуск STUDIA не ограничивал авторов заданной темой и тем самым позволял читателю ознакомиться с наиболее значительными работами в самых разных предметных областях.

Сборник менялся вместе со временем и с наукой, которой он служил: менялась обсуждаемая научная проблематика, совершенствовалась форма представления научного материала в печатной версии сборника, появилась и электронная версия STUDIA LINGUISTICA, обеспечившая ему широкую аудиторию. Неизменными остались лишь отличительные характеристики нашего научного издания: его актуальность, следование последним научным образцам и достижениям, интерес к человеку в языке и языку в человеке, ну и, конечно, уважение научных традиций, без осмысления которых невозможны никакие революционные научные открытия.

STUDIA LINGUISTICA: факты и оценки

× Сборники научных статей серии STUDIA LINGUISTICA издаются на факультете иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена с 1995 года.

× Серия на данный момент включает **20** сборников. В них опубликовано **885** научных статей, общим объёмом **6082** страницы.

× Самое большое количество статей – **95** – содержится в сборнике STUDIA LINGUISTICA XII (2003 г.).

× Ответственными редакторами сборника в разные годы выступали профессоры и доценты кафедр английской филологии (д. ф. н. В.В. Кабакчи, д. ф. н. И.А. Щирова, к. ф. н. В.М. Аринштейн, к.ф.н. Н.А. Абиева, к. ф. н. С.Л. Пшеницын, к. ф. н. Ю.В. Сергаева), английского языка (д. ф. н. Т.И. Воронцова, д.ф.н. Н.А. Кобринина, д. ф. н. О.Е. Филимонова, к. ф. н. Г.Н. Иванова, к. ф. н. Н.М. Юликова), германской филологии (д. ф. н. Л.Б. Копчук, проф. И.П. Шишкина).

× **17** выпусков сборника курировала кафедра английской филологии. Особую роль в формировании облика серии STUDIA LINGUISTICA сыграла доцент кафедры Вера Михайловна Аринштейн, под чьей редакцией вышло **12** сборников из **20**.

× География серии представлена учеными из России, её основных регионов и республик (Татарстана, Тувы, Чувашии, Башкортостана, Дагестана, Карелии, Якутии и др.), стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США.

× Научные результаты, обобщающиеся в сборниках серии, ежегодно представляются на выставке научных достижений РГПУ им. А.И.Герцена. **2** выпуска сборника были отмечены специальными наградами выставки в **2009** и **2010** г.:

✓ STUDIA LINGUISTICA XVII *Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук* (2008 г.) – **дипломом 2-й степени в номинации «Лучшая работа, посвященная юбилейной дате в истории страны, науки, образования».**

✓ STUDIA LINGUISTICA XVIII *Актуальные проблемы современного языкознания* (2009 г.) – **дипломом 2-й степени в номинации «Лучшая работа, посвященная юбилейной дате в истории страны, науки, образования».**

Сборники посвящались нашим учителям, выдающимся представителям Герценовской научной школы, Заслуженным деятелям науки Российской Федерации, Почетным профессорам РГПУ им. А.И.Герцена *Ирине Владимировне Арнольд и Михаилу Васильевичу Никитину.*

× С 2007 года электронная версия сборников размещается на сайте кафедры английской филологии <http://ephil-herzen.com/?p=279>

× С 2010 года в сборниках серии STUDIA LINGUISTICA публикуются материалы Круглых столов «Никитинские Чтения».

STUDIA LINGUISTICA: ретроспектива

STUDIA LINGUISTICA – 1. Сб. научн. трудов / РГПУ им. А.И. Герцена; факультет иностранных языков. Науч. ред. В.В. Кабакчи, В.М. Аринштейн. – СПб. : Образование, 1995. – 179 с.

STUDIA LINGUISTICA – 2. Язык и общество. Лингвистика текста и лингвостилистика: Сб.ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.В. Кабакчи, В.М. Аринштейн. – СПб. : Стройлеспечатъ, 1996. – 119с.

STUDIA LINGUISTICA – 3. Исследования по синтаксису и стилистике романо-германских языков: Сб.ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, И.П. Шишкина, С.Л. Пшеницын. – СПб. : Стройлеспечатъ, 1996. – 94 с.

STUDIA LINGUISTICA – 4. Языковая система и социокультурный контекст: Сб. ст. / РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева. – СПб. : Тригон, 1997. – 181 с. Сборник посвящен 200-летию ЛГПИ им. А.И. Герцена.

STUDIA LINGUISTICA – 5. Лингвостилистика и прагматика текста: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. Т.И. Воронцова, О.Е. Филимонова, Н.М. Юликова. – СПб. : Тест-Принт, 1997. – 175 с. Сборник посвящен 200-летию РГПУ им. А.И. Герцена.

STUDIA LINGUISTICA – 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. Н.А. Кобрина, О.Е. Филимонова, Н.М. Юликова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 217 с.

STUDIA LINGUISTICA – 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики, текста и перевода: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева. – СПб. : Тригон, 1998. – 383 с.

STUDIA LINGUISTICA – 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы: Сб.ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В. М. Аринштейн, Н.А. Абиева. – СПб. : Тригон, 1999. – 415 с.

STUDIA LINGUISTICA – 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева, О.Е. Филимонова. – СПб. : Тригон, 2000. – 447 с.

STUDIA LINGUISTICA – 10. Проблемы теории европейских языков: Сб. ст. / РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева, Л.Б. Копчук. – СПб. : Тригон, 2001. – 457 с.

STUDIA LINGUISTICA XI: Проблемы когнитивной семантики: Сб.ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. Н.А. Кобрина, О.Е. Филимонова, Г.Н. Иванова. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2002. – 286 с.

STUDIA LINGUISTICA XII. Перспективные направления современной лингвистики: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, И.А. Щирова. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2003. – 557 с.

STUDIA LINGUISTICA XIII. Когнитивные и коммуникативные функции языка: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, И.А. Щирова. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2005. – 400с.

STUDIA LINGUISTICA XIV. Человек в пространстве смысла: слово и текст: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, И.А. Щирова. – СПб. : Борей Арт, 2005. – 269 с.

STUDIA LINGUISTICA XV. Язык и текст в современных парадигмах научного знания: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. В.М. Аринштейн, И.А. Щирова. – СПб. : Борей Арт, 2006. – 246 с.

STUDIA LINGUISTICA XVI. Язык. Текст. Культура: Сб.ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. И.А. Щирова. – СПб. : Борей Арт, 2007. – 246 с.

STUDIA LINGUISTICA XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена; Отв. ред. И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева – СПб.: Политехника-сервис, 2008. – 420 с. Сборник посвящен 100-летию профессора Ирины Владимировны Арнольд.

STUDIA LINGUISTICA XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания : Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. Отв. ред. И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – 359 с. Сборник посвящен 80-летию профессора Михаила Васильевича Никитина.

STUDIA LINGUISTICA XIX. Человек. Язык. Познание: Сб. ст. / РГПУ им. А.И. Герцена; отв. ред. И.А. Щирова – СПб.: Политехника-сервис, 2010. – 314 с. Сборник посвящен Году Учителя.

STUDIA LINGUISTICA XX. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена; отв. ред. И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева. – СПб.: Политехника-сервис, 2011. – 317 с.

*И.А. Щирова,
Ю.В. Сергаева*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

Тураева З.Я. (Бёблинген, Германия)

ЯЗЫК И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

*Кафедре английского языка и
кафедре английской филологии посвящается...*

В статье осмысливается эволюция лингвистики текста в XX–XXI вв., характеризуется специфика реализации категории модальности в высказывании и тексте, акцентируется значимость межкультурной коммуникации и освещается роль языка в осуществлении взаимодействия культур.

Ключевые слова: лингвистика текста, категория модальности, язык как инструмент социального взаимодействия, диаспора

Общей тенденцией, характеризующей сегодня стиль научного познания, является движение из сферы систем к центру всех этих систем – к человеку. Отсюда интерес к социальному, психологическому, коммуникативному аспектам языка. Этим объясняется «смена вех» и ценностных ориентаций в науке – гуманизация лингвистики, выдвигание на первый план изучения языковой личности как Ego, определяющего семантическое пространство языка, как медиума для проникновения во внутренний мир персонажей художественных произведений. Сегодня чрезвычайно актуально изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей. Последние в значительной мере осуществляются через порождаемые и воспринимаемые личностью тексты. Лингвистика текста, таким образом, приобретает статус науки, связывающей исследование языка с анализом социального взаимодействия, с психологией личности. Личность и языковая личность – не тождественные, не изометричные понятия, но одна познается через другую.

Анализ социального взаимодействия, в свою очередь, связывается с изучением структуры знаний, которая выступает предметом когнитологии. Когнитивная парадигма включает формирование знаний, их материализацию, передачу от человека к человеку, от поколения к поколению. Формирование знаний –

двунаправленный процесс – от мира к слову и от слова к миру. Знания передаются через ритуалы, традиции. Большую роль играет знаковый способ передачи знаний – их материализация с помощью артефактов – текстов. Итак, с одной стороны, текст есть средство материализации знаний, с другой – любые тексты (публицистические, газетные, художественные) могут передавать не только фактическую, но и контрфактическую картину мира, при этом она может оказаться весьма действенной. Вспомним известные антиутопии: «Мы» Замятина, «1984» Оруэлла, «Brave New World» Хаксли, произведения Кафки, романы черного юмора американских неоавангардистов шестидесятых годов XX столетия, наследие Платонова – «Котлован» и «Чевенгур» и мн. др. Лингвистика текста изучает, как трансформируется онтология мира в сознании людей с помощью текстов. С этим направлением смыкается изучение лингвистической демагогии и лингвистики лжи. Текст способен изменить модель мира в сознании получателя. Язык – это поверхностная структура, в которой с помощью текстов фиксируется модель мира, которую мы несем в своем сознании. Коммуникация – это вторжение в систему сознания реципиента, построение в его когнитивной системе определенной модели мира, не обязательно совпадающей с моделью мира говорящего и с онтологически существующей картиной мира. Таким образом, текст может обрести социальную силу. Это блестяще иллюстрирует современная российская проза, эссеистика, публицистика. Вспомним также социальную силу мифов, религиозных сочинений, морализующий роман дороги эпохи Просвещения и др.

Анализ текста составляющих его смысловой, семантической и синтаксической структур, изучение того, как протекают процессы понимания и порождения текста, есть изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей.

Далее, лингвистику текста интересует механизм того процесса, в результате которого, сознавая, что перед нами артефакт, мы способны переживать его как факт. Другими словами, в результате этого процесса сбываются слова поэта: «*Над вымыслом слезами обольюсь*». Это подводит нас к еще одному важному положению – лингвистика текста связана с изучением морфологии словесного искусства. Здесь более чем в других сферах лингвистика текста смыкается со стилистикой, психологией творчества, психологией восприятия, прагматикой, с изучением специфических язы-

ковых средств, которые оформляют текст как единицу эстетической коммуникации. При этом особый интерес представляет не каноническая атрибутика художественного текста, а принципы эстетики языка, механизмы текстообразования, оказывающие эстетическое воздействие на реципиента. Интерпретация текстов открывает путь к сознанию участников коммуникации и может воссоздать языковую личность – не только ее языковые способности, но и идеи, идеалы, ее тезаурус – по ассоциативным рядам, в которые сам автор вписывает свое произведение, по игре синонимическими и антонимическими рядами.

В связи с изучением морфологии словесного искусства в рамках лингвистики текста можно назвать несколько магистральных линий исследования:

изучение парадигматики художественного текста, поэтики ассоциаций. Парадигматика художественного текста устанавливает интрасемиотические соответствия между текстами, включает текст в континуум мировой культуры. Поэтика ассоциаций служит медиумом для проникновения во внутренний мир языковой личности, отражает ее вхождение в историко-культурный контекст или отторжение от него;

- исследование антропоцентризма и антропометризма художественного текста;
- изучение точки зрения и полипозиционности повествования; полипозиционности повествования и модальности художественного текста;
- интерпретация семантики художественного текста, наблюдения над взаимодействием экстенциональной и интенциональной семантики;
- изучение художественного текста в связи с теорией значения в ее двух основных блоках: теории референции и теории употребления;
- исследование языка не только как функциональной системы, осуществляющей общение, но и как системы, воплощающей культуру народа. Это общеэстетическая проблема отношения языка, действительности, искусства, проблема воссоздающего и преобразующего начала (мимикрия и трансформация), «отражение миров иных»;
- исследование приращений смысла, которые обнаруживают единицы всех уровней при включении в текст;

• наблюдения над воздействием текста на всеобщие связи чувств, над тем, как осуществляется живопись словом и действует синестезия, как создаются живописно пластические образы в таких, скажем, строчках, как *«повиснул дождь как легкий дым»* (Фет) или в стихах М. Цветаевой: *«Как живется вам с другою / Проще ведь? Удар весла! Линией береговую / Скоро ль память отошла / Обо мне, плавучем острове / По небу, не по водам! / Души, души! быть вам сестрами, / Не любовницами – вам!»* (Попытка ревности).

Сказанное выше объясняет не только интерес к эстетической функции языка, но и к психологии владения языком, которую можно постигнуть, только обратившись к его носителю – человеку, языковой личности.

Текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности. В тексте реализуется антиномия: системность / индивидуальность, совмещаются типологические и индивидуальные черты. Системность есть результат давления системы, жанра, литературного направления, всего историко-культурного контекста. Индивидуальность текста – это проявление языковой личности художника. Однако художник свободен и одновременно не свободен. Он не столько demiurge своего замысла, сколько его исполнитель, его действующее лицо. Он выбирает только в пределах того спектра возможностей, которыми располагает его эпоха, создает собственный идиолект, но этот идиолект определяется системой национального языка.

Таким образом, можно сделать еще один вывод: лингвистика текста связана с прагматикой, с философскими традициями, которые подчеркивают важность языка не только как умственной способности, но и как системы, воплощающей культуру народа. Вместе с тем в тексте предстает рефлектирующий ум его творца, высвечивается тот факт, что система всегда опосредована человеком.

Описание языковой личности через текст предполагает: а) знание системно-структурного уровня организации языка, б) реконструкцию модели мира и тезауруса языковой личности, в) выявление ценностных координат личности, ее установок, мотивов [Караулов 1987: 38, 48–58]. В этой связи особое значение приобретает национальный и культурный компоненты. Они обнаруживают себя в ассоциативных моделях, где акцент делается на

открытости текста, на внетекстовых структурах, на центробежных силах, действующих в тексте. Перестройке картины мира в сознании реципиента способствуют тропеические средства. Они связаны с нарушением прагматических максим, действующих в данном этносе, с «концептуальным скачком». Так, метафора вступает в систему ценностей, которую несет текст, как его органический компонент. Вне этой системы она начинает отличаться от самой себя. На первичную анизотропию, являющуюся онтологическим признаком метафоры, накладывается вторичная анизотропия, порождаемая текстом. Вместе с тем метафора является показателем принадлежности к определенной культуре или отторженности от нее. В качестве примера можно привести символику раннего Блока и символику Ейтса. В основе символики раннего Блока лежит путь от конкретного к абстрактному, основная тема – тема обманутой надежды, которая связывается с темой кораблей, ушедших за горизонт и не вернувшихся назад («Девушка пела в церковном хоре», «Ночная фиалка»). В основе символики Ейтса лежит другая универсальная категория – антропоморфизм и также движение от конкретного к абстрактному. Основная тема – ранняя Византия как царство гармонии, основной образ – птица Феникс, восстающая из пепла.

Текст мертв без акта познания. Без гносеологии нельзя восстановить текст, а без учета тезаурусного уровня нельзя описать языковую семантику, так как в слове совмещаются сфера языковой семантики и сфера знаний о мире, внеязыкового опыта. Под влиянием второй силы происходит постоянная деформация языкового значения слова. В слове сталкиваются две тенденции – одна к статичности и изотропии, другая к динамичности и анизотропии. Первая есть отражение стабильности языкового кода, вторая обнаруживает стремление к его постоянному обновлению в результате расширения познания как движущей силы прогресса. В центре внимания лингвистики текста находится поведенческий характер значения, его связь с контекстуальными условиями употребления. Лингвистика текста концентрирует свое внимание не столько на стабильном значении, сколько на изменчивом содержании высказывания. В этом заключается её подлинная связь с традициями отечественной филологии (Ларин, Тынянов, Виноградов, Жирмунский), чешской школы (Долежел, Гаузенблас, Данеш), лондонской школы (Остин, Стросон, Сёрл).

Лингвистика текста изучает генезис литературного творчества. В тексте можно проследить дух эпохи, эманацию личности автора. Лингвистика текста совмещает два широко известных подхода к постижению произведения искусства: первый исходит из того, что сущность художественного текста заложена в его внутренней организации (ср. имманентность текстовой структуры, постулируемую описательной стилистикой и ее родоначальником Ш. Балли, и «автономный вербальный мир» П. Гиро), второй рассматривает текст как выражение личности художника, эпохи, истории народа (генетическая стилистика и «духовный этимон» Л. Шпитцера). Совмещение двух подходов наблюдается во многих исследовательских моделях отечественной лингвистики. Это имманентный и проекционный методы В.В. Виноградова, внутритекстовые и внетекстовые структуры Ю.М. Лотмана, замкнутый и открытый анализ К.Ф. Тарановского, «петербургский текст», открытый В.Н. Топоровым у Ф. Достоевского, А. Белого, А. Блока и др. Эти модели связаны с изучением поэтики ассоциаций, парадигматики художественного текста, в терминологии Ю.Н. Караулова, со способами существования прецедентных текстов [Караулов 1987: 215, 237]. Для поэтики ассоциаций релевантен семиотический способ существования прецедентных текстов. В этом случае в качестве знака текста выступает цитата, аллюзия, заголовок и метафора. Как упоминалось выше, по своей природе метафора анизотропна, так как в ней совмещаются разные сущности, создаваемые на основе ассоциативных связей человеческого опыта. В результате возникает новый гносеологический образ, новый «гештальт» [Телия 1988: 4]. Метафора, а вслед за ней и использующий ее текст, соединяет гетерогенные сущности и порождает новые образы, новый возможный мир. Прецедентные тексты, которые могут представать в форме метафор, цитат, аллюзий, дают импульс к работе ассоциативной памяти. В этом случае прецедентный текст выступает как семиотическая система. В качестве примера приведем повторяющуюся в разных знаковых системах метафору, образ которой представляют мчащиеся без всадников кони, мчащиеся «и в никуда, и в никогда». Метафора превращается в символ, в эстетический знак разоренной, опустошенной земли, в символ трагедии, постигшей отдельную личность, народ, человечество.

*Сквозь белый фундамент трава прорастет,
И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.
И женщины будут в оврагах рожать,
И кони без всадников – мчатся и ржать.*
(А. Вознесенский)

Та же метафора повторяется в фильме Калатозова «Летят журавли», в фильме Аскольдова «Комиссар», в фильмах Бергмана.

Всякий словесный образ рождается на пересечении трех уровней – вербально-ассоциативного (системно-структурного), тезаурусного (образ мира, система знаний о мире) и мотивационного (деятельностно-коммуникативного). Именно поэтому для характеристики языковой личности большую роль играет поэтика ассоциаций, парадигматический ряд, в который личность вписывает художественный или публицистический текст. Прецедентные тексты, значимые для той или иной личности в эмоциональном и познавательном планах, могут иметь как личностный, так и сверхличностный (социальный) характер. Например, пророчества Екклесиаста входят в творчество Э. Во в виде аллюзивной цитаты в названии его романа «A Handful of dust», в творчество Т.С. Элиота в поэме «Бесплодная земля» (*“I will show you fear in a handful of dust and eternity in a grain of sand”*).

Лингвистика текста опирается на комплексное изучение творчества, на наблюдения над эволюцией художественного мышления, воплощающейся в различных сторонах текста. Их следует рассматривать в широком контексте исторической поэтики, изучающей формы и способы художественного осмысления бытия. В сложной опосредованной форме художественное творчество отражает становление национальной культуры, вечно меняющуюся картину реального мира. Ограничимся одним примером – портретной характеристикой. Ее следует рассматривать как порождение определенных литературных стереотипов, сменяющих друг друга. В английской литературе X–XX вв. портретная характеристика приближает нас к исследованию человека, принадлежащего определенной эпохе [Ижевская 1988]. Со страниц древнего эпоса, средневекового рыцарского романа встает «корпоративный» человек, который представляет собой некий символ своего времени. Лишь постепенно он вытесняется индивидуальным человеком, который при этом остается человеком той или иной

эпохи, но литература и объект лингвистики текста – текст – отражают не только общие черты, но и «лица необщее выражение», психологию личности. Изменяется и характер использования лексических единиц. Значительно интенсивнее проступает асимметричный дуализм языкового знака; в сфере эстетических знаков суггестивность поэтического слова, амбивалентность семантики особенно очевидны.

История лингвистической науки есть смена различных парадигм; в терминологии Ю.С. Степанова, семантическая парадигма, или философия имени, сменилась синтаксической парадигмой, или философией предиката, и, наконец, на смену им пришел иной подход – прагматическая парадигма (философия эгоцентрических слов) [Степанов 1985]. В модели Ю.Н. Караулова выделяются четыре парадигмы в истории языкознания: историческая, психологическая, системно-структурная и социальная [Караулов 1987]. Исторический путь, который прошла наша наука, показал неизбежность выдвижения (гипостазирования) одной из парадигм с целью более глубокого постижения объекта, что, однако, неизбежно приводило к одностороннему его рассмотрению. Стилистика и лингвистика текста, может быть, платят меньшую контрибуцию в силу онтологических и гносеологических свойств изучаемого объекта – текста, в котором совмещаются структурность, социальность и психологичность. Текст обладает интегрирующими свойствами, и прежде всего в нем, через творящее его Ego (языковую личность), воплощаются разные стороны языка и изучающие их разные парадигмальные составляющие лингвистической науки. Текст есть отражение обращения современной науки к языковой личности. Структура языковой личности и ее манифестация определяют классическую проблематику соотношения языка и мышления, языка и действительности, искусства и действительности, языка и социального взаимодействия. Как воплощение языковой личности текст есть интегрирующий феномен лингвистической парадигмы. За текстом стоит система языка и языковая личность и многофакторный процесс номинации, суггестивность слова вообще и поэтического слова в первую очередь.

Сближение лингвистики текста и когнитологии объясняет рост значимости категории модальности как понятийной категории, связанной с важными аспектами бытия и его преломлением в сознании и языке. В основе этой категории лежат универсаль-

ные категории логики, организующие рациональное сознание. На них наслаиваются оценочные и эмоционально-экспрессивные оттенки смысла. Категория модальности – это всеобъемлющая категория, поглощающая целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки. Изучение структур, передающих разные типы модальности, приобретает новую окраску и новую значимость. Оценка действительного или возможного мира, принятие решений связаны с наличием альтернатив, с онтологизацией значений. Одна из важнейших оценок, входящих в структуру категории модальности, есть оценка истинности. Изучение средств управления истиной приобретает первостепенное значение. Мощным средством управления истиной является язык, как естественный, так и художественный. Модели мира, создаваемые в текстах, могут осуществлять своеобразную «трансформацию онтологии мира». Отсюда важность интерпретации текста, новых исследовательских стратегий восприятия текста, включающихся в когнитологию. Механизмы восприятия речи/текста представляют определенную антиномию: они подчиняются социокультурным нормам, но, в то же время, строго индивидуальны. Поэтика ассоциаций, парадигматика художественного текста, социальный и историко-культурный контекст руководят стратегией восприятия (ср. проекционный метод, открытый анализ, внетекстовые структуры). Однако в сознании реципиента не все нормы функционируют. Оно контролируется языковой личностью реципиента, его тезаурусом, ценностно-ориентационной шкалой.

Между модальностью высказывания и модальностью текста нет полного изоморфизма. В основе и той, и другой лежат понятия действительного, возможного, необходимого и их оценка говорящим. В рамках модальности высказывания действуют такие представления об истинном/ложном, реальном/ирреальном, когда интенциональная и экстенциональная семантика не противопоставлены, а симметричны. Художественный текст представляет собой конструктор, где ничто не имеет однозначного соотношения с реальностью. Референциальная соотнесенность художественного текста обусловлена взаимодействием различных установок в процессе художественного моделирования – отражательной и креативной, а также рядом сущностных характеристик художественного текста: амбивалентностью семантики, множеством интерпретаций. Для понимания особенностей отнесенности ху-

дожественного текста к действительности релеванты понятия «имитированной референции» (Дж. Сёрл) и «референциальной аллюзии» (Р. Барт). Реальная референция имеет место преимущественно в исторических произведениях и в мемуарной литературе и не характерна для других жанров. Возможна референциальная соотносительность художественного события с реальным, с внутренним референтом и с аналогичным художественным событием в другом тексте.

Представляется целесообразным рассмотреть структуру модальности значения в терминах экстенционала/интенционала (Р. Карнап, Ю.С. Степанов). Экстенциональная сфера семантики предполагает предметную, денотативную соотносительность, интенциональная – понятийную, сигнификативную. В художественном тексте отсутствует симметрия экстенциональной и интенциональной семантики. Экстенсионалом является не конкретное событие, а фрагмент универсума или весь универсум. Литературный текст – это произведение, где высказывание может быть интенционально истинным, а экстенционально ложным (ср. сказки, научная фантастика, триллеры, произведения смешанных жанров, – Ч. Айтматов «И дольше века длится день», М. Булгаков «Собачье сердце» и др.) или неопределенным (основной массив литературы романтизма, реализма и др.). Переакцентуация значений реального/ирреального, истинного/ложного в художественном тексте определяется: 1) жанровыми особенностями произведения; 2) индивидуально-стилевым своеобразием произведения.

Учитывая сложную семантику художественного текста (сочетание представления о действительности и вымысла), следует говорить не о жестком противопоставлении истинного/ложному, а о приоритете одного значения перед другим. В зависимости от категории модальности – приоритета реального или ирреального – можно предложить определенную типологию текстов. Для просветительского романа и для реалистического романа, для психологической и философской прозы, для викторианского романа нравов, для «рабочего» романа 60-х годов, для социального романа 30-х годов XX столетия характерен приоритет реального перед ирреальным. Для жанров, в которых отклонение от жизненного стандарта – норма, характерен приоритет ирреального перед реальным. Это – героические поэмы, готический роман, рыцарский роман, приключенческая литература, фантастика,

мифы. То же характерно для художественного метода гротеска, гиперболы, сатиры, бурлеска, фарса. Заданность жанра и метода обуславливает соотношение основных компонентов значения модальности.

Приведенная выше типология жанров в связи с реализацией основных значений категории модальности может быть соотносена с типологией модусов вымысла, разработанной Н. Фраем [Frye 1971]. Он предлагает пять уровней различий в зависимости от того, как способность героя к действию соотносится с нашей собственной. Если способности героя к действию превышают способности среднего человека, литературное произведение характеризуется высоким миметическим модусом. Н. Фрай разграничивает количественно и качественно более высокий уровень способностей. Качественно более высокий модус иллюстрируют мифы, легенды, количественно – рыцарские романы, высокие классические трагедии, эпические поэмы. Литературное произведение может характеризоваться низким миметическим уровнем, когда способности героев ниже способностей среднего человека. К числу таких произведений относятся: низкая комедия нашего времени, абсурдистские произведения. Низкий миметический уровень иллюстрируют герои Ч. Чаплина. По мнению Фрая, герой Чаплина – маленький человек как жертва иронии или злосчастия – вновь приближается к мифу. Возможности героев близки к нашим в социально-бытовом романе, в романе о среднем человеке. Произведения, где возможности героев значительно отличаются от способностей среднего человека, меняют характер модальности. Текст начинает постулировать другой, альтернативный смысл, отрицает обычную систему ценностей (ср. трактовку смысла текста у деконструктивистов [Frye 1971, Derrida 1972]). В таких случаях действие находится вне нашей понятийной системы, как это имеет место, например, в рассказе М. Спарк «Портобелло Роуд», где повествование ведется от лица женщины, убитой пять лет назад. Такие произведения дают новое понимание нашего опыта. Автор в этих случаях творит реальность. Категория модальности с ее значениями реального/ирреального участвует в создании новой системы координат, в новом осмыслении бытия. Проективность литературы как бы оборачивается новой стороной. Это первая и основная антиномия между модальностью высказываний и модальностью текста.

Для художественного текста характерна вариативность и полифония тем и смыслов. Она оказывает непосредственное влияние на модальность текста. Множественность и вариативность тем и смыслов определяют полимодальность текста. Как характерная черта произведения искусства она уходит своими корнями в далекое прошлое и прослеживается ещё в античной мениппее, которая по своим жанровым характеристикам представляет сочетание фантастики и символики, мистико-религиозных элементов и грубого натурализма. Основная сущностная характеристика мениппеи – наличие амбивалентностей. Ее можно видеть в тех произведениях XX века, где сцепляются далекое и близкое, фантастическое и реальное (ср., например, Т.С. Элиот «Бесплодная земля», Дж. Фаулз «Маг»). Отсюда и различные планы категории модальности текста. Основные значения, передаваемые категорией модальности (возможность, действительность, необходимость), оставаясь константными, постоянно переосмысляются.

Интерес представляет совмещение нескольких возможных миров, несколько полных и равноценных кругозоров, «множественность неслиянных сознаний». Такие равноценные кругозоры, каждый из которых порождает свой возможный мир со своими кардинальными понятиями истинности, возможного, необходимого, действительного, находим у Блока («Девушка пела в церковном хоре»), у Гумилева («Жираф»), у Фаулза («Загадка», «Женщина французского лейтенанта») и во многих других произведениях словесного искусства. Легче всего это проследить на аксиологической, оценочной модальности. Ценностная шкала в художественном тексте может меняться в силу отсутствия референциальной идентичности субъекта оценочного отношения. Многофокусность оценки особенно очевидна, когда субъект оценочной структуры меняется в связи с полифонической структурой произведения. Функция этих переключений из одного сюжетного плана в другой заключается во введении нового возможного мира – эпистемически допустимого мира (Я. Хинтикка).

Противопоставление модальности высказывания текстовой модальности включает и антиномию «мономодальность/полимодальность». Модальность высказывания характеризуется мономодальностью: субъект оценки не изменяется. Для текстовой модальности возможна полимодальность: субъект оценки может неоднократно меняться. Полимодальность связана с много-

фокусностью повествования. При этом модальность ставится в зависимость от дистанцированности повествователя и перспективы, от фокуса повествования. Определяющим компонентом становится точка зрения. Для определения модальности всего текста или какого-либо фрагмента важно ответить на вопросы: Кто повествователь? Кто видит, кто говорит? Чья точка зрения направляет повествование? Сошлемся на точку зрения Ж. Жетт: “Distance and perspective are the two chief modalities of that regulation of narrative information that is mood. Mood is the name given to the different forms of the verb that are used... to express the different points of view from which the life or the action is looked at” [Gennette 1986: 162].

Полимодальность характерна для таких типов повествования, где постоянно изменяется фокус. Примерами могут служить «Мадам Бовари» Флобера, где точкой зрения бывают то взгляды Шарля, то Эммы, «Шум и ярость» Фолкнера, где повествование перепоручается то Бенджи, то Квентину, то Джейсону, «Манон Леско» аббата Прево и многие другие произведения мировой литературы.

С проблемой фокуса изображения смыкаются понятия «ближнего/дальнего локуса» [Gennette 1986: 162]. «Ближний локус» характеризуется замкнутостью на лирическом субъекте. Это область несвободы заполняющих ее предметов и явлений, область мыслей и чувств. Вторая область, «дальний локус», не имеет пространственных и временных границ. Лингвистическим средством выражения «ближнего локуса» является лексика, тяготеющая к обозначению понятий, сигнификатов и не имеющая реальных референтных аналогов. Средством выражения «дальнего локуса» является денотативная лексика, тяготеющая к обозначению предметов внешнего мира. Перформативные и модусные глаголы передают внутреннюю позицию («ближний локус»): «*И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль / Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль...*» (А. Блок). Модусный глагол описывает ментальное состояние субъекта. Вводные слова, выражающие сомнение, проблематичность, служат для выражения «дальнего локуса» (помогают занять внешнюю позицию): “*She didn’t make a sound, she seemed so surprised, I got the pad I’d been holding in my pocket right across her mouth and nose...*” (J. Fowles. *The Collector*); *Perhaps you want a good story*

for your film? Well, it isn't a good story. He just fell off, that's all". (J. Mortimer, Charade).

Модальность высказывания и текстовая модальность могут быть противопоставлены еще по одному параметру: эксплицитность/ имплицитность. Средства выражения модальности высказывания неоднократно описывались и представляют собой конечный инвентарь: речь идет о наклонении как ядре языковой категории модальности, коммуникативных и структурных типах предложения, лексических и лексико-грамматических средствах (модальная лексика, перформативные и модусные глаголы, авторизирующие конструкции, словообразовательные средства [ср. англ. *payable, insoluble, capable* (суф. *-able*), русск. *способный, ударный* (суф. *-н-*) и др.].

Средства выражения текстовой модальности еще предстоит изучить, как предстоит определить и их распределение по ядерной и периферийной зонам. Наряду с лингвистическими средствами следует учитывать и экстралингвистические средства: членение текста, композицию произведения, амбивалентность субъекта (ср. с другими категориями текста). Если модальность высказывания выражается эксплицитно, то текстовая модальность может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Теория значения включает два основных блока – теорию референции и теорию употребления. Теория употребления отражает поиск коммуникативных параметров языка, обеспечивающих не абстрактный обмен информацией, а реальный процесс общения, который включает не только информативное содержание высказывания, но и воздействие на адресата, управление его деятельностью. Рассмотрение только референциального аспекта – значений истинности/ложности пропозиции, логической совместимости/несовместимости описываемых событий – не исчерпывает анализа категории модальности. Семантика должна быть дополнена прагматикой. Прагматический аспект высказывания, как известно, содержит информацию об условиях коммуникации, учитывает фактор ролевых отношений, отражает разнообразные данные, концентрирующиеся вокруг говорящего субъекта. Изучение прагматического контекста знаменует переход от анализа стабильного значения к анализу изменчивого содержания высказывания. В отличие от теоретико-модальной логики и ее математического аналога – логики возможных миров, где основные

содержательные категории сводятся к отношениям предложения к действительности, в прагматическом контексте центром смыслового пространства становится человек. Значение приобретает поведенческий характер, и высказывание оказывается неотделимым от прагматической ситуации. Истинность высказывания зависит не только от возможного мира, но и от контекста и его координат – говорящего, слушающего, времени, места, другими словами, от положения вещей [Смирнов 1972]

Учитывая сказанное, можно предложить типологию контекстов для анализа категории модальности. Использование термина «фон» вместо термина «контекст» (по аналогии с термином “background”) объясняется тем, что «фон» может вмещать ситуативную и контекстуальную информацию.

1. Реалистический ситуативный фон (совмещение интенциональной и экстенциональной семантики) – то, что имеет место или может иметь место в реальном мире: *«Дочь забудет, жена изменит, / Друг предаст, все проходит, проходит, / но ошибся безжалостный Екклесиаст, / ничего не проходит»* (С. Липкин).

То, что мы воспринимаем благодаря реалистическому ситуативному фону, есть своего рода эхо в восприятии, соответствующее нашим представлениям. Вначале высвечиваются какие-то вечные истины – способность людей к измене, забвению, предательству. Далее происходит упорядочение нашего опыта и, наконец, возникает новый смысл – поэт вступает в спор с моралью Екклесиаста.

2. Нереалистический ситуативный фон – то, что могло бы иметь место, но не произошло: *«Когда б не доблестная кровь / текла в вас – я б молчал»* (Н. Некрасов); *«Ветер шатает избенку убогую. / Весь развалился овин. / Словно шальная пошла я дорогою / Не попадет ли сын? / Взял бы топорик – беда поправимая / Мать бы утешил свою / Умер, Касьяновна, умер, родимая. / Надо ль? Топор продаю»* (Н. Некрасов).

3. Эпистемологический ситуативный фон (то, что известно): *«Я знаю, что много чудесного видит земля. / Когда на закате он прячется в мраморный грот»* (Н. Гумилев); *«I only know what hunted thought / Quickened his step and why / He looked upon the garish day / with such a wistful eye»* (O. Wilde).

4. Сочетание реалистического и эпистемологического фона: *«Я скажу тебе с последней / Прямотой / Все лишь бредни, шеррибренди, / Ангел мой. Там, где эллину сияла / Красота, / Мне из*

черных дыр зияла Срамота. Греки сбондили Елену / По волнам, / Ну а мне – соленой – пеной / По губам (О. Мандельштам). Здесь следует отметить ту немаловажную роль, которую играет поэтика ассоциаций в интерпретации картины мира, общие фоновые знания говорящего и слушателя, как языковые, так и неязыковые. Как видим, здесь присутствует перформативная форма глагола *скажу*. Однако все высказывание представляет собой косвенный речевой акт и означает значительно больше, чем простая констатация определенных фактов. Оно в неконвенциональной форме содержит побуждение, направленное на слушателя или читателя, заставляя его разделить ту оценку, которая дается в экспозиции к стихотворению. Иллокутивная сила этого высказывания выходит за рамки репрезентатива и имплицитно предполагает другую пропозицию с другим иллокутивным воздействием – это не просто информация, а навязывание определенной картины мира.

5. Деонтический ситуативный фон (то, что приказано): *“I never saw a man who looked / With such a whistful eye / Upon that little tent of blue / Which prisoners call the sky... The man had killed the thing he loved, / And so he had to die”* (O. Wilde).

6. Стереотипный ситуативный фон (то, что обычно имеет место): *«По вечерам над ресторанами / Горячий воздух дик и глух, / И правит окриками пьяными / Весенний и тлетворный дух. // И каждый вечер, за шлагбаумами / Заламывая котелки, Среди канав гуляют с дамами / Испытанные остряки. // И каждый вечер, в час назначенный, / (Иль это только снится мне?) / Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне»* (А. Блок); *«И ведь бывало охотно / Шла ты ко мне вечером / Как мы с тобой беззаботно / Веселы были вдвоем»* (Н. Некрасов); ср. также:

*He was in the fields, when I set out.
He was in the fields, when I came back.
In between, what long hours,
What centuries must have elapsed.*

(P.C. Thomas)

Предложенная выше типология правил описания модальных ситуаций определяет характер познавательных процессов. Эпи-

стемологический и реалистический (обстоятельный) модальный фон предполагают различную категоризацию фактов. Моделирование процесса порождения и восприятия речи связано с модальностью. Этим объясняется возросший интерес к изучению модальности, который можно сравнить с «бумом» исследований по метафоре. В основе этого интереса лежит рассмотрение языка как средства социального взаимодействия, как социокультурного феномена.

Еще одна проблема, к которой мы хотели бы обратиться, сегодня чрезвычайно актуальная – это язык в диаспоре. XX век, впервые в истории, явился свидетелем миграции миллионов людей. Миграция породила множество проблем: социальных, антропологических и языковых. Языкознание оказывается непосредственно связано с одной из важнейших проблем нашей эпохи, так как язык есть средство коммуникации, средство воплощения окружающей нас картины мира, накопленного жизненного опыта. Культура есть совокупность знаковых систем, важнейшей из которых является язык. Культурные антецеденты имеют немалое значение. Лингвистика взаимодействует, как указывалось выше, с фольклористикой, антропологией, психологией, историей, компаративным литературоведением.

Искусство номинации играет важную роль во вхождении в новый мир. Оно определяется сложностью и многоликостью лексической и семантической структуры слова. В сознании мигрантов складывается картина мира, не виртуального, не возможного, а вариант реального мира. Миграция есть лишение языка, корней, чувства принадлежности, естественного наследования. Это и попытка овладеть другим, новым, чужим языком. Языковая доминанта нередко задерживает процесс ассимиляции. Чужой язык становится средством получения информации, образования, культуры и материалом построения новой идентичности мигранта. Таким образом, овладение языком принимающей стороны становится одним из основных инструментов интеграции и ее непрерывным условием. В качестве примера взаимодействия культур может служить деятельность поэтического общества “Ibykus”, названного в честь древнегреческого поэта IV в. до н.э., убитого своими соперниками в лесу, по дороге на турнир, и воспетого Шиллером. Общество действует в Штутгарте (Германия). Турниры, проводимые один раз в год, бывают посвящены творчеству

одного из великих немецких поэтов. Привлекаются русские переводы. Определяется строчка, вокруг которой участники – непрофессиональные поэты, живущие на разных континентах, строят свои произведения. В дальнейшем общество планирует проведение Коринфских игр. Заметим, что столкновение и взаимодействие культур особенно хорошо иллюстрируют заголовки. Здесь обнаруживает себя поэтика ассоциаций, историческая поэтика, то, как в рамках определенного периода национальной культуры возникают связи с иным периодом или иной культурой. Ограничимся несколькими примерами: вспомним роман J. Mortimer “Paradise Postponed”- ассоциации ведут к Милтону, название известного романа W. Faulkner “The Sound and the Fury” – строчка из трагедии Шекспира “Macbeth”, роман I. Shaw “Evening in Byzantium” – обращает читателя к философии и поэзии Ейтса.

Культура и язык влияют на жизнь мигрантов, на уникальность каждого, на перевод собственного «я» из одного языка в другой. Картина мира разнится от человека к человеку. Каждый является носителем особой шкалы ценностей, особого имиджа общества. Язык может трансформировать онтологию мира, таксономию классов в сознании говорящего. Вариативность языка затрагивает не только коннотативные значения (стилистические, аксиологические, эмотивные, экспрессивные), но и референциальную структуру. Конфронтация с новым миром связана и с незнанием языка. Процесс осложняется многофакторностью слова, присущими ему денотативными, коннотативными и прагматическими компонентами значения. Принадлежность двум мирам – покинутому и новому – одна из серьезных проблем миграции. Для создания картины мира, хоть как-то отражающей действительность, необходимо владение синонимическими рядами. Отличается и семиотика общения, дружбы, свидания. Благополучный фасад может скрывать немало готических секретов. Переход из одного языка в другой можно сравнить с переходом из сети значений в невесомый хаос. Меняются представления о красоте, об уме, о правильном и неправильном. Кому-то может помочь культура принимающей страны, прежде всего литература. Однако, следует помнить, что мимезис работает лишь в одном направлении: жизнь – литература. Жизнь отказывается отразить искусство, которое, казалось бы, есть отражение жизни [Hoffman 1990: 184]. Бывший Советский Союз гордился разнообразием ге-

ографических зон, культурных традиций и языков. Вместе с тем, там наблюдалось единообразие политической, экономической и социальной систем. Культура мигрантов из бывшего Советского Союза, культура в диаспоре, нередко некий гибрид культуры страны исхода и культуры принимающей страны. Значение, в котором используется в научной литературе, термин «диаспора» предполагает не менее двух сообществ в различных местах, непреходящую связь с отечеством, сознание групповой идентичности, охват не менее двух поколений (Yelenevskaya, Cohen, Butler). Как результат разнообразия в опыте изгнания, характере миграции в научной литературе появились термины макро- и микродиаспора (Butler). Русская диаспора образовалась после распада Советского Союза. Принято различать ближнюю диаспору (территория бывшего Советского Союза) и дальнюю диаспору. В настоящее время мы наблюдаем укрепление связей диаспоры с отечеством. Как ближняя, так и дальняя диаспора поддерживают сентиментальные и материальные связи со страной происхождения. Немалую роль играют пресса и телевидение на русском языке, а также Интернет. В качестве языка общения отдается предпочтение русскому языку даже у билингвов. По мнению многих иммигрантов только родной язык может полностью выразить индивидуальность и всю глубину смысла. Подробно этнопсихологические особенности языка рассмотрены в статье, опубликованной мною ранее [Тураева 1997]: «...каждый язык представляет свою концептуализацию мира, отражает видение мира тем или иным этносом». Однако, стена между русской культурой и культурой принимающей страны постепенно становится более прозрачной.

* * *

- ДЕЙК Т.А. ван, 1989. Язык. Познание. Коммуникация. М.
 ИЖЕВСКАЯ Т.И., 1988. Становление лингвистических форм и способов внешней характеристики персонажа в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев. С. 11 и сл.
 ИЛЬИН И.П., 1983. Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы // Семиотика. Коммуникация. Стиль. М.
 КАРАУЛОВ Ю.Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М.

СМИРНОВ И.А., 1972. Причинно-следственные структуры поэтических произведений. Исследования по этике и стилистике. Л.

СТЕПАНОВ Ю.С., 1985. В трехмерном пространстве языка. М.

ТЕЛИЯ В.Н. Метафора в языке и тексте, 1988. М.

ТУРАЕВА З.Я., 1997. Этнопсихологические особенности адресованности текста // *Studia Linguistica* – 4. Языковая система и социокультурный контекст: Сб. ст./ РГПУ им. А.И. Герцена. СПб. С. 133–143.

ФИЛОСОФИЯ. ЛОГИКА. ЯЗЫК, 1987. М.

ЯЗЫК И МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, 1988. М.

BUTLER K., 2001. *Defining Diaspora. Refining a Discourse.* Diaspora.

COHEN R., 1997. *Global Diasporas.* London, UCL Press.

DERRIDA J., 1972. *La dissemination.* P.

FRYE N., 1971. *Anatomy of criticism.* Princeton.

GENNETTE G., 1986. *Narrative discourse.* Oxford.

HOFFMAN E., 1990. *Lost in Translation.*

KRALZER A., 1981. *The notional category* // *Words, worlds and contexts. New approaches in word semantics* / Ed. by Eikmeyer H.-J. and Rieser H.B.; NY.

STALNAKER R.C., 1972. *Pragmatics I I Semantics of natural language.* Dordrecht.

YELENEVSKAYA M. F *A Cultural Diaspora in the Making. Former Soviets in Israel and in Germany. Bulgarika Judeo-Russica et Palaeoslavica (Palaeoslavica, Jerusalem-Sofia 15).*

З.А. Харитончик (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.В. НИКИТИНА¹

Светлой памяти Михаила Васильевича Никитина

Комплексный анализ М.В. Никитиным ключевых сторон значения: его истоков, структуры и возможностей развития – привел к созданию ученым одной из наиболее ярких и убедительных общих семантических теорий в современном языкознании, значительно опередившей когнитивистские разработки в этом направлении и открывающей широкие перспективы для успешного разрешения самых разных проблем лексической семантики.

Ключевые слова: значение, концепт, интенционал, импликационал, неимпликационал, динамика, мотивированность

В плеяде выдающихся семасиологов современности яркой звездой сияет имя Михаила Васильевича Никитина. Продолжая традиции отечественной науки, для которой в отличие от американской лингвистики вопросы семантики всегда относились к числу первостепенных языковедческих проблем, Михаил Васильевич разработал оригинальную семантическую концепцию, отличающуюся от других целостностью, комплексностью, многогранностью логически выверенного построения. Ее исходной точкой и глубинным основанием стало описание главных, ключевых сторон значения: а) его истоков и соответственно природы и семиотической сущности, б) структуры, высвечивающей неоднородность и разную значимость составляющих значение конститuentов и в) возможностей развития значения под влиянием контекста. Естественным продолжением концепции значения явилась разработка Михаилом Васильевичем проблем семантической структуры многозначного слова и вопросов организации лексикона в целом. Необходимо подчеркнуть, что для Михаила Васильевича слово и его значение никогда не мыслились в отрыве от контекста (речи) (вспомним одну из его ранних работ

¹ Статья доктора филологических наук, профессора З.А. Харитончик была впервые представлена научной общественности в форме доклада на Круглом столе «Никитинские Чтения» в РГПУ им. А.И. Герцена (2010 г.)

[Никитин 1974]). Подход к языку не как к некоторой имманентной сущности, но как к пульсирующей в живой речи системе предопределил пристальный взгляд на значение лексических единиц в их функционировании, в их тесном взаимодействии в потоке речи и позволил ученому раскрыть многие закономерности композиционной семантики как на уровне комбинаторной семантики синтаксиса, так и в композиционной семантике тесно связанных в словосочетании лексем и уловить ту тонкую грань, где теория значения смыкается с прагматикой. Таким образом, обратившись к наиболее сложным проблемам содержательного плана языка, Михаил Васильевич Никитин сумел создать яркую и убедительную общую семантическую теорию, которая получила широкое признание в отечественной науке, и будет, я в этом убеждена, по достоинству оценена как весомый вклад в мировую лингвистику.

Задолго до того времени, когда к данным вопросам обратилась когнитивистика, главным постулатом которой стало не просто признание тесной связи значения языковых единиц и концептов, но даже как крайняя позиция их отождествление (ср. высказывание Р. Лангакера «Значение приравнивается концептуализации. В силу этого лингвистическая семантика должна стремиться к структурному анализу и эксплицитному описанию абстрактных единств, таких как **мысли и концепты**» (выделено мною – З.Х.) [Langacker 1991: 2] (перевод здесь и далее – З.Х.)), Михаил Васильевич Никитин настаивал на том, что значение, будучи фактом сознания [Никитин 1996: 25], неизбежно предстает как репрезентант структур сознания [Никитин 1983: 19] (я употребляю термины Михаила Васильевича), отмечая то, что «концепт как отдельная самостоятельная (дискретная) единица сознания требует номинатора» [Никитин 1983: 14], и выделяя соответственно в структуре значения когнитивный и прагматический компоненты, которые, «различаясь по своей природе ... вместе с тем коррелируют друг с другом» [Никитин 1996: 31]. Уже в этой основополагающей характеристике значения М.В. Никитин значительно опередил разработчиков когнитивной теории значения, которым понадобился достаточно длительный период времени, чтобы отказать от первоначального отождествления концепта и значения, а именно оно повлекло за собой изгнание значения из лингвистики и замену его поисками концептов, ставшими весьма и

весьма популярными, причем без должного методологического обоснования и понимания, что характеристика концептов только на основе языковых данных (а именно такая задача ставилась в такого рода работах) весьма неполна и ограничена. Концептуальный мир человека проявляется не только с помощью языковых единиц, но в многообразии всех форм его деятельности, и чтобы раскрыть содержание какого-либо концепта хотя бы в первом приближении, не претендуя на полноту и исчерпывающий характер описания, необходимо многомодульное исследование.

Критика подобных взглядов, в том числе и глубокий анализ когнитивных теорий Запада Михаилом Васильевичем (см. [Никитин 2007: 760–772]), и, главное, обращение к семиотической функции значения, которое представляет собой, по мнению Р. Лангакера, «точку доступа к сети» [Langacker 1987: 163], «дает доступ», по словам У. Крофта, к концептуальной структуре и «...открывает поэтому определенный вид нашего знания мира, представленного концептом, профилируемым словом» [Croft, Cruse 2004: 30] или, в концепции П. Хардера, «запускает» конструирование ментальной модели [Harder 1996: 111–114], не могли не привести к осознанию не только тесной и неразрывной связи значения с концептом, но и к пониманию того, что концепт и значение, несмотря на обязательность и неразрывность их связи, не есть тождественные сущности. Следуя тезису о семиотической функции лексических единиц как наиболее ярких репрезентантов нашего концептуального мира, в разных теориях и соответственно разных терминах, ученые вновь пришли к разграничению знания, закрепленного за словом и передаваемого им, и знания, зафиксированного в когнитивных структурах нашего сознания. «Лексические единицы не могут быть просто приравнены к концептам», – пишет Ф. Кайль [Keil 1996: 194]. Значение лингвистической единицы есть лишь своеобразное окно в мир нашей психики, выступая, как отмечает Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], в некоторой редуцированной форме его определенным репрезентантом. Созвучна процитированным взглядам и концепция В. Эванз, в которой автор различает значения высказываний, лексические концепты и концептуальные структуры. «Слова и лингвистические единицы в целом связаны ассоциативной связью с *лексическими концептами*», – подчеркивает В. Эванз, – «Лексический концепт есть концептуальная

репрезентация, кодируемая и получающая внешнее выражение с помощью языка. Соответственно одна из двух главных задач ...заключается в представлении и описании этого теоретического конструкта и в разграничении лексических и лингвистических концептов (т.е. концептуальной структуры) и ситуативных значений (ассоциативно связанных с высказываниями)» [Evans 2006: 2]. Однако в отличие от последней, достаточно распространенной в последнее время среди когнитивно ориентированных исследователей точки зрения, согласно которой значение конструируется лишь в процессе употребления, а языковые выражения рассматриваются как не имеющие собственного значения (см. анализ и критику данной концепции П. Хардером в [Harder 2010: 38] – вспомним также спор сторонников текстоцентрического и лексикоцентрического подходов к трактовке значения в советской лингвистике), в теории М.В. Никитина акцент сделан на языковой сущности значения. **«Значение – это концепт, связанный знаком.** (выделено мною – З.Х.). В силу этого, помимо содержательной стороны, ему свойственны соотносительные собственно языковые характеристики, которые мы объединяем общим понятием **языкового статуса значения**» [Никитин 1983: 48].

С концептуальной сущностью значения связан целый ряд его характеристик, в первую очередь, функциональное предназначение значения, которое выступает как естественное следствие его семиотической природы. И вновь хотелось бы подчеркнуть, что до того, как в трудах Р. Лангакера, У. Крофта, П. Хардера и других значение получило функциональное описание (напомню: как «точка доступа к сети» [Langacker 1987: 163]), или как открывающее доступ, по словам У. Крофта, к концептуальной структуре [Croft, Cruse, 2004: 30], или в концепции П. Хардера как элементы ввода для «запуска» конструирования соответствующей ментальной модели, необходимой для процесса понимания [Harder 1996: 111–114], М.В. Никитин писал о способности языковых единиц выразить, и это трактовалось как синоним к «актуализировать (вызвать в сознании при восприятии) и сообщить соотносенный с ними смысл» [Никитин 1983: 9]. Данная позиция ученого нашла отражение в еще одном важном исходном постулате его концепции, сформулированном следующим образом: «При сообщении значений, строго говоря, не происхо-

дит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них, не составляют часть материального тела знака. Более точно то представление, что знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека другому, а и н д у ц и р у ю т (разрядка моя – З.Х.) тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях. Знаковое общение имеет результатом актуализацию одинаковых или близких значений в головах общающихся, а также модификацию и возникновение новых значений» [Никитин 1996: 25]. Предугаданной тем самым в известной степени оказалось и становление социальной когнитивной лингвистики (П. Хардер), в которой значение рассматривается как характеристика общего социокультурного окружения. «Это может привести к опасности постулирования мистического (таинственного) коллективного сознания», – указывает П. Хардер. «Но существование значения как свойства окружающей среды», – продолжает автор, – «абсолютно не представляет собой никакой мистики (тайны) и вытекает из того факта, что значение представляет собой по своей сути intersubjectное свойство, которое возникает в процессе взаимодействия сознаний, а не в сознании, действующем изолированно. Значение, которое я конструирую как человек, формируется под влиянием обратной связи с людьми, с которыми я вступаю во взаимодействие, подобно тому как в процессе усвоения языка я (ставлю своей целью) усваиваю значения, которые слова имеют и для других людей» [Harder 2010: 39]. Соответственно важной задачей развивающейся социальной когнитивной лингвистики становится выяснение характера взаимодействия субъективного (индивидуального) значения и социального значения.

Концептуальная сущность значения детерминирует и такие его свойства, как наличие определенной, динамичной по своей природе структуры. Казалось бы, неразрывная и постоянная связь значения с концептом должна привести к тому, что репрезентируемое в значении социально значимое (коллективное) знание как результат отбора некоторых важных для социума свойств из всего многообразия характеристик обозначаемой категории формирует стабильную структуру, изменения в которой осуществляются только во времени. (Интересны в этом плане семантические описания целых классов лексических единиц,

формирующих определенные семантические области, воочию демонстрирующие, какие кванты знания в первую очередь закрепляются в семантике языковых единиц. См. подробнее работы А. Вежбицкой, Дж. Пустейковского, Е.В. Рахилиной, белорусских исследователей О.Ю. Гавриловой, М.И. Олейник и ряда других). Не случайно, что чрезвычайно частой характеристикой, представляющей в виде семантического компонента в значении слова, оказывается функция, цель использования обозначаемой сущности, конструктивные, локативные и некоторые другие свойства, равно как не случайной является, на наш взгляд, достаточно жесткая корреляция между мотивировочными признаками во внутренней форме и компонентами семантической модели того или иного класса слов. Однако в контексте данной работы принципиально важно отметить, что взгляд на значение как некоторый набор семантических компонентов, который возникает на базе нашего знания прототипических представителей категории, или как на семантическую схему, в концепции А. Вежбицкой, заключающую в себе общую и различную информацию, и тем более практически и соответственно синхронно ориентированные лексикографические описания значения в толковых словарях способствуют представлениям о значении как некоторой статичной в синхронии, «окостеневшей» структуре, усваиваемой носителями языка в целях успешной коммуникации. И именно эта коммуникативная задача определяет, казалось бы, то, что динамика значения, прежде всего, связана с диахронией. Соотношение концепта и значения при такой интерпретации оказывается весьма простым: это два множества, или ментальных конструкта, одно из которых (значение) составляет часть, возможно, а может быть, вероятнее всего, центральную часть другого (концепта). Однако это упрощенная схема ущербна в одном чрезвычайно важном аспекте. Она не позволяет объяснить ни вариативность лексикографических дефиниций (ср., например, *fish* 'an animal which lives in water, is covered with scales, and which breathes by taking water in through its mouth' [Cambridge 2003], 'An animal that lives in water, and uses its fins and tail to swim' [Longman 2003], 'A fish is a creature that lives in water and has a tail and fins' [Collins 2006]; *rabbit* 'a small animal with long ears and large front teeth, which moves by jumping on its long back legs' [Cambridge 2003], 'A small animal with long ears and soft

fur, that lives in a hole in the ground' [Longman 2003], 'A rabbit is a small, furry animal with long ears. Rabbits are sometimes kept as pets, or live wild in holes in the ground' [Collins 2006]), ни тем более вариативность компонентов, профилируемых в словосочетаниях (ср. *a strong man, a tall man, a wise man, a kind man, etc.*). Глубоким проникновением в суть соотношения концепта и значения представляется мне описание структуры значения в концепции М.В. Никитина, в которой выделяются **интенционал**, т.е. содержательное ядро слова, предопределяющее его экстенционал, или область того, что может быть названо именем, **импликационал**, или та часть, в которой заключены периферийные признаки, включающие стереотипные ассоциации, истинные или ложные, традиционно связываемые с каким-то классом и обычно требующие определенного контекста для своей реализации, и, наконец, **негемпликационал**, в который входят несовместимые с интенционалом или импликационалом признаки. Тем самым структура значения оказывается динамичной, подвижной, прежде всего, в области импликационала, определяемой теми типами знания, которые образуют концептуальную область, репрезентируемую значением слова, ее именуемого. Действительно, значение слова открывает доступ к этой области, выбор разных концептуальных признаков из которой определяет многочисленность, с одной стороны, и ограниченность возможных сочетаний, с другой. Появление новых свойств именуемого немедленно влечет за собой актуализацию данного признака в соответствующих словосочетаниях, а затем при приобретении данным признаком некоторой устойчивости или салиентности его внесение в лексикографическое описание. Именно это, как можно судить по лексикографическим данным, и случилось с лексемой *air* 'воздух' в английском языке, в словарных описаниях которой, начиная с 90-х гг. прошлого века, лексикографы англоязычных толковых словарей, отмечая активность и социальную опасность загрязнения окружающей среды, вводят свойство загрязненности воздуха или с помощью отсылки к слову *pollution*, или же приводя в лексикографической статье словосочетание *air pollution*. Благодаря основополагающему разграничению интенционала и импликационала значение предстает как принципиально открытая структура, профилируемые или же нейтрализуемые компоненты которой обусловлены самой концептуальной областью. Вариатив-

ность значения, о которой говорилось выше, таким образом, не есть прихоть лексикографов и тем более не лексикографический произвол. Эта вариативность, равно как и вариативность слово-сочетаний, не нарушающих правил семантического согласования, есть естественное следствие открытого и соответственного динамичного на синхронном срезе характера значения. Иное дело – проведение грани между интенционалом и импликационалом, для определения которой, насколько нам известно, не разработано пока убедительных процедур. Представляется, однако, что ключ к решению данной проблемы можно найти в дополнении теории структуры значения М.В. Никитина наработками прототипической семантики. Соответственно, знания, заключенные в прототипе и образующие семантический стержень для той или иной суперкатегории (например, *птица* – с крыльями, двумя ножками, клювом, перьями), как правило, передаваемые классификатором, а также модифицирующие их семантические компоненты (жесткие модификаторы) формируют интенционал значения (например, наименований разных видов птиц – *воробья, малиновки, голубя, грача, дятла, аиста* и т.д.). В импликационал их значений могут войти компоненты, несущие знание о способности птицы к пению (*соловей*), о миграции птиц (*скворец, ласточка*), об их месте проживания, их способе питания, размножения, символической функции для данного социума и т.д. и т.п. В этом плане значение лексической единицы можно представить как структуру, включающую классификатор, модификаторы (сильные и слабые) и оценочные компоненты (*classifier, modifiers and evaluators*), в которой наиболее стабильной, ядерной частью, семиотически обязательной в ассоциативной связи имени и его значения и не подверженной влиянию коммуникативных контекстов, естественно, является классификатор. (Как часто только этим знанием мы руководствуемся или ограничиваемся, говоря, что знаем слово, и подводя наше знание об объекте под некоторый класс, указывая, что это – какой-то фрукт, гриб, растение и т.д. и т.п.). Уровень модификаторов предполагает более детальное знание, нередко научное (например, химический состав, вид/подвид животного в биологической классификации и др.), переходящее в энциклопедическое, наиболее подверженное закономерностям выбора под влиянием коммуникативных задач речевой деятельности.

В заключение предложенного краткого анализа концепции значения М.В. Никитина хотелось бы остановиться на перспективности данной концепции для разрешения самых разных проблем лексической семантики. Вряд ли можно перечислить даже в самом ограниченном виде широкие возможности использования данной концепции (например, для описания метафоры, метонимии, разработки нелинейной структуры многозначного слова и т.д. и т.п.). Приведу в качестве примера разработку семантической типологии мотивированности [Kharitonchik 1997], отправной точкой которой явилось представление значения в виде тех или иных долей. На базе включения мотивирующих признаков в соответствующие структурные части, или доли, лексического значения, стало возможным выделить интенциональную, импликациональную и неимпликациональную мотивированность. В отличие от широко известной типологии, в которой устанавливаются фонетическая, морфологическая и семантическая мотивированность, и ее различных вариантов, предложенных И.С. Торопцевым, В.В. Гаком и другими, отражающей избранные создателем имени приемы или способы номинации, семантическая типология указывает на разное место мотивирующих признаков в структуре лексического значения и тем самым на разную степень важности корреляции значения мотивирующей базы и значения мотивированного имени.

Вхождение мотивирующих признаков в интенционал лексического значения имени лежит в основе **интенциональной мотивированности**, которая характерна в первую очередь, для производных имен транспозиционного и модификационного типов (например, англ. *doer* ‘деятель’, *listener* ‘слушатель’, *swimming* ‘плавание’, *arrival* ‘приезд’, *departure* ‘отъезд’, *paper* ‘оклеивать обоями’, *yellowy* ‘желтоватый’, etc., рус. *проектирование, соппротивление, косьба; отцовский, соседкин; рыхлить, скирдовать, монашествовать; домик, избушка, котенок; хрипловатый, богатейший, строжайший; выбелить, наклеить, пересеять* и многие другие). **Импликациональная мотивированность** возникает в том случае, если мотивирующий признак входит в импликационал лексического значения. Импликациональная мотивированность широко распространена среди компаративной производной лексики типа англ. *to lord* ‘совершать действия, свойственные лорду: вести себя самовластно, важничать’, *to wolf* ‘пожирать с

жадность, как волк’, *soldierly* ‘свойственный солдату: с военной выправкой, воинственный, храбрый, решительный’, рус. *змеевик* ‘трубка, обычно изогнутая спиралью, употребляемая при перегонке жидкости в различных тепловых установках; плотная горная порода зеленого цвета с пятнами’, *утюжить* ‘гладить утюгом; нажимая, прессуя, проводить чем-нибудь по поверхности (*Каток утюжит асфальт*)’, *отцовский* ‘принадлежащий отцу; свойственный отцу, такой, как у отца (*отцовские чувства*)’ и т.д. В семантике этих слов уживаются достаточно часто два значения: в первом мотивирующий признак входит в интенционал лексического значения мотивированного имени, во втором – в его импликационал. Ко второму типу, по-видимому, можно отнести производные типа рус. *песчанка, зеленка, дубовик, моховик* и др.

Специфическим типом мотивированности является негемпликациональная мотивированность, имеющая место в том случае, если значение мотивирующей базы или баз входит в так называемый отрицательный импликационал, или негемпликационал лексического значения мотивированного слова. Это идиоматизированные слова типа англ. *ladybird* ‘божья коровка’, рус. *мать-и-мачеха, пересмешник*, компоненты которых соотносимы с существующими в языковой системе однозначными наименованиями, но семантической связи с их лексическими значениями не обнаруживают, вследствие чего нарушаются правила референции, что в целом свойственно идиомам. Иными словами, внутренняя форма данных слов все еще жива, но не находит отражения в лексическом значении целого, и это не позволяет пользователям языка судить, как говорили древние, о правильности имен, т.е. о соответствии значения структурных частей имени сущности обозначаемого, и на основе формальных свойств имени установить его референцию.

Естественно, что степень мотивированности лексических единиц является производным от ее семантического типа: она наиболее высока при интенциональной мотивированности и приближается к или равняется нулю при негемпликациональной.

Продолжая принятую линию семантического анализа мотивированности, можно, по-видимому, свести воедино и наблюдения об актуализации в значениях производной единицы лексического значения производящей базы во всей его полноте, только его

интенциональных и/или импликациональных семантических компонентов (см, например, [Харитончик, 2002]) и тем самым разработать еще одну семантическую типологию мотивированности.

Систематизация факторов, детерминирующих тот или иной тип мотивированности, несомненно, – дело будущего. В данной статье на этом конкретном примере нам хотелось подчеркнуть, что разработанное М.В. Никитиным учение о значении, представление концептуальной сущности значения, его структуры как определенной структуры знаний, в организации которых действует принцип их разной значимости, является квинтэссенцией семантического знания 20-го и, как показывает опыт, первого десятилетия 21-го века. Теория М.В. Никитина, по моему глубочайшему убеждению, никоим образом не исчерпала своего творческого потенциала, который, смею надеяться, будет реализован в трудах его последователей и учеников.

***

КУБРЯКОВА Е.С., 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.

НИКИТИН М.В., 1974. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир.

НИКИТИН М.В., 1983. Лексическое значение слова. (Структура и комбинаторика). М.

НИКИТИН М.В., 1996/1997. Курс лингвистической семантики. СПб.

НИКИТИН М.В., 2007. Курс лингвистической семантики. 2-е изд., доп. и испр. СПб.

ХАРИТОНЧИК З.А., 2002. О рефлексии лексических значений и их компонентов в семантике аффиксальных производных // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik (Materialien der 5. Internationalen Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee). Lutherstadt Wittenberg, 20–25. September 2001) / *Svetlana Mengel* (Hrsg.). – Munster; Lit.

CROFT W., CRUSE D.A., 2004. Cognitive Linguistics. London.

EVANS V., 2006. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction // Cognitive Linguistics 17 (4).

И.К. Архипов (Санкт-Петербург, Россия)

**СЛОВА, СОДЕРЖАЩИЕ ИНФОРМАЦИЮ, КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
«СИСТЕМНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ»**

В работе обсуждается статья М.Дж. Редди (1979/1993), анализирующая механизм метафоры, который исходит из представления о том, что слова естественного языка являются хранилищем и средством передачи содержания в ходе коммуникативного акта. Подобная точка зрения извращает природу языка как функции человеческого организма.

Ключевые слова: слово, семантика, коммуникация, передача информации, метафора

«Передача словом информации», «содержание слова» – словосочетания, понимание которых, судя по всему, не вызывает никаких трудностей и сомнений. Они кажутся незыблемыми понятиями, воспринимаются как данности и являются базой «теории информации». Но мир устроен так, что в любой стабильной обстановке желательно обладать воображением и понимать, что, как говорил великий Шекспир, где-то «уже точит червь». Вот таким «червем» выступил 30 лет назад М.Дж. Редди, критикующий принципы, лежащие в основе этой теории. Судя по всему, заметили это немногие, и это не удивительно, так как является очередной иллюстрацией соотношения взглядов на мир большинства тех, кто в нем живет, и тех немногих, которые хотят понять, как он действительно устроен.

Язык воспринимается всеми, кто на нем говорит, как данность. Носитель языка живет в нём. Родной язык испытан всем жизненным опытом человека и *поэтому* не требует на уровне обыденного сознания объяснений *его природы*. Этим исчерпывается практическое отношение к языку неспециалистов. Проявлений же иного, глубоко интимного отношения практически столько, сколько специалистов. Большинство из них ничего не знают о «черве» и покорно, то есть, естественно, следуют логике бесчисленных, каждодневных примеров использования существительных, выражающих абстрактные понятия так, как если бы они обозначали материальные предметы:

KHARITONCHIK Z.A., 1998. Idiomaticity of Derived Lexical Units // Proceedings of the XV1th International Congress of Linguists. Ed. Bernard CARON. 20–25 July 1997. – Pergamon, Oxford. Paper No.0303. CD.

HARDER P., 1996. Functional Semantics: A Theory of Meaning, Structure, and Tense in English. Berlin, NY.

HARDER P., 2010. Meaning in Society: Concepts and Discourses in a Social Cognitive Linguistics // Когнитивные исследования языка. Выпуск VI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Сборник материалов. Тамбов.

KEIL Frank C., 1996. Explanation, association and the acquisition of word meaning // The Acquisition of the Lexicon, Ed. by Lila Gleitman, and Barbara Landau. – MIT Press.

LANGACKER Ronald W., 1987. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1. Theoretical Prerequisites. Stanford (Cal.).

LANGACKER Ronald W., 1991. Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin, NY (Cognitive Linguistics Research 1).

Источники:

CAMBRIDGE, 2003. Advanced Learner's Dictionary / man. ed. K. Woodford, G. Jackson. Cambridge.

COLLINS, 2006. COBUILD Advanced Dictionary of American English / ed.: J. Sinclair [et al.]. Boston.

LONGMAN, 2003. Dictionary of Contemporary English / ed. director A. Gadsby. Harlow.

- (1) Try to get your *thoughts across* better;
 (2) None of Mary's *feelings came through* to me with any clarity;
 (3) You still haven't *given me any idea* of what you mean.

Все эти примеры, по мнению Редди, содержат стершиеся метафоры и данный механизм он назвал «метафорой канала передачи информации» (МКПИ) (conduit metaphor). «Канал» в данном случае ассоциируется с конкретным «трубопроводом» или «трубой». «Ведь, в действительности, мы не «пересылаем» буквально мысли, когда мы говорим, не так ли? Всё это напоминает телепатию или ясновидение, которые намекают (suggest) на то, что в ходе коммуникативного акта мысли переносятся, как конкретные предметы. Ясно, что никто не *получает* чьи мысли в прямом смысле в процессе общения (1), (3). Эмоции Мэри также непосредственно могут быть прочувствованы только ею (2): они, конечно же, *не приходят*, когда она говорит. Никто не в состоянии буквально *передать мысль*, поскольку мысли замкнуты в черепной коробке и в процессах тела каждого из нас. Ясно, что ни одно из этих высказываний не может быть принято за чистую монету».

Продолжая реконструкцию наблюдаемых коммуникативных процессов, автор подчеркивает творческий характер речевой деятельности коммуниканта, строящего высказывания: «очевидно язык скорее стремится помочь слушающему выстроить, опираясь на свои знания, некий аналог или копию мысли говорящего, вариант, который более или менее соответствует реальности в зависимости от массы предвходящих условий». В противном случае, «если бы мы могли посылать свои мысли друг другу, нам вообще не нужна была бы никакая система коммуникации». Анализ материала «множества метафорических выражений» показывает, что ответы на все недоуменные вопросы «полностью вписываются в тезис о том, что коммуникация осуществляется посредством физического переноса мыслей и эмоций» [Редди 1993: 166–167].

Примеры выше иллюстрируют ситуации, когда «всё идёт хорошо» – мысли и эмоции вставляются в слова, так как коммуниканты «на уровне». Однако, когда общаются люди недогадливые или плохо знающие язык, то им дают, например, такие советы:

- (4) Whenever you have a good *idea practice capturing it in words*;

- (5) You have to *put each concept into words* very carefully;
 (6) Try to *pack more thoughts into fewer words*;
 (7) Insert those *ideas* elsewhere in the *paragraph*;
 (8) Don't *force your meaning into* the wrong *words*.

Из них следует, что мысли можно *вложить* или *уложить* (4, 5, 6), *вставить* (7) или *запихнуть* (8). Предложение, оказывается, можно *нагрузить* большим или меньшим количеством смысла:

- (9) Don't *load a sentence with more thoughts* than it can hold.

«Итак, когда люди говорят или пишут, то они вкладывают свои внутренние мысли и эмоции в языковые сигналы, перемещающиеся в реальном пространстве... Этот механизм предлагает нелепое (bizarre) видение слов с *внутренними пространствами* (insides) и внешними поверхностями (outsides). И это логично: если мысли можно *вставлять*, то должны быть и *пространства внутри* для них. Тем не менее, какие бы метафизические причуды ни приписывались английскому языку, это не может заставить нас согласиться с подобной явной чушью (patent nonsense). Услышав нечто такое, любой носитель языка быстро приходит в чувство, припоминая, что *содержание* (content), прежде всего, ассоциируется с понятиями почти синонимичными *мысли* и *значению*» [Редди 1993: 166–168]. Такая «модель коммуникации объективирует значение, представляя его в извращенном дегуманизированном виде. Она намекает на то, что мысли – это предметы внешнего межличностного мира, подобно столам и лампам» [Редди 1993: 186].

Коммуникация не только сводится к простеньким операциям вложению «готового» смысла и эмоций в оболочки слов и извлечения их, но и сами действия подобного рода оказываются неопределенными и необязательными. Так, выясняется, что, помимо «основного механизма» (major framework), в рамках которого мысли и чувства вставляются в слова-контейнеры и извлекаются из них, существует еще «вспомогательный механизм» (minor framework). Он не замечает (overlooks) то, что слова – контейнеры. Он допускает, что, будучи вне каких-либо связей и оболочек (unfettered), значения и эмоции могут перемещаться (flow) в некую окружающую (ambient) и разделяющую нас среду. В этом случае, вместо замкнутого языка-канала, между коммуникантами действуют индивидуальные каналы, через которые

мысли входят и выходят. Эти отступления от основной схемы, можно догадаться, основаны на интуитивных подозрениях, что слова все-таки не контейнеры».

Итак, выводы по вспомогательному механизму сводятся к следующему: 1) «мысли и эмоции в ходе коммуникации выходят в «идеальное пространство»; 2) в нем они материализуются (are reified) и 3) и они могут попасть в головы людей, а могут и не попасть»:

(10) *That concept has been floating around for decades;*

(11) *Her delicate emotions went right over his head.*

Из этого можно сделать неутешительный вывод: если находящиеся непонятно где мысли о некоторых сущностях становятся понятными в речи точно так же, как и мысли, извлекаемые из слов-контейнеров, то неопределенность вспомогательного механизма бросает тень сомнения и на основной механизм.

Далее, несмотря на абсурдность лежащих в основе МКПИ системных когнитивных образов, именно она составляет концептуальную специфику языка (*the cloth of the language*) и занимает доминирующую (*global, systematic*) позицию в языке (*its threads are nearly everywhere – 70% выборки*) [Редди 1993: 179–180].

Причина этого в том, что «так видят мир» носители английского языка. Попытки «подправить народ», говорящий на образном языке (*idiomatic English*), избегая МКПИ, «практически лишают возможности сказать что-либо по существу о механизме речи... Запутавшемуся в словах студенту вы можете сказать: “Try to communicate more effectively, Reginald”. Однако, эффект этого будет отличаться от “You’ve got to learn how to put your thoughts into words” [Редди 1993: 170–171, 177–178]. Для описания этой ситуации С. Ульман использовал понятие *семантическая патология (semantic pathology)*, «которая возникает всякий раз, когда два или более несовместимых смысла оказываются связанными с одним именем в одном и тоже контексте, и (тем не менее) могут быть содержательно интерпретированы (*figuring meaningfully*)» [Ullmann 1957: 122].

Теперь, когда становится ясно, что «патологическое» видение мира, естественно обусловленное стереотипами познания мира материального, несколько не мешает человеку в главном – необходимости адекватного приспособления к физической и социальной среде, – остается выяснить «претензии» специалистов.

Они на самом деле определяются непосредственными интересами и потребностями конкретных исследователей. Так, даже такие «смежники» лингвистов, как литературоведы, философы, историки и прочие «гуманитарии», в своем научном обиходе, как правило, пользуются словами и их значениями как «готовыми единицами». Конечно, такому специалисту неплохо знать, *как* он актуализировал то или иное значение. Однако этот интерес, как правило, заслонен стремлением контролировать его *функционирование* в рамках языкового и речевого контекста.

Иное дело – изучение языка, явления, которое реально существует только в процессе его использования в реальном времени и пространстве [Матурана 1995; Кравченко 2008]. В этих условиях непосредственные наблюдения или реконструкции факторов коммуникативного акта (кто, где, когда, что делает или сделал) позволяют и требуют ставить и постоянно удерживать механизмы семиозиса в центре внимания [Архипов 2008: 182–228]. Посмотрим теперь, какие ответы на поставленные вопросы предлагает теория информации. Коснемся главного недостатка – неоднозначности ключевого слова *message*. «Для теории информации это создает серьезные проблемы, так как $message_1$ буквально означает цепочку сигналов в то время, как $message_2$ – один из вариантов смысла, актуализирующийся в акте коммуникации. Однако двусмысленность положения, при котором мы отсылаем и получаем « $the\ message_2$ » через « $the\ message_1$ », по логике МКПИ, дело привычное (*trivial*):

(12) *I got your message ($message_1$) but had no time to read it;*

(13) *Okay, John, I get your message ($message_2$): let’s leave him alone.*

У.Уивер постоянно пользуется метафорами. Так, например, он задает вопрос: «How precisely do the transmuted symbols convey the desired meaning?» или сравнивает “two messages, one of which is heavily loaded with meaning and the other of which is pure nonsense”. Всё это объясняется тем, что исследователь полагает, что «отправитель превращает *сообщение (message)* в *сигнал*» [Shannon, Weaver 1949: 4, 7]. Двусмысленность присутствует и здесь: трансформируется форма/ы или содержание? Но это опять-таки не волнует авторов теории, с легкостью «списывающих» неопределенности на «шум и искажения в канале связи». Последнее, однако, противоречит природе кода, на представле-

нии о котором основана вся теория. Редди замечает: «согласно их теории, любая единица (something) *воссоздается* получателем и она, как полагают, (hopefully) похожа на исходное сообщение отправителя». Он также указывает на источник передержки, а именно, на неправомерность использования понятия *код*, поскольку «код – это отношение между двумя различающимися системами. Он ничего не «изменяет» во что-то другое. Он лишь сохраняет во второй системе способ организации первой системы» [Редди 1993: 183]. «...исследование языка может, если хочет, обходиться без МКПИ. Для этого нужно отказаться от кодов и вместо этого сконцентрироваться на динамических аспектах общения» [Cowley, Love 2006: 19].

***

АРХИПОВ И.К., 2008. Язык и языковая личность. СПб.

КРАВЧЕНКО А.В., 2008. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск.

МАМАРДАШВИЛИ М.К., 1999. О призвании и точке присутствия // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М. – С. 93–124.

МАТУРАНА У., 1995. Биология познания // Язык и искусственный интеллект. М. – С. 95–142.

REDDY M.J., 1993. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language // *Metaphor and Thought* / ed. by A.Ortony, 2nd ed., Cambridge (Mass.) – P. 164–204.

COWLEY S.J, LOVE N., 2006. Language and cognition, *or*, How to avoid the conduit metaphor. – P. 21

SHANNON C.E., WEAVER W., 1949. The Mathematical Theory of Communication. Urbana.

ULLMANN S., 1957. The Principles of Semantics, Glasgow.

О.А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ БЕЗЛИЧНОЙ К ЛИЧНОЙ СЕНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной англистике нет однозначного решения вопроса о переходе сентенциональной конфигурации от безличной модели к личной. В статье делается краткий обзор концепций лингвистов, так или иначе рассматривавших вопрос эволюции сентенциональной конфигурации на материале английского языка в его диахронии.

Ключевые слова: *безличная/личная конфигурация, сентенциональная конфигурация, функциональная категория, тематическая организация, теория перехода.*

Рассматривая безличные предложения в их развитии на материале английского языка, все лингвисты отмечают переход от разветвленной системы безличных структур в древнеанглийском языке к личному употреблению структур аналогичной семантики в среднеанглийском языке. Причины подобного перехода объясняются по-разному. Классический пример, иллюстрирующий подобный переход, приводит ван дер Гааф [van der Gaaf 1904], а вслед за ним использует О. Есперсен [Jespersen 1927: 11–21]:

- a. þam synge licodon peran [the king (dat. sg) liked (pl.) pears (nom. pl)]
- b. The king (sg.) likeden (pl.) pears (pl.)
- c. The king liked pears
- d. He liked pears

Данное предложение ((a) – OE) является искусственным образованием, с помощью которого О. Есперсен демонстрирует, как осуществлялся переход от безличной конструкции к личной в актуальном использовании, то есть модификация объекта в дативе в полноценный номинативный субъект. В данном случае О. Есперсен признает подобные исходному варианту (a) конструкции бессубъектными, то есть безличными, принимая концепцию об обязательности в личном предложении наличия одушевленного субъекта – агенса, и номинативного оформления подлежащего-субъекта, а также согласовании такого субъекта с предикатом. Движущей силой подобного перехода О. Есперсен

считает давление со стороны все возрастающей фиксированности порядка слов в английском языке по модели SVO. О. Есперсен следующим образом анализирует данные предложения: в предложении (a) NP *peran* с очевидностью – подлежащее, по причине наличия согласования глагола с именной группой, таким образом модель предложения (a) – OVS. В предложении (b) дательный падеж инициальной именной группы уходит, однако порядок слов прежний – OVS, так как глагол по-прежнему согласуется во множественном числе с финальным существительным. Предложение (d) без сомнений демонстрирует прямой порядок слов SVO, что следует из прономинализации субъекта. Предложение (c) может интерпретироваться и как SVO, и как OVS, и именно эта стадия в генезисе личного предложения из безличной структуры и демонстрирует наиболее явно ступень перехода. О. Есперсен далее утверждает, что синтаксический сдвиг сопровождался сдвигом семантическим, то есть в значении глагола исходный вариант *licodon* – “*cause pleasure to someone*” с изменением структуры предложения модифицировался в значение *like* – “*receive pleasure from someone/something*”. В случае рассматриваемого предложения (a) О. Есперсеном принимается термин «безличное предложение», хотя подлежащее в данном случае представлено в структуре предложения, но не означает, что это – субъект, ибо представлено неодушевленным существительным. В процессе перехода с потерей падежных флексий носители языка начали воспринимать инициальный элемент подобных предложений как подлежащее – субъект, чему способствовал одушевленный характер референта. Такова точка зрения О. Есперсена.

Помимо давления со стороны укрепляющегося прямого порядка слов в английском языке, исследователи отмечают еще одну причину перехода от безличной конструкции к личной. Как утверждает Р.П. Трипп [Tripp 1978], у данного феномена существует еще и психологическая причина, по его мнению, исчезновение безличной конструкции коррелирует с возникновением современной эгоцентричной личности, но не обусловлено исключительно лингвистическими причинами. Все это – результаты Ренессансного рационализма.

Возражение этой точке зрения находим в исследованиях С.Л. Аллен [Allen 1986: 396], посвященных синтаксическим структурам древнеанглийского языка. По утверждению ученого,

структуры, подобные приведенным в примерах с глаголом *like*, крайне редко встречаются в древнеанглийских текстах. Более того, более типичной для древнеанглийского языка исследователями признается структура SOV, следовательно, данное предложение должно иметь следующий вид:

a. *Peran þam cyngre licodon.* – [Груши тому королю нравятся.]

b. *Peran [up þam cyngre licodon].*

Предложение (b) демонстрирует структуру синтаксических отношений.

В среднеанглийский период с передвижением именной группы в финальную, пост-вербальную, позицию, детерминирующую прямой порядок слов, структура предложения должна была выглядеть следующим образом:

c. *Peares [up likeden the king]*

В обоих случаях лингвисты полагают, что переход от безличной конструкции к личной происходил под влиянием движущей силы – усиления тенденции к прямому порядку слов в предложении. Представители генеративного направления добавляют к числу факторов, обусловивших данный переход, возникновение и усиление функциональных категорий, в первую очередь ЕРР (Принцип обязательности подлежащего). Однако данные утверждения представляются сомнительными и остаются в статусе гипотез. Таким образом, в отношении перехода от безличной структуры к личной нет единого мнения, и этот процесс во многом еще требует своей дальнейшей разработки.

Критика теории «перехода» О. Есперсена и ван дер Гаафа была обоснована Ольгой Фишер и ван дер Лииком [Fischer, van der Leek 1983: 337]. Принимая вывод о семантическом сдвиге предиката подобных предложений – «каузитивность» / «рецептивность», исследователи утверждают, что в древнеанглийском языке оба значения были представлены в семантической структуре глагола и детерминировали выбор типа конструкции. Семантический сдвиг «каузитивность» / «рецептивность» в семантике глагола в среднеанглийском языке сохранился, однако уже не требовал дифференциации на уровне конструктивного оформления, то есть потеря безличной конфигурации синтаксической структуры привела к конвергентности обеих структур и проявлялась исключительно на уровне функциональной категоризации.

ции глагола, отраженной имплицитно. В теории О. Фишер и ван дер Лиика безличные глаголы – двуместные предикаты, аргументами которых являются экспериенцир (experience) – именная группа с вершиной, выраженной одушевленным именем в форме номинатива или датива, и каузатор (cause) – именная группа с вершиной, выраженной именем в форме генитива, или предикативная единица. Далее в своей концепции ученые обращаются к Теории падежа (Case theory), основным положением которой является то, что каждый глагол в узле VP детерминирует падежные формы (в минимальном наборе – в рамках Теории Минимализма) своих внутренних аргументов, соответствующие тета-ролям (или семантическим ролям) этих аргументов. В рамках данной теории падежного детерминизма только номинатив не является детерминированным со стороны предиката, но получает свою форму исключительно в силу обусловленности данного падежа структурно-позиционным фактором.

Далее, исследователи объясняют трансформацию каузатора (аргумент в форме NP в генитиве) в субъект (структурно-обусловленный NP в номинативе) на уровне поверхностного представления тем, что определенные глаголы не детерминировали лексический генитив в качестве формы каузатора, в этом случае именная группа со значением каузатора передвигалась в субъектную позицию (в позднейших исследованиях – экстернализация внутреннего актанта [Osawa 1996]) и с обязательностью принимала форму структурного номинатива, не имеющего ничего общего с актантным падежом как актуализацией семантической роли, например:

a. NP (cause – Nom) + NP (experiencer – Dat) + V (causative):

b. *Ɔa ofhreow Ɔam munece Ɔæs hreoflian mægenleast*

c. *Ɔa ofhreow [experiencer – dat Ɔam munece] Ɔæs hreoflian [cause – nom mægenleast]*

d. *Then brought pity to the monk the leper's feebleness (Ælfric's Catholic Homilies I 23.336.10)*

Если экспериенцир не получал от предиката датива, именная группа, представляющая семантическую роль экспериенцира, претерпевала передвижение в позицию субъекта и получала форму структурного номинатива, детерминируемую категорией финитной группы. Например:

a. *P (experiencer) + NP (cause) + V (receptive)*

b. *Se mæsse-preost Ɔæs mannes ofhreow*

c. *Se [experiencer – nom mæsse-preost] [cause – gen Ɔæs mannes] ofhreow*

d. *The priest felt pity because of the man*

Далее, по мнению исследователей, английский язык претерпевал следующие изменения. Потеряв в поздне-среднеанглийском периоде способность детерминировать лексический падеж по причине разрушения морфологической падежной системы, глагол в безличных конструкциях сохранил только сочетание с номинативной формой субъекта, детерминируемого структурно, то есть определяемого структурными факторами. В принципе данная теория обладает значительными достоинствами, но не объясняет семантику структур типа:

a. *Norþan sniwde (From the north snowed / Snow came from the north)*

b. *Siððan him hingrode (After him hungered / Afterwards he hungered)*

c. *Gyt me tweonað (I am still in doubt)*

Проблема в данном случае заключается в том, что в концепции О. Фишер и др. безличный глагол должен детерминировать, по крайней мере, одну именную группу, что не подкрепляется достаточными доказательствами. Также не подкрепленным достаточным эмпирическим материалом представляется их вывод о том, что древнеанглийские безличные глаголы детерминируют лексический падеж не жестко, к тому же варибельность при детерминировании одного или нескольких падежей одной и той же глагольной формой не получает однозначного объяснения. В их объяснительной системе глагол детерминирует только возможные тета-роли аргументов, причем эти потенциальные роли включают субъектив (определяется структурой, в номинативе), объектив (определяется семантикой глагола, в аккумулятиве) и адвербиал (определяется семантикой глагола или предлогом, в генитиве или дативе). Исходя из этой теории, адвербиалы не являются аргументами глагола, и таким образом, не получают своих тета-ролей от глагола. Они не являются партиципантами в безличной конструкции, их тета-роли ингерентно связаны с их поверхностными падежными формами – дативом или генитивом. Таким образом, в теории перехода (а именно таковой по сути так-

же является теория О. Фишер и ван дер Лиика) определяющими факторами исчезновения безличной конструкции являются также установление прямого порядка слов и потеря падежных флексий в английском языке, что привело к потере датива и генитива, а также к сдвигу в управлении глаголом тета-ролями в левой позиции к управлению тета-ролями в правой позиции (SOV – SVO).

Таким образом, данная теория, хотя и появилась как критика существующих теорий перехода, по сути, является также теорией перехода, к тому же опирается на классические концепции разложения падежной системы и установления прямого порядка слов. Представляется, что данные структурные изменения в строе английского языка, действительно, вызвали серьезные перестройки конфигурационных параметров английского предложения, однако причины подобной перестройки, а также механизмы актуализации конструкции определенного типа в современном английском языке является отражением более сложных, концептуальных механизмов, еще не описанных в лингвистической литературе.

Ф. Осава [Osawa 1996], исследуя параллелизм между бессубъектными структурами в детской речи и в древнеанглийском языке, приходит к выводу, что невыраженность субъекта в структуре обусловлена не пустотой категории, не имплицитностью аргументов, как предполагали исследователи прежних лет, но тем, что в бессубъектных предложениях в принципе отсутствует позиция спецификатора, то есть подлежащего, по причине того, что в «ранних» языках отсутствовали функциональные категории, и не существовало ни финитной группы как категории, организующей высказывание и детерминирующей позицию внешнего аргумента – спецификатора, ни самой категории спецификатора, как и его позиции вне глагольной группы с внутренними аргументами последней. Гипотеза Ф. Осава заключается в том, что «ранние» языки актуализируют в обязательном порядке только аргументы предиката и никаких других именных групп. Из этого исследователь делает вывод о том, что «ранние» языки проецируют только лексико-тематические аргументы и игнорируют функционально-структурные конститuenty. Субъектная позиция не всегда гарантированно заполняется именной группой в номинативе в случае, если агентивная тета-роль не детерми-

нирована предикатом, в этом – специфика безличных структур древнеанглийского языка. Как результат, можно утверждать, что глубинная структура и механизмы порождения предложений в древнеанглийском языке коренным образом отличаются от аналогичных процессов в современном английском языке. Вслед за Н.А. МакКоли [McCawley 1976] Ф. Осава постулирует, что безличность актуализируется в предложениях, описывающих ситуации, в которые человек вовлечен инволютивно/неконтролируемо, то есть, отсутствует агентс, в синтаксической структуре получающий форму номинатива в семантически-основанной падежной системе [Osawa 1994]. Наиболее показательным случаем автор считает примеры с так называемыми глаголами погодных условий. В таких ситуациях нет ни экспериенцира, ни агентса, то есть ни одного партиципанта, вовлеченного в ситуацию. Если ситуация вовлекает партиципанта, то он получает дативную актуализацию, так как в падежной системе актуализации тета-ролей данная роль (экспериенцир) систематически связана с формой дательного падежа. При этом сохраняется дифференциация каузативного и рецептивного значений глагола-предиката. При актуализации каузативного значения предиката в ситуацию не вовлекается агентс, и на уровне поверхностного представления возникает безличная конструкция. При актуализации рецептивного значения предикатом, активизируется личный вариант структуры, так как в поверхностной структуре актуализируется вовлеченный в ситуацию одушевленный актант, аналогичный агентсу. Таким образом, актуализируя то или иное значение (каузативное или рецептивное), предикат детерминирует синтаксическую структуру, из чего следует, что в древнеанглийском языке обе структуры и оба значения предиката актуализировались параллельно.

Таким образом, в терминах генеративной лингвистики древнеанглийский язык представляется абсолютно тематически-детерминированным, к тому же в древнеанглийском языке не получал актуализации Принцип обязательности подлежащего (ЕРР), как и иные функциональные категории (включая обязательность актуализации спецификатора). Категория субъекта-подлежащего не была сформирована ни семантически, ни синтаксически.

Сравнивая современный английский язык и древнеанглийский язык, Ф. Осава, вслед за Л. Хегеманом [Haegeman 1994],

делает следующие выводы. В основном различия затрагивают основополагающий для генеративной лингвистики принцип проекции (Projection Principle), который гласит, что синтаксическая структура детерминирована лексической информацией. Лексическая информация, о которой идет речь в данном случае, коррелирует с тематической структурой предиката, то есть репертуара и типов аргументов, детерминируемых (управляемых) предикатом. Аргументы в генеративной лингвистике – это минимальные партиципаны действия или состояния, отраженного предикатом, именно предикат (вернее его аргументный минимум) детерминирует обязательный минимум глагольного окружения. Аргументы реализуют так называемые тета-роли, то есть количество требуемых аргументов и качественный состав тета-ролей, предписываемых предикатом, определяется лексической репрезентацией актуального предиката. Однако, какие из NP аргументов на уровне поверхностного представления реализуются в качестве субъекта или объекта, не детерминируется лексической репрезентацией предиката. Между тета-ролями и синтаксическими функциями субъекта и объекта соответственно существует крайне слабая корреляция. Ф. Осава не находит в структуре современного предложения четких параметров, детерминирующих то, какая из именных групп на уровне поверхностного представления (синтаксической структуры) в итоге получает статус подлежащего. Тем не менее, вслед за основным принципом генеративной грамматики – «принципом обязательности подлежащего» (EPP) ученый постулирует, что субъектная позиция в рамках финитной группы с обязательностью должна получить наполнение на уровне поверхностного представления структуры. Таким образом, в современном английском языке уровень лексической репрезентации лишь частично детерминирует синтаксическую структуру.

* * *

ALLEN C.L., 1986. Reconsidering the history of *like*. // *Journal of Linguistics* # 22. – P. 375–409.

FISHER O.C.M. and VAN DER LEEK, 1983. The demise of the Old English impersonal construction. // *Journal of Linguistics* # 19. – P. 337–368.

GAAF, VAN DER, 1904. The transition from the impersonal to the personal construction in Middle English. Heidelberg: Auglistische Forschungen.

HAEGEMAN L., 1994. Introduction to Government and Binding Theory. Oxford: Blackwell.

JESPERSEN O., 1927. A Modern English Grammar on Historical Principles, Part III. London: Allen and Unwin.

McCRAWLEY N.A., 1976. From OE/ME “impersonal” to “personal” constructions: what is a “subject-less” S? In Steever *et al.* (eds). – P. 192–204.

OSAWA F., 1994. Category maturation from a historical perspective. MA dissertation, University College London.

OSAWA F., 1996. Missing arguments in earlier English clause structures // UCL Working Papers in Linguistics # 8. – P. 1–22.

Е.Ю. Ильинова (Волгоград, Россия)

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ ПРИЕМОВ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается вопрос о категориально-семантическом потенциале значения слова и условиях его реализации в художественном тексте, предлагается методика изучения процесса актуализации значения слова, выявляются приемы его аддитивной и неаддитивной семантизации в контексте.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, лингвокреативность, интеграция, трансформация, семантическая модуляция.

Концептуализация мира в художественном тексте носит креативный характер и сопровождается процессами семантизации содержания посредством значений слов, которые постоянно актуализируются в новых категориально-дискурсивных условиях. Концептуализация рассматривается в данном случае в качестве лингвокогнитивного основания для реализации творческой способности человека к порождению текстов, описывающих вымышленные ситуации и события, поскольку содержание художественного текста – это особая лингвоконцептуальная система, созданная воображением отдельного человека – автора литературного произведения. В иносказательной форме она передает личностное отношение к различным аспектам жизни общества, описывает духовные искания человека, его психоэмоциональные состояния.

Концептуализация подобного рода вторична и связана с особым стилем мышления – эстетико-художественным вымыслом [Ильинова 2008: 74], или особой системой выражения смысла, апеллирующей к процессам концептуальной перекатегоризации и интеграции (см.: [Кубрякова 2004]), переосмысления уже сложившихся категориальных смыслов с целью выражения нового смысла. Концептуальная интегративность проявляется в слиянии признаков двух и более ментальных сфер в новом ментальном конструкте (*conceptual blend* – [Coulson 2000]), который, наследуя роли и свойства исходных ментальных сфер, приобретает собственную структуру и новые свойства [Fauconnier, Turner

2002]. При этом обозначающие его языковые единицы не просто возбуждают в сознании определенную стереотипную когнитивную структуру, но запускают творческий процесс, при котором человек сам выбирает пути и способы выражения или интерпретации смысла. Конституенты ментальных пространств могут иметь прямые или косвенные референции к реальным объектам, а могут и не указывать на них. Несмотря на то, что интегрированные пространства являются результатом некоторого когнитивного усложнения (категориальной перестройки), они остаются компактными и удобными в применении [Ирисханова 2004], чему способствует концептуальная компрессия связей между несколькими ментальными пространствами внутри одного нового, интегрированного.

В творческом сознании авторов различных художественных направлений нормативное представление о среде обитания человека подвергается смысловым трансформациям и получает выражение в специфических формах литературной речи – жанрах фикциональных, в основе которых лежит особый ракурс отображения мира, модифицирующий традиционные представления о нем. С помощью приемов трансформации и интеграции общеизвестных критериальных признаков, составляющих универсальную основу онтологии мира реального, авторы создают (конструируют) мир вымышленный, в большей или меньшей степени подобный реальному. С помощью указанных форм мышления становится возможным представление индивидуального видения мира в весьма нестандартной форме (ср., напр., содержание текстов, относящихся к жанрам научной и социальной фантастики, жанрам приключений и фэнтези). Интерпретация смысловых искажений в текстах фантазийных жанров основана на механизме ассоциативного выбора реалии в мире действительном для представления (конструирования) псевдореалии из мира ирреального. При этом мир, изображаемый в тексте, интерпретируется как явное отклонение от объективного представления о мире реальном, как нарушение тождества референциальных признаков субъекта, заложенных в понятийной картине мира действительного. Такие отклонения рассматриваются нами как прием эстетико-художественной концептуализации вымысла при картировании “иного” мира. Так, например, без опоры на знания о том, что такое *weather-control* и *engineering* читатель не сможет понять,

какими знаниями и технологиями владеет персонаж из фантастического рассказа о будущем планеты Земля в следующем контексте: *He had studied weather-control engineering on his homeworld at Mintaka, and he had worked on five other worlds, at least two of which were in early stages of control (All the Colors of the Rainbow by L. Brackett, p. 6)*. Идея о том, что количество обжитых человеком космических миров больше пяти и что человек может научиться управлять погодой на целой планете, звучит, по меньшей мере, абсурдно для представителей современной цивилизации. Но если мы знаем о технологии «разгона облаков», основанной на химической реакции в ближайших слоях атмосферы (в англ. яз. *to seed – meteorol.: to sprinkle (a cloud) with particles, as of silver iodide, in order to disperse it or to produce precipitation*), то это помогает воссоздать феноменологические признаки, необходимые для расширения значения лексемы *miniseeder (a machine that seeds clouds)* в ситуации, когда указанный выше инженер по управлению климатом, командированный на планету Земля и рассерженный на недружелюбное отношение к нему землян, решает отомстить им, вызвав ливень и потоп в городке Грэнд Фоллз: *The physical outrage and the pain were soon over, but the other things were harder – the sense of injustice, the ranking fury, the blind hatred of all men whose faces were white... With two fully charged miniseeders in his pockets he drove steadily towards Grand Falls... (All the Colors of the Rainbow by L. Brackett, p. 22)*.

Приведенный пример поддерживает положение о том, что художественный вымысел есть особая форма индивидуально-авторского отражения мира, при которой проявляются лингвокреативные способности к конструированию «инога мира (или миров)», отличного от реального представления о физическом мире и социальном устройстве общества. При этом авторы не только прибегают к искажению прототипных категориальных признаков пространства-времени, но изменяют признаки и свойства субъектов и объектов, размещаемых в нем. Они могут противоречить гносеологии и онтологии научно обоснованного представления о мире, в котором каждое наблюдаемое явление, каждый выделенный сознанием человека объект истинен, если проходит понятийно-категориальную аттестацию, получает объяснение, именование и вносится в «системный каталог сознания», отражающий всеобщие основы и принципы бытия, его

структуру и закономерности. Однако эстетико-художественный вымысел апеллирует к эмоциональному интеллекту читателя и, в частности, к такому его свойству как воображение, фантазирование.

Следует отметить, что положения о реализме искусства, его сходстве с жизнью, о способности человеческого сознания к конструированию различных «миров», отличающихся от мира реального, неоднократно становились объектом научных дискуссий (см. напр., работы Ю.М. Лотмана, Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера, Дж. Сёрля, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, И.П. Фармана, С. Дённингхауса, А.И. Новикова, И.М. Кобозевой, А.В. Кравченко, С.А. Крылова, Г.И. Кустовой, Л.А. Нефедовой, Т.В. Радбиля, М.Л. Сосновой, М. Труб, И.А. Щировой и др.), однако проблемным до сих пор остается вопрос о семантических процессах, благодаря которым любые, самые необычные фантазии человека выражаются в слове, значение которого актуализируется в художественном контексте.

Под контекстом традиционно понимают «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 238]. В нашем исследовании, уточняя понятие контекста, мы учитываем различные слои информации об окружении лексической единицы (ЛЕ), которые влияют на восприятие ее семантико-смыслового значения при актуализации в тексте. В зависимости от условий актуализации ЛЕ, контекст, окружающий слово, может быть разрешающим (снимающим многозначность), поддерживающим (обеспечивающим повторяемость значения и его типологизацию), погашающим (создающим условия для реализации значения, не совпадающего с типичными вариантами), компенсирующим (способствующим адекватному восприятию смысла в условиях невыраженности какого-либо элемента), интенсифицирующим (способствующим приращению смысла). В ходе анализа учитывались разные формы контекста, которые участвуют в формировании информативности ЛЕ и помогают в ее декодировании: 1) контекст как самые типичные условия реализации слова, которые формируют узуальные лексико-семантические варианты значения (типовой контекст), 2) контекст как информация, необ-

ходимая для интерпретации значимости слова в границах предикативного комплекса (микрконтекст), 3) контекст как широкое окружение слова, не ограниченное рамками предложения или даже абзаца текста, это нормативные требования литературного жанра, которые влияют на условия реализации значения слова (макрконтекст). Учет микро- и макрконтекстов позволяет более детально и относительно объективно рассмотреть вопрос об информативной ёмкости слова в тексте, изучив процессы поддержания, погашения или переосмысления его значения.

Анализ контекстного значения слова был основан на методике категориально-семантической интерпретации, нацеленной на последовательное сопоставление категориальных признаков в узуальных (словарных) и контекстных значениях, выделении зоны концептуально-категориальных несовпадений, свидетельствующих о лингвокреативном характере категоризации смысла в отдельных эпизодах текста, что сделало возможным выявление типологии семантических процессов, сопровождающих актуализацию слова в фантазийном контексте. В ходе нашего исследования, посвященного изучению особенностей концептуализации и вербализации представлений о сфере магии в художественном тексте [Ильинова 2008], было установлено, что концептуализация вымысла о магии и волшебстве обеспечивается, в значительной степени, модуляционно-семантическими изменениями лексических значений (трансформациями аддитивного и неаддитивного типа), на содержание которых влияют два типа контекста – мини- и макрконтексты (процессуально-событийный, литературный жанр текста). Уточним, что модуляционные семантические процессы в границах микрконтекста связаны с категориальной перестройкой семантико-смыслового значения слова, суть которой состоит в перегруппировке и выдвигании второстепенных дифференциальных сем значения, необходимых для повышения образности при описании ситуации магического типа. Переакцентуация компонентов в семантической структуре лексемы не приводит к замене общей категориальной семы [Лопушанская 1991: 8–9], но в границах макрконтекста активизируется дополнительная прагмасама “отнесенность к сфере магии”, которая уточняет область применения контекстного значения лексем. Так, в примере *The Creevey brothers had managed to get hold of a stack of “Support Cedric Diggory!” badges and were trying to bewitch them to make*

them say “Support Harry Potter!” instead (Harry Potter and the Goblet of Fire by J. Rowling, p. 233) наблюдается изменение актанта-ного наполнения лексемы *to bewitch*.

Аддитивные разновидности категориальных изменений в семантико-смысловой структуре значения слова основаны на простом присоединении уточнения о макрконтексте к актуализируемому значению единицы; нами было выявлено два приема модуляционных семантических изменений аддитивного типа – **семантическая актуализация** и **семантическая специализация**. При семантической актуализации наблюдалась перестройка валентности в категориально-семантической структуре, напр., в группе глагольных лексем, номинирующих магические процессы (*to bewitch, to charm, to enchant, to conjure, to jinx, to fascinate, etc.*). Под влиянием макрконтекста буквальное понимание процессов, обозначенных этими глаголами, сопровождалось увеличением вариантов, замещающих позицию ‘объект магического воздействия’ – появлялись лексемы, относящиеся к подклассам нетипичных для сферы магии предметно-вещественных объектов. Так, рядом с глаголами *to bewitch, to enchant*, кроме лексем, обозначающих *людей, здания и т. п. (castle, building, room, door, gates, car)*, появляются лексемы, обозначающие предметы быта (*case, clock, quills*): *Fred and George had bewitched a large cauldron of stew, an iron flagon of Butterbeer and a heavy wooden breadboard, complete with knife, to hurtle through the air towards them*. Заполнение комплементарной позиции объекта магического воздействия нетрадиционными для концептосферы магии понятиями снижает сакральный страх перед паранормальным миром или придает тексту юмористическое звучание, ср.: *“the suits of armor had all been bewitched to sing carols”*.

Семантическая специализация обеспечивается контекстуально обусловленными изменениями в значении слов, относящихся к общелитературному фонду языка, что связано с временным включением в их семантико-смысловую структуру прагмасымы ‘отнесенность к магии’. Изменения аддитивного характера приводят к сужению понятийной зоны применения лексемы, при этом сохраняется общая категориальная сема, но лексема временно приобретает статус псевдотермина в системе представлений о магии и волшебстве (напр., лексему *transfiguration*, означающую ‘процесс изменения формы’, в следующем контексте следу-

ет рассматривать как ‘особые знания о магии’: *'Transfiguration is some of the most complex and dangerous magic you will learn at Hogwarts,' she said... Then she changed her desk into a pig and back again*; обычная вещь – *cauldron* (котел) становится предметом с волшебными свойствами, ср. *a self-stirring cauldron, a collapsible cauldron*). Привлечение ЛЕ из общелитературного фонда языка для номинации объектов с необычными свойствами приводит к увеличению номинативного объема лексикона концептосферы «Магия», расширяя число знаков, способствующих расшифровке «магического кода» в контексте фэнтези.

Анализ категориально-семантических трансформаций в значениях слов, номинирующих магические объекты и процессы при их актуализации в тексте фэнтези, позволил выявить инновационные приемы категоризации вымысла. В фокусе внимания оказались проявления процесса т. н. расщепленной референции, приводящей к деметафоризации (нейтрализации метафоричности в значении слова). При этом наблюдаются значимые несовпадения между категориальной семантикой словарных и текстовых вариантов значений лексем (трансформации неаддитивного характера), связанные с двойственной актуализацией категориальных признаков (материальных и/или физических и духовно-психологических). Специфика указанных лингвокреативных трансформаций неаддитивного характера в семантико-смысловой структуре слов связана с процессами модуляционных семантических изменений, под воздействием которых в фантазийном тексте формируются новые оттенки или варианты значений ЛЕ с интегрированной процессуальной, процессуально-субстанциональной и процессуально-признаковой семантикой. Неаддитивный характер смысловых трансформаций в значении слова означает глубинные категориальные перестройки в семантической структуре слова под влиянием микро- и макроконтраста, что и приводит к формированию окказиональных вариантов значения (идиолектных, поскольку они складываются и интерпретируются в границах текста отдельного произведения или группы произведений одного автора).

Материал исследования показал, что глубоким смысловым трансформациям подвергается, в первую очередь, категориально-семантическая структура глагольных единиц, в частности, в зоне актантных компонентов предикативного комплекса. Указанные

изменения наблюдались у ЛЕ, относящихся к классам глаголов активного действия с интегративными признаками: *'способ перемещения в пространстве'* (*to zoom, to ricochet*), *'изменение размеров объекта'* (*to blow up*), *'анимация или оживление неодушевленной субстанции'* (*to click, to split, to spin, to melt, to suck, etc.*); в семантической структуре глаголов речементальной деятельности (*to summon, to banish*); были выявлены случаи формирования новых вариантов значений у многозначных глаголов *to petrify, to stupefy, to stun*, связанные с одновременной актуализацией трех вариантов значений: переход в состояние окаменения (обездвижение), временное состояние оцепенения, вызванное внешним воздействием, и временное состояние оцепенения, вызванное переживаемыми эмоциями (ужас, испуг): *'She's not dead, Argus,' he said softly... 'Not dead? choked Filch, looking through his fingers at Mrs. Norris. 'But why's she all – all stiff and frozen?' – 'She's been Petrified,' said Dumbledore.*

В заключение отметим, что разработанная в исследовательских целях методика реконструкции глубинных ментальных комплексов, которые образуют концептуальную основу содержания и смысла целого текста, – это один из возможных подходов к получению относительно объективных фактов о процессах концептуализации вымысла в художественном тексте. Данные о системных категориальных расхождениях в типовых и контекстных значениях рассматриваются нами как косвенное свидетельство существования лингвокреативных процессов, приводящих к порождению и вербализации эстетического вымысла. Выявленные в ходе исследования модуляционно-семантические изменения способствуют реализации изобразительных норм жанра фэнтези – визуализации и детализации событий в мире вымышленном. С помощью сложных перекатегоризаций авторам удается трансформировать абстрактно-размытые интуитивные представления о пугающем сверхъестественном мире в образы, предметы, процессы с точными признаками и свойствами. Детальные описания процессов магического воздействия и расширение типов объектов, подвергаемых воздействию, способствуют демифологизации и снижению сакрального страха перед вредоносностью сил зла. При этом язык способен отразить любые мысли человека, в том числе и мысль о вымышленном, ирреальном мире.

* * *

ИЛЬИНОВА Е.Ю., 2008. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград.

ИРИСХАНОВА О.К., 2004. О лингвокреативной деятельности человека. Отглагольные имена. М.

КУБРЯКОВА Е.С., 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.

ЛОПУШАНСКАЯ С.П., 1991. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Филология. Вып. 1. – С. 6–13.

COULSON S., 2000. Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. Cambridge.

FAUCONNIER G., TURNER M., 2002. The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. USA: NY.

Источники:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, 1990. М.

И.Ю. Кузина (Иркутск, Россия)

О ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Цель статьи – показать, что параметризация действительности различными языковыми средствами отражает стремление человека к классифицированию и структурированию окружающего мира и обеспечивает возможность ориентироваться в пространстве и во времени с максимальной точностью.

Ключевые слова: параметризация, параметрическая картина мира, параметроним, квантификация, квалификация

Любой продукт коммуникации может получить некоторое измерение: в языках мира существуют системы, наделяющие язык как семиотический феномен знаками, которые играют роль определенных дескриптивных элементов. Эти элементы, с одной стороны, дают возможность человеку качественно и количественно оценить окружающий его мир; с другой – позволяют обозначить границы и возможности самого языка / речи как инструмента измерения. Таким образом, коммуникация характеризуется таким важным свойством, как *параметризация*.

Измеряя и оценивая мир или, иными словами, производя операции параметризации, человек отражает свои действия в языке и при помощи языка / речи. Он обращается к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу [Залевская 1985], «...извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облекает их в языковые формулы и особым образом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая соответствующий дискурс...» [Олянич 2006: 8].

Такой кластер мы именуем параметрическим и считаем, что его наполняют особые лингвосемиотические элементы (знаки) разных языковых уровней – *параметронимы*, образующие разнообразные конфигурации. Эти конфигурации есть не что иное как логико-когнитивная сетка, которую говорящий, слушающий или пишущий «набрасывает» на дискурс или текст, тем самым обеспечивая динамику дискурсоразвертывания, направленности на взаимообеспечение коммуникантов информацией об ориентации в пространстве и во времени, количестве и качестве, точности и приближенности, степени, интенсивности действия,

динамике достижения состояния и т.п. Мы выделяем фонологическую, морфологическую, лексическую и синтаксическую параметризацию. Параметронимы, таким образом, понимаются нами как единицы коммуникации, актуализирующие параметры действительности при помощи морфофонологических, словообразовательных, лексико-семантических, фразеологических, паремиологических и синтаксических языковых средств; квантификационные и квалификационные функции параметронимов актуализируются в тематически-вариативной, типологически-вариативной и жанрово-вариативной дискурсивных сферах (бытовой, институциональный, потребностный и художественный дискурсы).

Параметрирование действительности различными языковыми средствами дает коммуникантам возможность реализации потребностей разных видов, а также позволяет с максимальной точностью ориентироваться в пространстве и во времени, когнитивно осваивать мир и осуществлять креативную деятельность, направленную на собственное выживание. Как представляется, человек, находясь в центре этого сложного, многоаспектного и комплексного процесса, в конце концов, не может обойтись без инструментов навигации и ориентирования – пространственного и временного. Это означает, что на лингвосомиотическую картину мира накладывается еще одна и весьма важная картина мира – которую мы предлагаем именовать *параметрической*. В нашем представлении параметрическая картина мира есть не что иное, как *система репрезентации таких элементов мышления, которые в совокупности обеспечивают человека хронотопическими и эмоциональными (оценочными) координатами ориентации в окружающем его мире, позволяющими ему удовлетворять свои базовые потребности*.

Хронотопическая координата параметрической картины мира двухчастна: *топическая* (пространственная) составляющая является отражением трехмерного мира, характеризующегося длиной, высотой (глубиной), шириной и объемом; *хроническая* (временная) составляющая параметрической картины – элемент, фиксирующий движение материи в отрезках времени и динамику ее состояния. Ее базовыми параметрами, отраженными в человеческом мышлении, являются типичные для философского осмысления времени категории – *рациональные или материали-*

стические, фиксирующие непосредственное бытие (жизнь, рождение, рост, прошедшее, настоящее, становление, континуальность, старение, смерть, завершенность) и *иррациональные или идеалистические*, прогнозирующие возможные действия, состояния и процессы, которые могут или не могут иметь место в реальности (будущее, жизнь после смерти, бессмертие).

Эмоционально-оценочная координата является дополнительной, но неотъемлемым элементом параметрической картины мира. Она дает необходимое направление в движении человека по линии жизни, либо сигнализируя ему об опасностях бытия, которые могут препятствовать этому движению, либо ориентируя его в достижении цели при помощи оценки, необходимой для рационального поведения в жизненной ситуации. Она может быть как истинной, так и ложной, что зависит от степени прогностических способностей личности и ее информированности (опыта, знаний и интуиции).

Успешность коммуникации во многом зависит от того, насколько адекватно параметры бытия переданы от адресата, владеющего параметрической информацией ее реципиенту. Адекватность и аутентичность транслируемой информации от индивида к индивиду, от индивида к социуму и от социума к индивиду зависит от того, насколько корректно она вербализована или визуализована, а также насколько качественно она воспринята и освоена получателем. Стало быть, параметрическая картина мира непременно обязана быть оптимально конгруэнтной с когнитивной и лингвосомиотической картинами мира.

Параметризация в языке и дискурсе актуализируется двупланово – через оценочные процессы *квантификации* и *квалификации*. Квантификация понимается 1) как логическая референция категории точности стандартизованного количественного соотношения единичного и множественного, и 2) прагматическая референция, реализуемая через соотнесение референта не с каким-то объемлющим множеством, а с некоторым стереотипом приближенности, ощущаемым говорящими как норма для ситуации коммуникации [Гак 1980; Сахно 1983; Булыгина, Шмелев 1988].

Соответственно, квалификация – явление оценочного характера, тесно связанное с квантификацией. Если при квантификации оценка реализуется на семантическом уровне единиц

языка и как бы «защита» во внутренней форме слова или его производных (фразеологизмах и устойчивых словосочетаниях), то оценка квалификационная – это чаще всего актуализованная в высказывании эмоция, слабо выраженная одним из значений слова-квантификатора или не выраженная вовсе, осложненная контекстом ситуации и позицией-реакцией продуцента высказывания. Разумеется, квантификация и квалификация по-разному проявляются в разных типах дискурса. Так, в научном дискурсе, где квантификация имеет первостепенное значение вследствие его тенденции к точности описания феноменов, она преобладает над квалификацией: «*The sedative's ounce-strength high level (the overdose fixed as 1,45 mg per ounce) in the patient's blood has been the reason of the heart attack.*» В бытийном дискурсе, преимущественно игнорирующим точность коммуникативных шагов, наряду с квантификацией возникает эффект квалификации, подержанной соответствующими эмоциями: «*John, this damned doctor said that the sedative's amount in your wife's blood was so incredible that it might have had made her heart stop. I'm really sorry, man.*» Квантификация размывается, подменяется точность высказывания (утверждение становится предположением), речь эмоционализируется, соответственно, возникает квалификация приблизительного характера («*might have made*»).

Квантификация и квалификация как элементы параметризации могут быть обнаружены как вместе, так и отдельно. Сведения о параметрах бытия, заключенные в семантике параметронимов, обеспечивают необходимый смысл и успешность коммуникации в целом. Особенно это справедливо относительно тех типов дискурса, которые в лингвистике принято именовать потребностными, связанными с непосредственным выживанием человека.

Заметим, что сам дискурс также подвержен параметризации, при этом *параметрический статус* дискурса как коммуникативного феномена *амбивалентен*, и это принципиально важно для понимания его коммуникативной сущности. Его амбивалентность заключается в том, что, будучи явлением бытийным, философским, материально-идеальным, присущим Человеку индивидуальному и Человеку коллективному (социальному), он *сам измерим* по целому ряду или даже комплексу параметров; с другой стороны, именно в дискурсе отражается потребность Человека

ка и Социума *измерить действительность*, окружающий мир, потребность *составить параметрическую картину* последнего. В настоящее время становится все более очевидным стремление лингвистов определить границы термина «дискурс», раскрыть его объяснительную силу, или, иными словами, «нащупать» его параметры. Как доказывает история всех подходов к параметризации дискурса, несмотря на его многопрофильность, вариативность, «сопротивляемость» типологизации, таксономизации и классификации, имеются достаточные основания и возможности для его параметрического анализа, а также для исследования особенностей отражения процесса параметризации в «недрах» самого дискурса.

Итак, резюмируя сказанное, можно констатировать, что параметризация действительности в ментальной структуре человека разумного является своеобразной метапотребностью, актуализируясь в его бытии как стремление к классифицированию и структурированию окружающего мира.

* * *

ЗАЛЕВСКАЯ А.А., 1985. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М. С. 150–171.

БУЛЫГИНА Т.В., ШМЕЛЕВ А.Д., 1988. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М. С. 5–18.

ГАК В.Г., 1980. Об использовании идеи асимметрии и симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Материалы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. Калинин. С. 4–51.

ОЛЯНИЧ А.В., 2006. Потребности – дискурс – коммуникация. Монография. Волгоград.

САХНО С.Л., 1983. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания № 6. – С. 29–36.

Е.А. Кузьмина (Тамбов, Россия)

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТРУКТУРАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ
(на материале немецкого языка)**

Статья посвящена проблеме репрезентации в языке структур этнокультурного сознания, которое в силу своей недоступности прямому изучению может быть познано лишь через различные формы своего овнешнения. Изменения, проявляющиеся в языке, прежде всего на уровне лексики, актуализируют развитие структур этнокультурного сознания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, этнокультурное сознание, лингвокультурология, картина мира

Развитие современного общества характеризуется определённой противоречивостью, поскольку политика и экономика требуют глобализации, интегрирования и унификации большинства происходящих в социумах процессов, в то время как этнос чувствует в этом опасность потери своей индивидуальности и неповторимости. Этим фактом можно объяснить неугасающий интерес к проблемам исследования национальных языков и культур. Повышенное внимание в современной лингвистике уделяется также понятию «этнокультурное сознание», которое представляет собой отражение социального бытия конкретного этноса, общественных и психологических отношений, являющихся типичными для его членов, их духовных практик. Оно формируется как результат материальной и духовной жизни индивидов, их исторического развития. Этнокультурное сознание можно определить и как образ мира, присущий определённому этносу [Леонтьев 1983: 45], как концептуальную картину мира.

Общие тенденции, превалирующие в развитии современной лингвистики, предполагают не только комплексное изучение системы языка в целом и детальное рассмотрение каждого её компонента, но и всесторонний анализ человеческого фактора в языке, поскольку антропоцентричность языка представляется краеугольным камнем современной лингвистики. Очевидно, что язык – единственно возможное средство доступа к работе сознания, к пониманию его основных принципов и механизмов.

Сознание представляет собой результат отражения субъектом окружающей действительности и обеспечивает познавательный процесс. Формирующиеся у человека «общие понятия объединяются в систему знаний о мире, которая состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции» [Болдырев 2000: 23].

Содержание сознания всегда этнокультурно обусловлено, поскольку является «результатом особой, свойственной каждой культуре системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур» [Маркарян 1978: 144].

Учитывая результаты работы ведущих учёных в области истории, социологии, философии, социокультурологии и социолингвистики (Барулин В.С., Гумилёв Н.Н., Гуревич А.Я., Широкогоров С.М., Янушкевич И.Ф. и др.) и принимая во внимание, что в сознании этнокультурного социума совокупно отражаются элементы реальной действительности во взаимосвязи друг с другом, можно считать оправданным выделение следующих структур этнокультурного, в том числе, немецкого сознания, которые, в свою очередь, содержат ряд дополнительных компонентов: политика (государство, все государственные органы управления, уголовно-правовая система, вооружённые силы), экономика (производство, торговля, все операции с денежными знаками и их эквивалентами), культура (искусство, образование/ воспитание), социальная сфера (природа как объект взаимодействия с человеком, социальные общности), духовная сфера (наука, религия, нравственность как система ценностей, идеологические институты).

Данная классификация, сохраняя все компоненты четырёхчленной системы общества, сложившейся ещё в эпоху раннего средневековья и не потерявшей своей актуальности по сей день (те, кто молится, те, кто управляет, те, кто воюет и те, кто трудится), расширена и дополнена новыми компонентами, что объясняется историческим развитием общества, наличием тенденции к всё большей дифференциации внутри отдельных структур (см. подробнее [Кузьмина 2010]).

Изменения, проявляющиеся в языке, репрезентируют эволюционирование структур этнокультурного сознания, причём основная масса таких изменений актуализируется на лексическом уровне. Выявляя и интерпретируя изменения в лексиче-

ском составе языка на разных этапах развития этноса, можно сделать верифицируемые выводы об изменениях, происходящих в отдельных структурах, категориях этнокультурного сознания и в сознании в целом.

Необходимо подчеркнуть, что язык является не только этнодифференцирующим, но и этноформирующим, и этнокорректирующим фактором, поскольку оказывает колоссальное влияние как на коллективное сознание этноса, так и на индивидуальное сознание отдельного его представителя. Влияние языка на сознание этноса особенно заметно в переломные моменты истории, которых в Германии было несколько, однако самым жёстким из них был, вероятно, период гитлеризма. «Нацизм врезался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливался в толпу миллионными повторениями и поглощениями его механически и бессознательно. Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо» [Клемперер 1998: 18].

Об этом же свойстве языковых единиц незаметно перестраивать структуры этнокультурного сознания нации говорят и другие исследователи, обращаясь, например, к исследованию эволюции доминирующих в обществе в данную эпоху вокативов – особой формы имени (как правило, существительного), используемой для идентификации объекта, к которому ведётся обращение. «Вокативы весьма удачно манифестируют в конкретных лексемах компоненты универсальной семиотической оппозиции «свой / чужой», при этом их изменения и сигнализируют о социальных эволюциях, и стимулируют их. Известны многие примеры подобных явлений, причём обнаруживаются определённые аналогии, как правило, обусловленные сходством трансформаций общественно-политических систем» [Васильев 2009: 9]. Утверждается, что уничтожение всех достижений французской революции и, в первую очередь, гибель самой республики начинается «с каких-то мелочей, которым не придавали никакого значения... Воскресло в разговорном обиходе слово «мадам»... Вслед за «мадам» ... в разговорную речь вкралось слово «месье» – господин ... Казавшаяся иным столь невинной игра в новые словечки ... была доведена до конца» [Манфред 1986: 375].

Приведённые примеры ещё раз подтверждают высказывание Л.В. Щербы о том, что «язык наш часто помогает нам не думать; мало того, он зачастую тиранически мешает нам думать, ибо незаметно подсовывает нам понятия, не соответствующие больше действительности, и общие, трафаретные суждения [Щерба 1957: 131]. Индивид и общество в целом могут прибывать в уверенности, что язык лишь объективирует концепты и оценки, существующие в индивидуальном или коллективном сознании, и это тоже соответствует истине, однако, язык вносит свой неоспоримый вклад в формирование этих ментальных структур.

Немаловажно подчеркнуть, что слова раскрывают свою настоящую сущность только во взаимосвязи с другими словами, ибо мы в нашей ментальной деятельности оперируем концептами разной степени сложности, а затем пытаемся насколько возможно точно объективировать свои мысли, выбирая наиболее подходящие слова их ряда синонимов, поскольку каждый синоним репрезентирует свою грань концепта. Появление нового синонима свидетельствует об обогащении имеющегося концепта новой гранью, формирование нового концепта манифестируется в языке появлением новой лексемы.

С учётом критериев новизны, формы языковой единицы и способа образования выделяют следующие типы инноваций в немецком языке на современном этапе:

- неолексемы (новообразования и аббревиатуры) – «единицы лексического уровня, обладающие новым содержанием и новой формой»;
- неосемантизмы – «единицы семантического уровня, обладающие новым содержанием и прежней формой и возникшие в результате различных процессов изменения семантической структуры слова»;
- неозаимствования – «новые лексические единицы иноязычного происхождения, участвующие в словообразовательных процессах с целью создания новых номинаций»;
- неологические словосочетания – «относительно устойчивые в плане дистрибуции словосочетания, которые состоят из нескольких лексических единиц и служат для обозначения нового явления, реалии или ситуации» [Билибин 2009: 8–9].

Неоднократное появление нового слова и закрепление его в языке-реципиенте сигнализирует о том, что к концептуальной

картине мира данного сообщества добавился новый элемент: концепт или дополнительные концептуальный признак уже имеющегося концепта. Вступление новой лексемы в синонимические, антонимические и гиперо-гипонимические отношения, участие её в словообразовательных моделях служат свидетельствами того, что репрезентируемый ею концепт становится частью концептуальной системы этноса.

О полном встраивании заимствованного или возникшего внутри своей системы концепта или отдельной его характеристики в этнокультурное сознание этноса говорит наличие метафорических и метонимических переносов с участием новой лексической единицы, а также значимость единицы или словосочетания в образовании или преобразовании фразеологизмов и паремий, поскольку метафора и метонимия справедливо считаются когнитивными моделями сознания, с помощью которых человек глубже познаёт реальный мир, а фразеологический и паремиологический уровни языка репрезентируют наиболее важные для этноса концепты.

Особый интерес представляет анализ немецкой политической лексики, поскольку этот пласт эксплицирует не только политические, но и основные социальные и культурные изменения, происходящие в обществе и опосредованные этнокультурным сознанием этноса. «Исследованию немецкого политического языка <...> придается в Германии особое значение в силу сложившихся объективных исторических причин. Он дважды в новейшей истории Германии подвергался радикальным изменениям, вызванным общественно-политическими процессами: в эпоху национал-социализма и в разделенной Германии» [Катаева 2010: 4]. Следует подчеркнуть, что политический лексикон априори обладает идеологической обусловленностью, что позволяет при анализе фактического материала выделить корпус идеологем, оказывающих прямое и косвенное влияние на эволюцию других структур этнокультурного сознания. В рамках когнитивной лингвистики идеологеме следует рассматривать как «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) выделяются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических стереотипах» [Малышева 2009: 76].

Кроме того, анализ лексического состава языка немецких СМИ позволяет выделить так называемые «ключевые слова текущего момента» [Шмелёва 1993, 2009], также служащие маркером эволюционных изменений в структурах немецкого этнокультурного сознания. Эти слова характеризуются высокой частотностью использования, в том числе в заголовках – «как максимально сильной позиции текстов массовой коммуникации» [Шмелёва 2009: 63], наличием большого количества дефиниций в прессе и Интернете, широкими возможностями его метафорического употребления, высоким деривационным потенциалом (см. подробнее [Шмелёва 2009: 63–67]).

Смена «ключевых слов текущего момента» или напротив сохранение лексемой данного статуса служит показателем релевантности актуализируемого ею концепта для этнокультурного сознания этноса. Например, анализ фактического материала показывает, что одним из наиболее актуальных для немецкой картины мира является концепт *Wiedervereinigung*. Лексема *Wiedervereinigung* (повторное объединение, объединение заново) отвечает, в той или иной мере, всем вышеназванным характеристикам на протяжении всего исследуемого периода (конец 19 – начало 21 веков), что объясняется исторически и психологически: страна долгое время представляла собой «лоскутное государство», состоящее из множества отдельных крошечных княжеств. Релевантность данного концепта резко повысилась в середине 20 века, после окончания II мировой войны (разделение Германии на два государства), причём материал показывает, что актуализировался данный концепт исключительно в СМИ Федеративной республики, в прессе ГДР данная лексема и её дериваты употреблялись достаточно редко.

Ср.: *Nicht in der Politik des Bundeskanzlers. Für ihn ist immer noch die Wiedervereinigung Deutschlands nur denkbar, wenn die Bundesrepublik zuvor in Europa aufgeht. In seiner Radiounterhaltung mit Ernst Friedländer sagte er: „Erst wenn der Westen stark ist, ergibt sich ein wirklicher Ausgangspunkt für friedliche Verhandlungen, mit dem Ziel, nicht nur die Sowjetzone, sondern das ganze versklavte Europa östlich des Eisernen Vorhangs zu befreien, friedlich Zu befreien“* [Die ZEIT online1952: Tiingel, Richard].

Однако своего апогея употребление данной единицы достигло к концу 20 века и сохраняет свои позиции до настоящего момента.

та, что связано с процессом объединения ГДР и ФРГ в единое государство.

Ср.: *Kohl verlieh Ex-Präsident George Bush und dessen Außenminister James Baker den ranghöchsten Verdienstorden der Bundesrepublik. Damit wolle sich das deutsche Volk für die verdienstvolle Rolle Amerikas bei der Wiedervereinigung bedanken. Bush strahlend: „Herr Bundeskanzler, Sie haben einem arbeitslosen Burschen in Rente einen sonnigen Tag bereitet* [Berliner Zeitung 01.02.1994: 3].

Анализ лексического состава языка на разных этапах развития этноса делает возможным реконструкцию содержания отдельных структур этнокультурного сознания и выявление когнитивного механизма их эволюционных изменений.

* * *

БИЛИБИН Д.Д., 2009. Лексико-семантические инновации в современном немецком языке как отражение процесса объединения Европы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

БОЛДЫРЕВ Н.Н., 2000. Когнитивная семантика. Тамбов.

ВАСИЛЬЕВ А.Д., 2009. Игра в слова: эволюция доминирующего вокатива // Политическая лингвистика, № 2 (28). – С. 9–25.

КЛЕМПЕРЕР В., 1998. LTD. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.

КУЗЬМИНА Е.А., 2010. Основные структуры немецкого этнокультурного сознания: основания выделения // Альманах современной науки и образования. № 11 (42). – С. 147–150.

ЛЕОНТЬЕВ А.Н., 1983. Деятельность. Сознание. Личность. М.

МАЛЫШЕВА Е.Г., 2009. Идеология как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. № 4 (30) – С. 32-40.

МАНФРЕД А.З., 1986. Наполеон Бонапарт. М.

МАРКАРЯН Э.С., 1983. Теория культуры и современная наука. М.

ШМЕЛЁВА Т.В., 2009. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика № 2 (28) – С. 63–67.

ЩЕРБА Л.В., 1957. Избранные работы по русскому языку. М.

Источники:

Tiingel, R. Moskau spielt die deutsche Karte aus // Die ZEIT online1952 // URL: <http://www.zeit.de/1952/11/moskau-spielt-die-deutsche-karte-aus>

Berliner Zeitung 01.02.1994

А.И. Приходько (Запорожье, Украина)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

В статье рассматривается роль и место эмоциональных концептов в формировании языковой картины мира. Развивается мысль о том, что эмоции, являясь важнейшими проявлениями внутренней психической жизни людей, категоризируют, образуя на ментальном уровне сознания, эмоциональную картину мира.

Ключевые слова: *концепт, эмотивность, эмоция, эмоционоконцептосфера, картина мира, значение, мышление*

Одним из современных направлений лингвистических исследований является исследование эмоциональных концептов, которые формируют глобальную языковую картину мира. Изучение эмоциональных концептов является важным направлением лингвистических исследований, поскольку обозначения эмоций в языке имеют не только развернутые синонимические ряды, но и отличаются уровнями эмоциональной окрашенности и, соответственно, воссозданием в процессе коммуникации.

Эмоциональные концепты имеют особую значимость и ценность для создания эмоциональной картины мира, которая «рисует» с помощью концепта как «сгустка культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов) на стыке нескольких формирующих пластов: культуры, сознания и языка.

Взаимосвязь культуры, эмоциональной концептосферы и языка проявляется в базовых значениях (понятиях) каждой лингвокультуры. Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоции, при всей своей универсальности, проявляют в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Лингвопсихологическая и лингвистическая интерпретация данных, представленных в языке, позволяет рассматривать последние как репрезентацию особых знаний, стоящих за фактами естественного языка, как репрезентацию конструкторов концептуального сознания.

Эмоции являются своеобразным отображением объективной действительности в сознании человека. Их особенность зависит

от того, что и как в них отражается. Именно в эмоциях находит отражение отношение определенных объектов к существованию человека как естественного и общественного существа, к его потребностям и стремлениям и отношение человека к ним. Такая разновидность отражения окружающей действительности реализуется в форме разнообразных переживаний. Эмоции представляют собой определенный процесс, который происходит во времени, вместе с тем они являются психическим состоянием индивида.

Взаимодействие эмоций и мышления в процессе познавательной деятельности состоит в обработке информации, поступающей через процессы ощущения и восприятия. Осознание информации начинается с эмоциональных программ, которые дают самую общую оценку каждой ситуации и тем самым суживают пространство для обработки ее логическими программами. Промежуточные выводы эмоциональной обработки информации также имеют влияние на ход процесса познания. Эмоции стимулируют его, если он происходит правильно, или тормозят его, если он ошибочен.

Как известно, эмоциональность очень часто выражается с помощью эмоциональных суффиксов, восклицаний, частиц и интонации. Она может передаваться и самими лексическими значениями слов. Такие значения называются эмоциональными, поскольку они реализуют выражение самих эмоций, ощущений, вызванных факторами окружающей действительности. Подчеркивается, что эмоционально-прагматическое содержание составляет особую часть значения слова, которую можно назвать эмоционалом значения [Никитин 2007: 103].

Эмоции играют важную роль в познании мира и его осмыслении. Эмоции еще не являются формой познания, но они вызывают в сознании определенное переживание, т.е. переживание человеком его отношения к самому себе, к реальной действительности, к познанию и деятельности. Базовые эмоции универсальны, поэтому существуют типовые эмоционально значимые ситуации общения – как межкультурные, так и внутрикультурные. Общее эмоциональное пространство человечества предопределяет и существование общего эмоционального смыслового поля. Последнее воспроизводится, прежде всего, в лексических и фразеологических единицах языка, а также в паремиях.

Базовые эмоции, имеющие биологическое измерение, социально конструируются и приобретают соответствующие культурные характеристики. Речь идет о наложении общественных ограничений на способы эмоциональной экспрессии, осознанные и произвольные действия человека, направленные на то, чтобы найти выход из создавшейся ситуации, среди которых главное место занимает выражение реакции на то или иное явление единицами национального языка [Шаховский 1995: 5]. При этом, социальная причина объясняет происхождение эмоции, культурно-историческая причина определяет формы ее выражения и способы влияния, и эти знания включаются непосредственно в структуру эмоциоконцептосферы.

Говоря об эмоциях, нельзя не затронуть вопрос о соотношении последней с оценкой, поскольку картина мира, свойственная определенной эпохе и определенному обществу, обязательно включает в себя ценностные ориентации человека, оценку себя, окружающего мира и деятельности в самом широком понимании этого термина. Ценностные ориентации необходимым образом содержат эмоциональное отношение.

Ценностные ориентации распределяются по оппозициям: добро – зло, труд – праздность, трудолюбие – лень, богатство – бедность, честь – бесчестье, красота – уродство, жизнь – смерть и т.д. В этих оппозициях один из членов является негативным в картине мира, а другой – позитивным и соответственно эмоционально окрашен.

Как представляется, природа эмоций двуедина: их познавательно-информативные свойства слиты с ценностно-оценочными. Эмоциональные механизмы сознания работают по принципу взаимной оценочно-когнитивной корреляции. Оценка словно «вбирает» в себя соответствующую эмоцию, а «параметры» эмоции и оценки совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо».

Различие между эмоциональным и оценочным значением, на наш взгляд, связано с употреблением, зависящим от речевой интенции говорящего, ведь эмоциональность – это качество речи, которое обуславливается психическим состоянием говорящего. Выражение чувств последнего может и не преследовать каких-либо прагматических целей. Оценочность, наоборот, – это такое качество функционального языкового проявления, которое

определяется сознательным намерением говорящего достичь конкретной прагматической цели: каким-то образом воздействовать на духовное или физическое состояние адресата.

Необходимо также учитывать и тот факт, что в основе оценочного слова лежит закрепленное в его семантической структуре положительное или отрицательное отношение к тем или другим явлениям, независимо от эмоциональных проявлений.

Что же касается эмоций, то негативными или позитивными они могут быть и при отсутствии вербальной оценки каких-либо объектов. Мы считаем, что на уровне слов можно говорить в основном лишь об их потенциальной эмоциональности, поскольку, выражаемые лексемами понятия, могут сопрягаться с определенной эмоциональностью, а могут и не сопровождаться ею.

В современном языкознании выделяют лингвистику эмоций, что особенно важно для межкультурной коммуникации.

Необходимо отметить, что эмоции не всегда подвластны человеческому контролю и способны в полной мере воспроизвести особенности речи и отношение человека к окружающему миру. Поэтому изучение эмоциональных концептов имеет большое значение не только для лингвистики в целом, но и для психолингвистики, когнитивистики, и концептологии.

Любая деятельность человека основана на эмоциональных переживаниях. Другими словами, эмотивность пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. Это позволяет утверждать, что категория эмотивности является общеметодологической при исследовании различных пластов культуры.

Современная лингвистика все чаще обращается к изучению языковой репрезентации внутреннего мира человека, в частности, ее эмоциональной сферы и взаимодействия эмоции с окружающей средой. Как считает исследователь Б.И. Додонов [Додонов 1987: 7], ярко выраженным субъективным оттенком каждой эмоции является присущая ей «интимность». Ведь, передавая свои переживания лишь словесно, человек не раскрывает при этом суть самой эмоции. Действительно, эмоциональность не может не оставить след в языке, ведь эмоциональные состояния непосредственно вмешиваются в ее номинативно-коммуникативную функцию.

Эмоции как важнейшие проявления внутренней психической жизни людей категоризируют, образуя на ментальном уровне

не сознания, эмоциональную картину мира. Концептосфера эмоций, или эмоциоконцептосфера – это миропонимание, спроектированное эмоциональной сферой сознания индивида [Фесенко 2002: 65].

Организационно эмоциоконцептосфера представляет собой иерархически упорядоченную совокупность введенных в речь с помощью лексических и фразеологических средств эмоциональных концептов – своеобразных «квантов» упорядоченного знания об эмоциональной жизни человека, находящихся друг с другом в сложных структурно семантических и функциональных отношениях [Красавский 2001: 60]. Эмоции являются одним из важнейших компонентов эмоциоконцептосферы человека, который обуславливает процесс познания и ориентацию человека в мире, характеризуясь биологическими, психологическими и социокультурными особенностями.

* * *

ДОДОНОВ Б.И., 1987. В мире эмоций. Киев.

КРАСАВСКИЙ Н.А., 2001. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград.

НИКИТИН М.В., 2007. Курс лингвистической семантики. СПб.

ФЕСЕНКО С.Л., 2002. Лингвокультурологическая специфика эмоциональных концептов // Композиционная семантика: Матлы III-й междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 18-20 сентября 2002 г. Тамбов.

ШАХОВСКИЙ В.И., 1995. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград.

И.Г. Серова (Тамбов, Россия)

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОГНИЦИИ

В статье излагаются положения когнитивной лингвистики о модульном характере обработки информации, обосновывается различие принципов формирования концептов пространственной и социальной когниции и подходов к их исследованию.

Ключевые слова: модулярная теория, пространственная/социальная когниция, интересубъективный мир, интенциональность, самореферентность, перформативные высказывания, ритуал, наложение статус-функций, институциональные факты

Термин «концепт» предполагает включенность в когнитивную терминосистему лингвистики, которая дала возможность для синтеза лексикографической и энциклопедической информации, объединяющий знания о мире и о познающем его субъекте.

В когнитивной лингвистике были достигнуты определенные успехи в изучении концептов естественных объектов и объектов, естественных для языка, то есть факторов, независимых от человека. Внимание лингвокультурологов сосредоточено на социальных и культурных концептах, являющихся продуктом человеческого воображения, и возможно, вследствие этого, не обладающих, по выражению Дж. Лакоффа [Lakoff 1990], своей собственной ярко очерченной доконцептуальной структурой. Культурные концепты, хотя и восходят предположительно к базовым структурам сенсомоторного опыта, все же представлены знаками культуры как «вторичной моделирующей системы» (Ю.М. Лотман) и связаны с актами интерпретации, вторичными по отношению к операциям референции.

Концептуальный анализ, снижавший популярность в отечественной лингвистике в последние годы вследствие новых возможностей, предоставляемых когнитивной наукой, нельзя свести к какому-либо определенному способу экспликации концептов. Как отмечала Р.М. Фрумкина еще в период становления этого метода [Фрумкина 1992], более уместно было бы говорить о том, что соответствующие работы объединены некоторой относительно общей целью, а что касается путей ее достижения, то они

оказываются весьма разными. Так, например, для анализа слов типа наименований одежды можно не привлекать широкие контексты, но для описания предикатной лексики, имен свойств и состояний необходим более сложный анализ: описание метафор, модальностей и т.д. Этот анализ предполагает, что облик концепта восстанавливается через анализ различных дискурсов.

По мнению Е.С. Кубряковой, связи и отношения, передаваемые *nomina abstracta*, принципиально не наблюдаемы, а их выделение и опознание отражают, несомненно, ступень познания мира, более высокую по сравнению с той, что отражает познание наблюдаемых в телесном опыте (*bodily experience*) сущностей/объектов [Кубрякова 2006]. Сходного мнения придерживается Л.О. Чернейко, отмечая, что понятие абстракции трудно объяснить не только с точки зрения лингвистической семантики: оно вообще «относится к числу труднопостижимых, интерпретируемых, а потому неоднозначных» [Чернейко 1997: 28]. Характер прототипа у абстрактного имени весьма специфичный, поскольку то, что стоит за абстрактным именем, расположено в иной плоскости действительности, нежели то, что стоит за конкретным именем [Чернейко 1997: 68–69].

Таким образом, очевидно, что процедуры, применяемые к экспликации концептов, зависят от того, какую реальность эти концепты отражают – реальность природного мира или социокультурную реальность.

Социальная реальность, в противоположность природному миру, представляет собой мир, который мы наделяем значением, но это не мир «абсолютной истины», а мир «социальных проектов», который создан взаимодействием людей, руководствующихся различными, иногда противоположными целями. Он состоит из вещей, которые мы обсуждаем и которым мы придаем значение. В соответствии с современным ее пониманием, социальная реальность есть реальность повседневной жизни, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира (см., напр., Э. Дюркгейм; П. Бергман, Т. Лукман; Дж. Серль; J. Markey). Ее феномены воспринимаются как факты без дальнейшего исследования оснований. В то же время социальная реальность имеет объективный характер в том смысле, что она конституирована порядком объектов, которые были обозначены как таковые до появления субъекта на сцене.

Социальные факты представляют собой ценности, культурные нормы и социальные структуры, внешние по отношению к индивиду [Markey 1925: 734]. Э. Дюркгейм также подчеркивает их коллективный характер, определяя принадлежность к социальным фактам верований, наклонностей, обычаев группы, взятой коллективно. Организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства, общества и аналогичные им факты существуют лишь в идеях и благодаря идеям, которые являются их источником [Дюркгейм 1990]. Поэтому можно сказать, что факты и события социальной реальности существуют только потому, что мы полагаем, что они существуют. Основой знания социальной жизни является объективация субъективных процессов (и смыслов), с помощью которых конструируется *интерсубъективный* повседневный мир.

Объективные факты социального мира, которые являются фактами только в соответствии с человеческим соглашением (конвенцией), могут быть обозначены как «*институциональные факты*». В отличие от неинституциональных фактов, «институциональные факты» называются так, потому что для их существования нужны человеческие институты. Например, только благодаря существованию института денег мы можем осуществлять действия с денежными купюрами и обменивать их на товары. Чтобы понятие «деньги» превратилось в материю, оно должно быть вещью, о которой люди думают, что это деньги. Если все перестанут верить, что это – деньги, они прекратят функционировать как таковые, и, в конечном счете, прекратят быть деньгами. Таким образом, социальные факты характеризуются специфическим видом *самореферентности*

По Дж. Серлю, социальная реальность приобретает смысл и значение благодаря сочетанию ряда факторов: индивидуальных и коллективных намерений, речевых действий, поведения, регулируемого правилами онтологии социальных фактов и социальных институтов [Серль 1995].

Социальные факты кажутся нам такими же естественными, как камни, вода и деревья, поскольку мы живем в культуре, впитывая социальную реальность как данность. Поэтому мы склонны рассматривать социальные феномены как естественные явления отдельно от их функциональных ролей, или социально определенных функций, но это – иллюзия. На самом же деле,

социальные факты не могут быть поняты в отрыве от функций. Например, деньги существуют для приобретения, расхода и сбережения, автомобили – для передвижения, и т.д. Но если функции нет, то нет и ответа на вопрос, для чего это, и тогда мы сталкиваемся с тяжелой интеллектуальной задачей идентификации вещи в терминах ее внутренней природы независимо от наших интересов, намерений и целей.

Это значит, что естественные и социальные факты различаются в том смысле, что первые рассматриваются в свете свойств, присущих объекту *по природе*, а вторые – в свете свойств, которые существуют *в зависимости от интенциональности наблюдателя*. Под *интенциональностью*, как известно, понимается свойство сознания быть направленным на нечто вне его самого. Но в данном случае интенциональность должна быть коллективной – только разделенность знания позволяет нам сказать, что мы имеем дело с социальными фактами.

В соответствии с теорией конструирования социальной реальности Дж. Серля, создание социальных фактов связано не только с *коллективной интенциональностью*, но и со способностью людей *налагать функции* на объекты, а также с соблюдением *конструктивных правил* [Серль 1995].

Если существование грубых (rough) фактов не требует каких-либо человеческих институтов, то социальные факты зависят от того, какие функции наложены на них наблюдателем. Функции никогда не присущи объекту; они назначаются относительно интересов пользователей и наблюдателей и определяются относительно набора ценностей, таких, как, например, жизнь, выживание, здоровье. Грубые факты требуют института языка, чтобы мы могли их констатировать, но сами по себе они существуют совершенно независимо от языка или любого другого института. В отличие от них, существование институциональных фактов требует специальных человеческих институтов. Язык представляет собой лишь одно такое учреждение; в действительности, это – целый набор учреждений.

Как полагают лингвисты и социологи, существование человеческих институтов в значительной мере связано с наличием лингвистических элементов. Одно из основополагающих свойств языка состоит в способности создания институциональных фактов через *перформативные высказывания* – декларации, создаю-

щие новое положение дел, обозначенное в высказывании, например: «*Я назначаю Вас председателем*», «*Я объявляю Вас мужем и женой*». Таким образом, лингвистический компонент является частью установления институциональных фактов, и только существа, имеющие язык или подобную языку систему представления, могут их создавать.

В обществе всегда существуют правила создания социальных фактов, которые делятся на «регулятивные» и «конструктивные» правила. Так, конструктивные правила создают саму возможность некоторых действий. Например, правила игры в шахматы не регулируют априорно существующее действие, а скорее правила шахмат создают саму возможность игры в шахматы, то есть конструируют сам объект «шахматы». С другой стороны, правило «*машины едут по правой стороне дороги*» только регулирует вождение; можно ездить на машине, и нарушая это правило. Основной закон в создании институциональных фактов сводится к тому, что к некоему объекту применяется конструктивное правило «*X считать как Y в C*», где объекту X приписывается функция, выходящая за пределы свойств данного физического объекта, обозначаемого термином X (термин C соотносится с понятием «социальный домен»).

Следовательно, можно утверждать, что создание социальных фактов и их концептов связано с их онтологическими свойствами, такими, как *самореферентность*, *интерсубъективность*, *конвенциональность*, *институализированность* и *ритуализованность*, а также *основополагающая роль языка*, проявляющаяся в *перформативности* высказываний.

Социальные факты усваиваются как культурные концепты в процессе социализации, однако каждый раз они как бы вновь создаются в процессе социального взаимодействия индивидов в результате наложения индивидуального опыта на коллективные представления. С этим обстоятельством связана специфика социальной когниции и ее исследования, которая состоит в необходимости учета эмоциональных и этических обертонов. Еще одной важной особенностью создания социальных фактов является то обстоятельство, что для их конструирования и интерпретации требуется существование особого модуля когниции.

Это мнение появилось в рамках модулярной теории Дж. Фодора и Н.Хомского, которые утверждали, когнитивный аппарат

человека можно представить как некоторое количество модулей, каждый из которых отвечает за обработку специфической информации и осуществляет решение специфических когнитивных задач. Работу каждого модуля, в котором предположительно действует сравнительно небольшое число принципов и единиц, обеспечивают особые механизмы (механизмы индукции и дедукции, ассоциативного связывания единиц, контроля за процессами и т.д.).

Наиболее разработанной в этой области когнитивной науки представляется концепция Р. Джекендоффа, в которой автор утверждает, что *модули* или *способности (faculties)* могут быть классифицированы на разных основаниях. Например, по Р. Джекендоффу, различаются *центральные (central)* и *входные-выходные (input-output)* модули [Jackendoff 1996: 70].

Центральные способности (модули) интегрируют информацию, которая обрабатывается входными модулями. Языковая система, используемая как для восприятия, так и для порождения, и визуальная система, используемая преимущественно для восприятия, вместе с моторной системой, обеспечивают связи между сенсорной и моторной периферией, с одной стороны, и центральными способностями, с другой.

Второй центральный модуль, как полагает Р. Джекендофф, отвечает за *пространственную когницию (spatial cognition)*, а именно, за конструирование воспринимаемого окружающего мира. Этот модуль получает данные зрения, осязания и даже системы звуковой локализации (например, мы слышим звук слева). Пространственные репрезентации снабжают информацией периферийные выходные модули, работая параллельно с концептуальной структурой с целью обеспечить наше понимание окружающего мира. Существуют также основания для выделения третьего модуля – модуля *телесной репрезентации (body representation)*, отслеживающего наши телесные ощущения и обеспечивающие человеку ориентацию в пространстве. Эта способность взаимодействует с пространственной когницией, и отвечает за чувство пространства и движения в нем.

Р. Джекендофф высказывается также относительно того, что имеются косвенные свидетельства в пользу выделения модуля *социальной когниции (social cognition)*. Задача этого модуля – *формирование образа себя как индивида в обществе*. Он силь-

но отличается от пространственного модуля, фундаментальными единицами которого выступают физические объекты в пространстве. О них человек задается вопросами типа: *Что это? Где это расположено?* Единицами социальной когниции являются личности в социальном взаимодействии, о которых спрашивают: *Кто это? Каковы его/ ее отношения ко мне и остальным?*

Фундаментальной социальной единицей является понятие *личности (person)*. Если существует вспомогательный модуль концептуальной структуры, отражающий социальные отношения, это означает, что личность представлена в концептуальной структуре дважды: в пространственном домене, кодирующем тело как *физический объект*, и в социальном домене, кодирующем *личность (personhood)*. Возможно, здесь и следует искать когнитивные истоки распространенного в философии и религии концептуального дуализма, выраженного в оппозиции *душа-тело*.

Концепты социального модуля и пространственного модуля несопоставимы. Концепты, значимые для понимания социальных отношений и социальных действий, не имеют отношения к расположению объектов в пространстве (если только это не предписано культурой). Поэтому они конституируют особый домен, в котором не работают или весьма ограниченно работают законы пространственного восприятия объектов.

Объективно-субъективный характер социальных фактов как коллективно-индивидуальных социальных практик, в частности, такого социального феномена, как гендер, проявляется следующим образом. С одной стороны, это – некий установленный обществом порядок, частью которого является каждый член общества; с другой стороны, это – процесс и результат встраивания каждого индивида в этот порядок (для его обозначения П. Бурдье ввел термин «габитус»).

Дж. Батлер называет габитус в области гендерных отношений *гетеросексуальной матрицей* или гетеросексуальной гегемонией [Антология гендерной теории 2000: 305]. Гетеросексуальная матрица описывается ею как биологически, медицински и сексуально упорядочивающая власть, которая продуцирует два вида, мужчину и женщину. Таковы две возможности, предоставленные знанием-властью, которая продуцирует понятность и нормальность. В настоящий момент в контексте западной культуры

дискурсивно невозможно быть вне разницы между мужчиной и женщиной: каждый из нас в каждый момент времени классифицирован как мужчина или женщина. Власть бинарной логики пола над морфологией тел не продуцирует и не именуется ничем, кроме этих двух – никаких других тел, желаний или ролей. Определяющая пол гетеросексуальная власть дает *гендеризированные* возможности стать понятным субъектом вообще.

Такой компонент конструирования гендера, как *наложение функций*, ярко демонстрируется в существовании гендерных ролей и гендерных норм. Так, мужчины и женщины исполняют различные роли, которые им предписаны. Например, в большинстве обществ мужчины заняты военной и политической деятельностью, а женщины работают в сферах, связанных с воспитанием детей.

Институционализованность и ритуализованность гендера проявляются в общественной жизни многократно. Гендерный порядок поддерживается практиками разделения мужского и женского пространств: в магазинах мужчины и женщины посещают различные отделы одежды и аксессуаров, женщины и мужчины читают разные журналы, предназначенные для каждого из полов в отдельности и содержащие разную информацию. Наряду с предметами-атрибутами полов (например, заколки для волос, которые носят женщины, но, как правило, не носят мужчины), гендер характеризуется многочисленными визуальными представлениями и практиками (покупая зонтик, мы беспокоимся, мужская или женская у него расцветка). Выбор одежды и аксессуаров очень важен, так как он эквивалентен выбору символов и знаков, характерных для мужской и женской идентичности, и представляет собой технологию создания гендера, с помощью которой осуществляется формирование гендерного дисплея.

В гендерном пространстве существуют определенные законы поведения, которых необходимо придерживаться для поддержания соответствующей гендерной идентичности. Таковы *ритуалы инициации* (например, чтобы считаться мужчиной в различных сообществах юноши проходят соответствующие испытания: нужно прыгнуть с высокой скалы или сделать татуировку и т.д.).

Перформативность гендера наиболее четко обозначена в радикально-конструктивистской теории *перформативности пола* Дж. Батлер [Butler 1993]. Мысль, которая лежит в основе

ее теории пола, – это идея перформативности, связанная с теорией речевых актов Дж. Остина. Когда Дж. Батлер утверждает, что пол перформативен, она имеет в виду, что пол имитируем и существует благодаря многократному повторению. При этом лишь цитацию и повторение она считает основными механизмами воссоздания гендера, отрицая возможность выбора и креативности. Прибегая к языковым средствам, которые считаются прототипическими чертами женской и мужской речи, например, использованию обценной лексики мужчинами и активному употреблению эмоциональных выражений женщинами, мы подчеркиваем свою принадлежность к одному из полов. Мы делаем это не потому, что мы – мужчины или женщины, а потому, что мы *хотим*, чтобы нас воспринимали как мужчин или женщин.

Перформативное видение пола в теории Дж. Батлер создает предпосылки для понимания того факта, что тело, вместо того чтобы быть «естественной» категорией, обнаруживает себя как сконструированное тем или иным дискурсом.

* * *

АНТОЛОГИЯ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ, 2000. Сб. пер. / Сост. Гаповой Е, Усмановой А. Минск.

БЕРГМАН П., ЛУКМАН Т., 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. // URL: <http://www.interbooks.info/books/15815.html>

БУРДЬЕ П., 1998. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. Вып.2. // URL: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/2/4bourd.html>

ДЮРКГЕЙМ Э., 1990. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. // URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>

КУБРЯКОВА Е.С., 2006. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики №3. М.

КУБРЯКОВА Е.С., 1996. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Ю.Г.

СЕРЛЪ Дж. Р., 1995. Конструирование социальной реальности. URL: // <http://juragrek.narod.ru/psih/232.htm>

ФРУМКИНА Р.М., 1992. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация.

Серия 2. Информационные процессы и системы. №3. М.

ЧЕРНЕЙКО Л.О., 1997. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.

BUTLER J., 1993. Bodies that Matter. On the Discursive Limits of "Sex". NY.

JACKENDOFF R., 1996. Languages of the Mind: Essays on Mental Representation.

LAKOFF G., 1990. Cognitive Models // Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind.

MARKEY J. A., 1925. Redefinition of Social Phenomena: Giving A Basis for Comparative Sociology // American Journal of Sociology. Vol. 31.

Источники:

ПАНКРАЦ, ЛУЗИНА Л.Г., Краткий словарь когнитивных терминов. М.

Н.Н. Цыцаркина (Курган, Россия)

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРЕЙМА «СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена объективации фрейма «социальный протест», который рассматривается как когнитивная модель, представляющая протестную стереотипную ситуацию. Основное внимание уделяется структуре фрейма, репрезентируемого глаголами, и некоторым особенностям его развертывания на уровне предложения-высказывания и текста (дискурса).

Ключевые слова: социальный протест, фрейм, глагол, дискурс, когнитивный фрейм

В последнее время широкое распространение получило такое направление лингвистических исследований, как фреймовый анализ лексических единиц. По определению Н.Н. Болдырева, фреймовая семантика – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка и структур знания, мыслительного пространства.

Как правило, объектом фреймовой семантики являются глаголы, репрезентирующие тот или иной фрейм. Показательны в этом отношении работы Н.А. Храмовой [Храмова 2003], О.Ю. Рыскиной [Рыскина 2004], Е.А. Чистяковой [Чистякова 2005], А.В. Кузьмичевой [Кузьмичева 2006], Ю.А. Дрыгиной [Дрыгина 2007], А.В. Черняевой [Черняева 2008], О.В. Романовой [Романова 2008] и др.

В соответствии с положениями фреймового подхода фрейм понимается как род сложного концепта, представляющий собой когнитивную модель типовой ситуации. Это, как правило, пропозициональная модель. Как справедливо считает Ю.Н. Караулов, фрейм любой степени обобщенности может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций [Караулов 1987: 194]; см. также [Дейк ван, Кинч 1988: 186].

Содержание фрейма образуется структурированной совокупностью обязательных и факультативных признаков («узлов» и «терминалов», по М. Минскому). Обязательные признаки фрейма объективируются его когнитивно-пропозициональной структурой. Они входят в качестве смысловых элементов в семантиче-

скую структуру лексических единиц. Факультативные признаки выполняют в структуре фрейма конкретизирующую функцию [Алефиренко 2005: 188–189].

Таким образом, исследователи рассматривают лексические единицы, вербализующие тот или иной фрейм, как на системном, так и на функциональном уровне (в предложении).

Однако, как нам представляется, некоторые фреймы могут объективироваться лексическими единицами не только в предложениях-высказываниях, но и в тексте или ряде текстов (дискурсе).

Рассмотрим данное предположение на примере фрейма «социальный протест».

Фрейм «социальный протест» как способ отражения социальной реальности в сознании индивида моделирует ситуацию несогласия субъекта с материальными условиями жизни (экономический протест) или неприятия господствующего политического курса (политический протест). Такой протест, по мнению С.В. Позднякова, чаще всего выражается определенной акцией, действием, поступком протестного характера [Поздняков 2002: 13].

Протестная ситуация представляет собой социально обусловленные действия участников конфликтного взаимодействия. Субъект S_1 считает ситуацию, вызванную субъектом S_2 , неблагоприятной для себя или общества в целом и, руководствуясь общественно важными целями, пытается повлиять на субъект S_2 , выражая неодобрение по поводу его действий.

Изучение понятия «социальный протест» в том смысле, как его понимают социологи, позволило нам получить общее представление о том, какие лексемы могут репрезентировать протестные социальные отношения в языке (под социальными отношениями мы понимаем институционализированные способы взаимодействия объединенных в различные группы индивидов). Это такие глаголы, как *protest, strike, demonstrate, march, picket* и смежная с ними по денотативному статусу глагольная конструкция *hold a vigil*.

Анализ лексикографических толкований данных глаголов показал, что у глагола *protest*, в отличие от остальных глаголов, значение социального протеста обнаруживается в первом ЛСВ, т.е. оказывается основным: **protest** – (ЛСВ 1) *to disagree strongly*

with something, often by making a formal statement or taking action in public [MED].

Protest является прототипическим для данной группы глаголов. Системное значение этого глагола описывает ситуацию протестных взаимоотношений в наиболее обобщенном и нейтральном виде. Значения других глаголов трактуются через этот глагол:

strike – (ЛСВ 4) *to refuse to work for a period of time as a protest about your pay or conditions of work* [MED]; **demonstrate** – (ЛСВ 3) *to protest or support something in public with a lot of other people* [LED]; **march** – (ЛСВ 4) *to walk through the streets in a large group in order to protest about smth.* [OALD]; **picket** – *to stand outside somewhere such as your place of work to protest about smth. or to try and persuade people to join a strike* [OALD]; **hold a vigil** – (ЛСВ 1a) *to hold a quiet political protest at night* [MED].

Глаголы, репрезентирующие фрейм «социальный протест», представляют собой включающие предикаты, т.е. стоят выше предикатных знаков – обозначений деятельности. Вследствие этого такие глаголы сочетаются с именами пропозитивной семантики (так называемыми включенными предикатами), которые занимают позиции аргументов. Включенный предикат данного фрейма обычно выражается существительным, имеющим событийное прочтение (*budget cuts, job losses, closure, involvement*).

Как показал анализ, обязательными компонентами фрейма «социальный протест» являются субъект-агенса (S_1), включающий предикат протестных отношений (P), включенный предикат (p) и объект (S_2): *Tens of thousands of Iraqis (S_1) demonstrated (P) against the US (S_2) occupation (p) of Iraq in central Baghdad today* [The Guardian. April 18, 2003]. *Council workers (S_1) in East Lothian in Scotland are currently balloting on whether to strike (P) over the local authority's (S_2) plan to dismiss (p) them* [The Guardian. March 6, 2008].

Объект (S_2) чаще всего бывает имплицитным, например: *Students (S_1) protest (P) in Westminster, London, against planned increases (p) in tuition fees* [The Guardian. November 24, 2010]. *Students (S_1) are demonstrating (P) against the war (p)* [OALD].

В этих примерах имплицитный объект (S_2) – правительство (в первом примере планирующее увеличить плату за обучение, во втором – принимающее участие в военных действиях).

Включенный предикат также может не эксплицироваться на поверхностном уровне. В этом случае, как правило, упоминается место или время проведения демонстрации протеста или то и другое вместе. Например: *Mr. Tarar and his colleagues plan to be among thousands of lawyers (S₁) who will protest (P) in Islamabad (L), the capital, on Tuesday (T), when a panel of top judges resumes hearing Mr. Chaudhry's case* [The Times. March 31, 2007].

В данном примере имплицитный включенный предикат (р) фрейма «социальный протест», объективированного глаголом **protest**, – действия судей во время слушаний по делу Mr. Chaudhry. Имплицитный объект (S₂) – судьи, предвзято относящиеся к заслушиваемому делу. Указаны место (L) и время (T) проведения протеста – Исламабад (Islamabad), четверг (Tuesday).

Если фрейм «социальный протест» репрезентирован глаголами **march** и **picket**, а также глагольной конструкцией **hold a vigil**, верхний уровень фрейма помимо предиката (P) и субъекта (S₁) включает такие компоненты, как направление (*march*) или место (*picket, hold a vigil*): *Several thousand people marched on the French embassy* (направление) [LLA]. *Striking workers picketed the factory* (место) [OALD]. *2000 demonstrators held a candlelit vigil outside the embassy* (место) [LED].

Существительные, вербализующие компоненты «место» и «направление», в этих предложениях метонимически обозначают группу лиц, например: французское посольство (*the French embassy*) – это метонимическое обозначение представителей французских властей, против решений которых протестуют демонстранты; фабрика (*the factory*) – руководство или владельцы фабрики, действия которых нарушили права рабочих на достойное вознаграждение за свой труд. Таким образом, компоненты «место» и «направление» совмещаются с объектом.

Факультативными компонентами фрейма «социальный протест» являются время, место, спецификация и цель совершения действия:

The Adedy civil service union may strike later this month (время) in protest at the cuts proposed in a Bill that the Parliament passed just before Christmas (цель) [The Times. January 6, 2010]. *Thousands of people blocked (спецификация действия) the street, protesting against the new legislation* [LED]. *Thousands of devotees and monks demonstrated today (время) across India* (место) *to*

show their support for Tibetan Buddhism's third most important spiritual leader (цель) [The Guardian. January 31, 2011].

Если фрейм представлен глаголами **march**, **picket** или глагольной конструкцией **hold a vigil**, факультативными компонентами будут время, маршрут, способ и цель совершения действия:

An estimated 5,000 people marched through the city (маршрут) to demonstrate against the factory closures (цель) [LED]. *Union members have picketed the department store since it opened* (время) [LED]. *Al Muhajiroun said its (a Muslim extremist group) followers intended to march through the town (маршрут) carrying empty coffins as a protest against Britain's presence in Afghanistan* (способ) [Times Online. January 4, 2010].

Как мы уже отмечали, фрейм «социальный протест» может стать основанием когнитивного фрейма текста или дискурса как совокупности текстов (когнитивный фрейм – когнитивная модель содержания, т.е. обобщенная модель референтной ситуации [Руберт 2001: 31]). Под дискурсом мы понимаем, вслед за В.Е. Чернявской, интегративную совокупность текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями и объединенных коммуникативным и функционально-целевым отношением [Чернявская 2004: 75–76].

Данный фрейм можно считать одним из базовых концептов новостного политического дискурса, поскольку в нем находят отражение различные социальные отношения, в том числе и протестные взаимодействия больших общественных групп. Новостной политический дискурс представлен в текстах информационной заметки, корреспонденции, репортажа, а также в аналитических статьях, содержащих новостные микротексты (фактографические врезки в начале текста, примеры в самом тексте). Реализуясь в дискурсе, фрейм «социальный протест» становится единицей более высокого уровня, чем фрейм, объективированный в предложении.

Когнитивный фрейм текста, основанный на фрейме «социальный протест», представляет собой макропропозицию, включающую все компоненты стереотипной ситуации, описывающей протестные социальные отношения. Структурными компонентами макропропозиции такого фрейма являются макропредикат, коллективный агент, коллективный контрагент, темпоратив, локатив, а также причина, следствие и спецификация обобщаемых

макропредикатом действий. Сценарий, который входит в состав фрейма на правах субфрейма, является динамической расшифровкой статической макропропозиции, ее временной детализацией. Нижний уровень фрейма – это уровень конкретной ситуации, имеющей место в реальной действительности.

Сценарий фрейма «социальный протест» состоит из трех пропозициональных субфреймов: 1) предпосылки возникновения протестных отношений; 2) протестные взаимодействия (инцидент или ряд инцидентов); 3) последствия инцидента.

Глаголы protest, strike, demonstrate, march и др. в этом случае становятся предикатами макропропозиции текста, т.е. объективируют фрейм «социальный протест» на уровне текста.

В кратких информационных сообщениях вербализуется только верхний уровень когнитивного фрейма, т.е. макропропозиция. Сценарный фрейм в таких текстах не эксплицируется, оставляя читателю домысливать детали ситуации, которые, скорее всего, ничем не отличаются от типичной (стереотипной) ситуации. Например:

Hong Kong Protest

About 100,000 people (S_1) protested (P) on the streets of Hong Kong (L) demanding ($Purp.$) the swift introduction of full democracy in the former British territory [The Times. January 3, 2004: 16].

Суть конфликта изложена в одном предложении, актуализирующем макропропозицию когнитивного фрейма текста, которая совпадает с пропозицией фрейма «социальный протест», объективируемого глаголом protest, который в этом случае становится макропредикатом. Включенный предикат p (действия правительства Китая) и объект S_2 (правительство Китая) на поверхностном уровне не эксплицируются.

В развернутом информационном сообщении и в аналитической статье, содержащей новостные микротексты, информация разворачивается по принципу «перевернутой пирамиды». Верхний уровень, т.е. макропропозиция когнитивного фрейма, представлен наиболее обобщенно, конкретизируясь затем в сценарных субфреймах.

В аналитических статьях большого формата может объективироваться как весь сценарный фрейм «социальный протест», так и один из его субфреймов. Чаще всего это собственно протест-

ная стадия, состоящая из нескольких инцидентов. Убедительным примером этого является аналитическая статья Р. Генри, содержащая микротексты с описанием демонстраций, пикетов, маршей протеста, которые проходили во время саммита ООН в Копенгагене в середине декабря 2009 года:

Copenhagen summit (L , T): Thousands (S_1) march (P) against climate change (p)

*Thousands of people (S_1^2) have **marched** (P^2) in Copenhagen (L^2) today (T^2) as part of a worldwide protests **demanding action** (p^2) on climate change* (второй инцидент).

*The most peaceful **demonstration was staged** (P^1) at the midpoint (T^1) of the United Nations summit to tackle global warming, being held in the Danish capital (L^1)* (первый инцидент). <...>

***Demonstrations and candlelit vigils were also held** ($P^{3,4,5,6}$) in Scotland (L_3), Jakarta (L_4), America (L_5) and Hong Kong (L_6)* (третий, четвертый, ...n-ый инциденты).

*The Copenhagen demonstration (S_1^2) **marched** (P^2) a four-mile route out of the city to the conference centre (L^2) where the UN talks are currently being held* (второй инцидент). <...> [The Sunday Times. December 12, 2009].

Демонстранты, словно предчувствуя, чем закончится двухнедельный саммит ООН, пытались повлиять на делегатов и на мировых лидеров, требуя принять комплекс мер, которые бы предотвратили катастрофическое изменение климата. Когнитивный фрейм текста представлен в заголовке **Copenhagen summit: Thousands march against climate change**. Макропредикат фрейма **march** (P), выражающий форму протеста, конкретизируется в сценарных субфреймах, которые описывают ряд инцидентов, предикатами **march**, **hold demonstrations and candlelit vigils**, **stage demonstrations** ($P^{3,4,5,6}$). Каждый сценарный субфрейм (инцидент) вербализуется одним из этих глаголов, объективирующих фрейм «социальный протест» на уровне предложения.

Субъект (агенса) каждого сценарного субфрейма являются составной частью макроагенса ($S_1 = S_1^1 + S_1^2 + S_1^3 + \dots S_1^n$). Контрагенса (государства, не заботящиеся о сохранении климата на планете) имплицитен. Временные и пространственные компоненты сценарного фрейма (темпоративы и локативы сценарных субфреймов) варьируются в пределах общего временного ($T = T^1 + T^2 +$

+ $T^3 + \dots T^n$) и пространственного ($L = L^1 + L^2 + L^3 + \dots L^n$) отрезков (макротемпоратива и макролокатива) или совпадают с ними.

Таким образом, фрейм «социальный протест» может вербализоваться глаголами протестных социальных отношений в предложении-высказывании и как когнитивный фрейм на уровне текста.

* * *

АЛЕФИРЕНКО Н.Ф., 2005. Современные проблемы науки о языке. М.

БОЛДЫРЕВ Н.Н., 2000. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов.

ВАН ДЕЙК Т.А., КИНЧ В., 1988. Стратегия понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.

ДРЫГИНА Ю.А., 2007. Репрезентация фрейма «управление» глагольными лексемами современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород.

КАРАУЛОВ Ю.Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М.

КУЗЬМИЧЕВА В.А., 2006. Семантико-синтаксические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «социальной деятельности по достижению цели» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород.

ПОЗДНЯКОВ С.В., 2002. Политический протест: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д.

РОМАНОВА О.В., 2008. Семантические и функциональные особенности глаголов, выражающих концепт ПРИНУЖДЕНИЕ в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

РУБЕРТ И.Б., 2001. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.

Рыскина О.Ю., 2004. Репрезентация фрейма «принятие решения» в современном английском языке (на материале глагольной и субстантивной лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск.

ХРАМОВА Н.А., 2003. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

ЧЕРНЯЕВА А.В., 2008. Функционально-семантический анализ подкласса глаголов, репрезентирующих концепт «изменение» в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб.

ЧЕРНЯВСКАЯ В.Е., 2004. Интерпретация научного текста. М.

ЧИСТЯКОВА Е.А., 2005. Функционально-семантический анализ группы глаголов с семантикой созидания и придания формы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

Источники и принятые сокращения:

LED, 2007. The Longman Exams Dictionary. Harlow.

LLA, 2007. The Longman Language Activator. Pearson Education Ltd.

MED, 2006. The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London.

OALD, 2005. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford.

А.Г. Гурочкина (Санкт-Петербург, Россия)

АЛЛОПАРАФРАЗ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ В ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается явление аллопарафраза в условиях реального речевого взаимодействия, выявляются его типологические характеристики, диапазон прагматического назначения, механизмы отражения собеседниками одного и того же фрагмента действительности разными способами.

Ключевые слова: *парафраз, единицы парафрастической номинации, повтор, аллопарафраз-квеситив, аллопарафраз-констатив, амбигуэнтность, стратегия*

В прагмалингвистических исследованиях парафраз трактуется как повторное представление мысли [Иншина 1989], пропозиции [Schiffrin 1982], идеи [Tannen 1987], как повторная передача смысла [Гак 1998] или значения языковой единицы [Crystal 1993].

В рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы научного знания парафраз рассматривается как глобальный механизм, посредством которого осуществляется производство внутри одного дискурса некоторой дискурсивной единицы, переформулирующей другую единицу, созданную ранее [Греймас, Курте 1983: 505]. В таком понимании явление парафразирования предстает как фундаментальное свойство речевой коммуникации [Wunderlich 1991: 72], хотя его реализация в вербальном взаимодействии нередко противоречит законам языка. «Несмотря на большую значимость, отводимую лингвистической креативности, и вопреки предписаниям, запрещающим повтор, дискурс обычно содержит большое количество параллельных конструкций, эмфатических повторов, близких синонимов и парафразов» [Norrick 1987: 245], поскольку ни одно из названных средств не является абсолютным копированием уже пережитого или сказанного, а всегда сопровождается более или менее явными изменениями, вносимыми личностью в соответствии с собственным выбором, субъективным видением мира, изменяющимися условиями и т.п. Два образа одной и той же ситуации, как отмечают исследователи, работающие в области когнитивной грамматики, могут различаться в зависимости от того, каким граням данной ситуации уделяется

большее внимание – от уровня абстракции или спецификации отображения ситуации, от перспективы и т.д. [Langacker 1987: 110], то есть смысловые и формальные модификации, сопровождающие процесс парафразирования, часто детерминируются изменяющимися в условиях реального речевого взаимодействия значимостями для участников общения тех или иных параметров конкретной ситуации, что и приводит к корректировке, необходимости повторно вербализовать содержание определенного сегмента дискурса, внося в новую версию вербального представления того или иного явления или ситуации необходимые формальные изменения. Формальные изменения, в свою очередь, часто приводят к смысловым трансформациям, степень которых варьируется от незначительной до весьма существенной. Последнее объясняется тем, что процедура производства дискурса может быть осложнена изменением первоначального замысла говорящего, ибо «язык и мысль связаны не неразрывной связью, вербализация мысли – это творческий процесс, в ходе которого замысел получает не просто некую объективированную языком форму, – он проясняется, уточняется и конкретизируется» [Курбрюкова 1991: 33]. Такие уточнения нередко вносятся говорящим на основании переоценки им лингвистической компетенции адресата и свидетельствуют о желании отправителя сообщения как можно лучше адаптироваться к ситуации общения и обеспечить адекватное понимание своего высказывания адресатом.

Являясь универсальным средством человеческого общения, язык отнюдь не всегда обеспечивает беспроблемное понимание адресатом сообщения адресанта. Ошибки в понимании и интерпретации смыслов другого человека даже более естественны, чем адекватное понимание [Леонтьев 1999: 375], что объясняется различиями в индивидуальных и когнитивных особенностях коммуникантов, сложной природой окружающего мира, фактов и отношений, которые являются объектом понимания, имплицитным характером многих речевых сообщений. Помимо отмеченных выше, исследователи называют также такие факторы, приводящие к коммуникативной неудаче, как: неидеальность устройства самого языка (многозначность слов, их референциальная неопределенность, амбигуэнтность, обобщенность, изменение с течением времени своих значений и др.) [Zhang 1998; Зегет 1985; Никитин 1996; Брагина 2010 и др.]. В этой связи

коммуникативное рассогласование является закономерным феноменом человеческого общения.

К стратегиям, способствующим успешной реализации интенции адресанта и предотвращению коммуникативной неудачи, и относится явление парафразы.

В зависимости от инициатора парафразирования различаются два типа парафразы: самопарафраз (повторная передача содержательного ядра сегмента дискурса самим инициатором первичного сообщения) и аллопарафраз, являющийся собой феномен, когда один и тот же фрагмент действительности вербализуется разными языковыми личностями, то есть ситуация актуализации аллопарафразы включает двух и более коммуникантов, каждый из которых предлагает свою «версию» вербального представления того или иного факта, явления, события.

На основании критерия соответствия смысла парафразированного сегмента дискурса смыслу единицы первичной номинации выделяются два вида аллопарафразы: контрадикторный и неконтрадикторный. Если смысл парафразированного сегмента не противоречит смыслу первичной языковой единицы, то есть, если вербальные версии представления ситуации обоими коммуникантами в основном совпадают, то аллопарафраз является неконтрадикторным. Когнитивным основанием неконтрадикторного аллопарафразы является, таким образом, совпадение когнитивных пространств участников коммуникации. При наличии значимого отличия смысла парафразированного сегмента от смысла единицы первичной номинации аллопарафраз квалифицируется как контрадикторный. Этот вид аллопарафразы актуализируется: в случае ориентации адресата на буквальный смысл первичной единицы вместо заложенного в ней переносного смысла или, наоборот, ориентации на переносный смысл вместо буквального, при расширении адресатом изначального смысла первичного высказывания, а также в случае введения в первичное сообщение элементов домысливания.

Оба вида парафразы (контрадикторный \ неконтрадикторный) – это естественное, достаточно частотное и закономерное явление человеческого общения, где совпадают или сталкиваются взгляды, установки, мнения, знания и опыт коммуникантов.

В межличностном взаимодействии аллопарафраз представлен преимущественно двумя типами речевых актов: констативами и

квеситивами, каждому из которых присуща своя специфика актуализации в диалогическом дискурсе.

Аллопарафраз – констатив функционирует как:

- стратегия коммуникативной поддержки собеседника, актуализируемая посредством выражения адресатом согласия с инициатором общения и оказания вербальной помощи собеседнику в оформлении мысли в номинации событий, явлений;

- стратегия выражения эмпатии, то есть слушания, при котором слушающий не просто пассивно воспринимает поступающую к нему информацию, а парафразирует слова своего собеседника, отражая его мысли и чувства;

- стратегия манипулирования сознанием адресата, способствующая формированию выгодного для адресанта представления внеязыковой ситуации;

- стратегия контроля понимания речевого сообщения коллективным субъектом в ситуации, участником которой является коллективный адресат

Аллопарафраз – квеситив в большинстве случаев используется как:

- стратегия контроля правильности понимания адресатом речевого сообщения, когда адресат проверяет, насколько его представление о ситуации соотносится с представлениями адресанта. Данная стратегия применяется в преобладающем большинстве случаев, когда речевое сообщение адресанта является референциально неточным, амбигуэнтным и, соответственно, создает условия для коммуникативной неудачи;

- стратегия разоблачения собеседника. В этом случае адресат посредством переструктурирования высказывания адресанта вскрывает истинную природу его сообщения или, иными словами, называет вещи своими именами. Такие аллопарафразы – квеситивы приобретают в дискурсе иллюкативную силу негодования, злой усмешки.

Таким образом, аллопарафраз представляет собой феномен, позволяющий сопоставить способы вербального оформления одного и того же фрагмента действительности разными языковыми личностями, каждая из которых воспринимает поступающие извне языковые сообщения сквозь призму своего опыта. Эти языковые сообщения модифицируются, окрашиваются по-иному, подвергаются иной фокусировке в той уникальной среде, которая составляет вербальный/невербальный мир конкретной личности.

* * *

БРАГИНА Н.Г. 2010. Речевые стратегии в диалоге: реплики непонимания // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.

ГАК В.Г. 1998. Языковые преобразования. М.

ГРЕЙМАС А.Ж., КУРТЕ Ж. 1983. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.

ЗЕГЕТ В. 1985. Элементарная логика. М.

ЛЕОНТЬЕВ А.А. 1999. Психология смысла. М.

КУБРЯКОВА Е.С. 1991. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.

НИКИТИН М.В. 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.

CRYSTAL D. 1993. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge.

LANGACKER R.W. 1987. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford.

NORRICK N. 1987. Functions of repetitions in conversation // Text 7(3).

TANNEN D. 1987. Repetition in Conversation: Toward a poetics of talk // Language No. 69/3.

SCHIFFRIN D. 1982. Cohesion in everyday discourse: the role of paraphrase // Sociolinguistic Working Paper No.97.

ZHANG Q. 1998. Fuzziness – Vagueness – Generality – Ambiguity // Journal of Pragmatics 29.

WUNDERLICH D. 1991. Arbeitsbuch Semantik. Frankfurt am Main: Hain

С.М. Еникеева (Запорожье, Украина)

ФРАКТАЛЬНОСТЬ МИКРОСИСТЕМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (на материале английского языка)

Статья посвящена исследованию особенностей структурной организации и развития словообразовательной макросистемы английского языка как фрактального объекта. Использование теории фракталов позволило идентифицировать словообразовательные ряды, цепи и гнёзда как микрофракталы разных типов и выявить механизмы их саморегуляции и самоорганизации.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательный ряд, словообразовательное гнездо, фрактальность, фрактальный объект, микрофрактал, макрофрактал, дериват

Новым подходом к осмыслению когерентности словообразовательной макросистемы может стать использование в исследовании её структурной организации принципов фрактальной геометрии. Основателем теории фракталов по праву считают франко-американского математика Б. Мандельброта, определившего, что процессы, порождающие разнообразные природные структуры, происходят по принципам фрактального самоподобия. Теория фракталов, целью которой является исследование топологических параметров сложных открытых неравновесных систем, рассматривается учеными как составляющая синергетической научной парадигмы.

Научное описание любого объекта, как известно, предполагает применение целого семейства научных парадигм, поскольку лишь комплексное использование разных подходов даёт возможность полнее исследовать его. Применение идей фрактальной геометрии в исследовании языка позволяет по-новому взглянуть на принципы организации, функционирования и развития языковой системы. Как справедливо отмечают ученые, «фрактальность представляет собой фундаментальную сущность аналогично таким фундаментальным сущностям, как пространство, время, стохастичность», поэтому «привлечение фрактальной геометрии с учётом её дробной (фрактальной) размерности позволяет осмыслить более “тонкие” топологические свойства познаваемых объектов» [Богатых 2007: 27–28].

Исследование особенностей структурной организации языковой системы путём применения идей фрактальности позволяет

установить принципы её самоорганизации и самодостраивания. Новизна похода, отсутствие научных разработок, связанных с использованием идей фрактальности в изучении языковых явлений, обуславливают актуальность данной темы.

В статье мы ставим целью путём экстраполяции параметров фрактальности на исследование принципов структурной организации словообразовательной системы выявить механизмы её эволюции на микро- и макроуровнях. Рассматривая словообразовательные ряды и типы, словообразовательные цепочки и гнёзда, представляющие собой микросистемы словообразования, мы намерены доказать, что несмотря на свою автономность, они тесно взаимодействуют между собой, образуя мультимасштабную макросистему фрактального характера.

Фракталами, или фрактальными объектами называют «объекты, которые обладают свойствами самоподобия, или масштабной инвариантности, то есть такие, некоторые фрагменты структуры которых строго повторяются через определённые пространственные промежутки» [Князева 2007: 240]. Процессы, отражающие фрактальное самоподобие, основаны на принципах обратной связи, когда «результат одной итерации является начальным значением следующей» [Богатых 2007: 28]. Под итерацией следует понимать акт порождения «производной» микросистемы структурно подобной «исходной» и макросистеме в целом.

В отличие от традиционных объектов евклидовой геометрии (точки, линии, плоскости) формы фракталов как особенных геометрических множеств характеризуются мультимасштабностью, самоподобием на микро- и макроуровнях, автопоэзом. Фрактальность является характерным признаком сложных (иерархично устроенных) систем, которая позволяет им эволюционировать путём «самодостраивания», порождения микроуровневых единиц, подобных существующим. Наблюдение за разными объектами неживой и живой природы дало основание для умозаключений о фрактальной природе бытия.

Руководствуясь тезисом о том, что фракталами являются структуры самоподобные на разных уровнях их организации, можно утверждать, что фрактальность является проявлением изоморфизма форм и структур системных объектов. Результат систематизации производных лексем по признаку общности словообразовательного форманта и механизма вербокреации на словообразовательные

ряды и типы, а по общности производящей основы для всех последовательных деривационных шагов – на словообразовательные цепочки и гнёзда, свидетельствует об изоморфизме структур этих комплексных единиц, а это, в свою очередь, даёт основание для выдвижения гипотезы об их фрактальной размерности.

Как отмечал Д.И. Трубецков, «фракталами являются структуры, состоящие из частей, определённым образом подобных целому» [Трубецков 2004: 140]. На наш взгляд, иерархические отношения между структурными элементами словообразовательной системы, представляющие собой «физическое воплощение их организации» [Капра 2003: 115], с точки зрения фрактальной геометрии являются процессами, отражающими фрактальное самоподобие, основным принципом которого, как мы уже отмечали, является переход результата одной итерации в начало следующей. Итак, с точки зрения фрактальной геометрии вся система словообразования может быть представлена как огромный «макрофрактал», структурно подобный «микрофракталам» – комплексным микросистемам словообразования (словообразовательным моделям, словообразовательным рядам, словообразовательным цепочкам, словообразовательным гнёздам и аллигатурам).

Микрофракталы словообразования представляют собой относительно автономные стереоскопические микросистемы, изоморфные по принципам построения каждого типа словообразовательных микросистем. Последние отличаются друг от друга степенью сложности, динамикой развития. Так, словообразовательные модели, как схематические образы определённых вербокреативных шагов, являются простейшими фракталами, пребывающими в «однородном состоянии равновесия» [Богатых 2007: 29], и аттрактором для них служат новые структурно однотипные дериваты, создающиеся по заданому образцу.

Например, модели $N + dom \rightarrow Abstract\ N$ и $N + free \rightarrow Adj$ представляют собой схемы, по которым формируются простейшие линейные микрофракталы, аттракторами которых являются производные лексем-неологизмы $broker + dom \rightarrow brokerdom$, $celebrity + dom \rightarrow celebritydom$, $computer + dom \rightarrow computerdom$, $yuppie + dom \rightarrow yuppiedom$, $duty + free \rightarrow duty-free$, $oil + free \rightarrow oil-free$, $patent + free \rightarrow patent-free$, $passport + free \rightarrow passport-free$, $risk+free \rightarrow risk-free$, $scandal + free \rightarrow scandal-free$, $tax + free \rightarrow tax-free$, $visa + free \rightarrow visa-free$.

Более сложными по уровню организации микрофракталами являются словообразовательные ряды, характеризующиеся «тождественностью последнего деривационного шага производных слов, тождественностью категориального значения словообразовательного форманта и общим словообразовательным значением» [Шепель 2009: 7]. Сложность каждого словообразовательного ряда измеряется количеством словообразовательных структур, входящих в его состав. Поскольку количество производных лексем, образующих словообразовательные ряды, может быть разным, они могут дифференцироваться по степени сложности структуры. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что длина словообразовательного ряда зависит от «возраста» словообразовательного форманта, от его продуктивности, от наличия/отсутствия других аффиксов с синонимичным значением и т.д.

Характеризуя структуры словообразовательных рядов, Г.В. Аликаева отмечает, что они «относятся к классу многосвязных, они не удовлетворяют определению иерархии, в них нельзя выделить какой-либо центр (аналогичный вершине словообразовательного гнезда), каждый элемент непосредственно соединяется с любым другим через аффикс» [Аликаева 1995: 58]. Элементы словообразовательного ряда (дериваты, созданные с помощью определенного форманта) не связаны отношениями последовательной производности. Между ними существует определённая зависимость, выражающаяся в общности деривационно-категориальной принадлежности – по словообразовательному и грамматическому значениям словообразовательного форманта.

Микрофракталы словообразовательных рядов по своему строению напоминают зрелый цветок одуванчика, в центре которого расположен словообразовательный формант (в виде головки), к которому присоединены многочисленные дериваты – плодолосточка. На рисунке 1 нами представлена модель словообразовательного ряда, объединяющего производные, созданные при помощи словообразовательного суффикса *-ize* (графический вариант *-ise*). Многочисленные глагольные лексемы, объединённые общностью суффикса, образуют микрофрактал словообразовательного ряда. Среди дериватов мы посчитали нужным выделить неологизмы, пополнившие словарный состав английского языка на рубеже столетий.

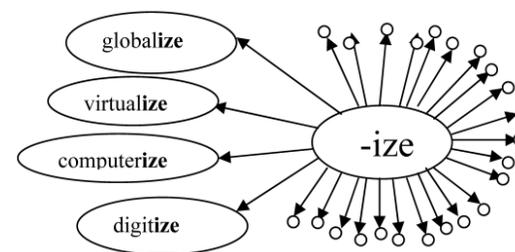

Рис. 1

В процессе вербокреации происходит не только пополнение существующих словообразовательных рядов, но и образование новых. Рассматривая микрофракталы данного типа, следует обратить внимание на механизмы их формирования. Среди словообразовательных рядов английского языка, появившихся в последнее время, можно выделить микросистемы, объединяющие дериваты, созданные с помощью новых словообразовательных формантов, таких, например, как: *-abilia*, *-aholic*, *-(a)thon*, *-cracy*, *-crat*, *-erati*, *-gate*, *-nomics*, *-preneur*, *-tainment*, *-zine*. Огромную роль в формировании ряда подобных по своему словообразовательному значению дериватов играет словообразование по аналогии к конкретному слову.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, в ходе словообразования по аналогии происходит своеобразное моделирование: воспроизводится модель слова-образца, его морфологическая структура, только заполняется она новым лексическим материалом путём замены одного из компонентов [Кубрякова 1981: 26]. Так, по аналогии со словом *thirty-something* – названием телесериала о жизни тридцатилетних американцев – была создана целая серия неологизмов *twenty-something*, *forty-something*, *fifty-something*, *sixty-something*, в которых элемент *-something* фактически выполняет функцию суффикса и имеет значение «с чем-то (относительно возраста)». Дериваты, в состав которых входит данный формант, образуют словообразовательный ряд.

Часто морфологическое членение слов (особенно заимствованных из других языков) происходит произвольно, в результате чего выделяются так называемые «ложные морфемы», которые впоследствии, принимая участие в создании целых серий одно-

типных дериватов (фактически словообразовательных рядов), могут превратиться в словообразовательные форманты.

Именно так путём деления слова *Watergate* – названия отеля в Вашингтоне, ставшего символом политического скандала, повлекшего отставку президента Р. Никсона, – на ложные морфемы и создания по аналогии с ним структурно подобных лексем *Billygate, contragate, debategate, Iraqgate, Irangate, Monicagate, Muldergate, oilgate, Reagangate*, был выделен словообразовательный элемент *-gate*, имеющий значение «политический скандал». Неологизмы, созданные в последнее время, могут обозначать любой скандал: *donorgate, filegate, hackergate, pardongate, skategate, steelgate, shuttlegate, travelgate, weapongate, yuppiegate*.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что по аналогии с конкретным словом, как правило, создаются не отдельные слова, а целые ряды структурно подобных лексем. В случае узуализации таких лексических инноваций в сознании носителей языка формируется и закрепляется абстрактная «формула» вербокреации – словообразовательная модель, а совокупность лексем, созданных с помощью нового словообразовательного форманта, образует словообразовательный ряд.

Что касается словообразовательных гнёзд, то они могут отличаться не только количеством производных лексем, формирующих эти микросистемы, но и «рисунком» векторов производности дериватов, степенью сложности иерархических отношений между производными единицами. Если продолжить проведение «ботанической» аналогии, то строение словообразовательных гнёзд можно сравнить с соцветием сирени, имеющим общую почковую основу (ядро словообразовательного гнезда) и определённое количество веточек с цветами (деривационные ветви, объединяющие классы производных лексем, иерархично упорядоченные по принципу последовательности вербокреативных шагов).

Изучение типологии фракталов дало нам возможность установить их корреляцию с типологией микросистем словообразования. Так, словообразовательные модели и словообразовательные цепочки можно рассматривать как относительно простые линейные фракталы, для которых характерна ограниченная по сравнению со сложными фракталами динамичность, незначительные бифуркации и «периодический» аттрактор. Например, словообразовательная пара *fragile* → *fragility*, или словообра-

зовательная цепочка *glamour* → *glamorous* → *glamourously* по своим формальным признакам относятся к простым фракталам, поскольку векторы деривации у них имеют линейный характер, спектр деривационных шагов в точках бифуркации является незначительным, поскольку его ограничивает детерминированная комбинаторность производящей основы со словообразовательными аффиксами, аттрактор, ввиду линейности деривационных шагов, является прогнозируемым.

Однако открытость этих словообразовательных микросистем обуславливает их потенциальную способность к перерождению в более сложные структуры – словообразовательные гнёзда, которые соотносятся со сложными неравновесными нелинейными фракталами. Любая лексема, входящая в состав словообразовательной цепочки, может стать основой для формирования нового деривата, присоединение которого вызывает разрушение несложной линейной структуры цепочки и превращает её в словообразовательное гнездо.

Чем сложнее структура словообразовательного гнезда, тем более неравновесной она является. В отличие от словообразовательной цепочки словообразовательное гнездо характеризуется иерархичностью структурной организации, большей степенью открытости и неравновесности, разнообразием аттракторов, на которые может выйти система вследствие микроуровневых энтропий (т.е. создания новых дериватов).

На рисунке (см. рис. 2) представлена модель словообразовательного гнезда, вершиной которого является существительное *material*.

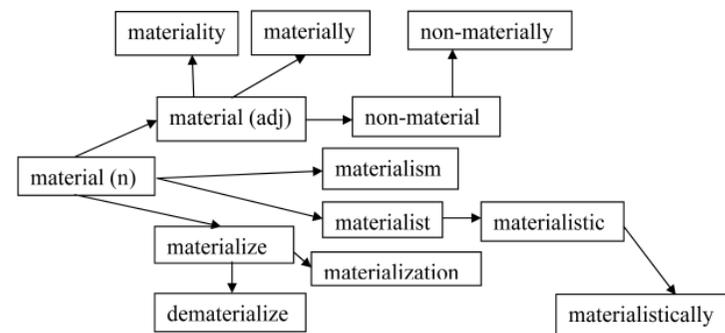

Рис. 2

Словообразовательные гнёзда представляют собой фракталы иного типа. Для них характерен переход от упорядоченного хода процессов в, так называемый, «фрактальный хаос» [Богатых 2007: 29], выходом из которого является фрактальный аттрактор – относительно устойчивая структура в открытой нелинейной среде, на которую «выходят процессы эволюции в этих средах в результате затухания промежуточных, переходных процессов» [Князева 2007: 237]. Именно фрактальный аттрактор, по мнению Б.А. Богатых, объединяет множество формирующих его элементов в единый паттерн деятельности” [Богатых 2007: 34].

Каждый элемент такой микросистемы, с одной стороны, стремится к сохранению уже существующих системных связей, образующих структуру словообразовательного гнезда, а с другой, – имеет потенциальную возможность к созданию новых дериватов (вызывающих девиации и флуктуации в пределах «гнезда-фрактала»), которые могут привести к разрушению существующей структуры и «перерождению» всего микрофрактала. Именно таким путём фракталы эволюционируют, с одной стороны, сохраняя свою устойчивость, а с другой, – изменяясь на уровне конститутивных элементов. Такое состояние микросистемы в синергетике называют гомеостазом.

Следует отметить, что характерной особенностью фракталов является автопоэз – способность саморазвиваться и самодостраиваться. Благодаря автопоэзу, микросистемы словообразования, не сливаясь с другими языковыми подсистемами, остаются оперативно закрытыми – ориентированными на себя, но открытыми для обмена. Каждый элемент такой микросистемы, как мы уже отмечали, имеет потенциальную способность порождать новые единицы, таким образом достраивая и развивая её.

Кроме того, каждый элемент микросистемы может, в определённых условиях, отделившись от микросистемы, сформировать новую. В биологии такое явление порождения новых подобных систем из сегментов (меристем) уже существующих изучалось давно, а в последнее время в связи с развитием генной инженерии обрело особенную актуальность. На наш взгляд, подобно живым тканям, которые после отделения от донорского объекта и создания определённых условий способны возрождаться в новом, подобном исходному объекту, виде, словообразовательные микросистемы также могут путём отделения своих

«меристем» служить источником для создания подобных себе микросистем.

На наш взгляд, примерами таких «меристем» в словообразовании могут служить новые словообразовательные элементы – аффиксоиды, которые формируются путём формантизации компонентов композитов или фрагментов телескопизмов. Принимая участие в создании новых дериватов, они образуют новые словообразовательные ряды и одновременно «достраивают» существующие словообразовательные гнёзда.

Новые словообразовательные элементы, созданные путём аффиксализации компонентов композитов, такие, например, как *-abuse*, *-driven*, *-free*, *-friendly*, *-head*, *-intensive*, *-junkie*, *-line*, *-near*, *-person*, *-savvy*, *-speak*, *-watch*, *-watcher*, подобно меристемам, образуют множество однотипных дериватов, с одной стороны, порождают микрофракталы словообразовательных рядов, а с другой, – развивают микрофракталы словообразовательных гнёзд. Не уступают им в продуктивности и новые аффиксоиды-меристемы, созданные в результате формантизации фрагментов лексем, например: *-(a)thon*, *-aholic*, *-cracy*, *-crat*, *-cred*, *-erati*, *-gate*, *-itis*, *-nomics*, *-zine*.

Объекты с фрактальным типом организации способны развиваться не только путём усложнения своих структур, но и в результате отделения меристем, которые могут стать основой для формирования новых, подобных существующим микросистем. Нельзя не согласиться с Ю.А. Даниловым, считавшим, что при фрактальном подходе хаос перестаёт быть синонимом беспорядка и находит тонкую структуру [Данилов 2007]. Макрофракталы развиваются путём усложнения существующих и «порождения» новых, структурно подобных микрофракталов.

Как уже отмечалось, фракталами считаются структуры, состоящие из частей, определённым образом подобных целому. Микросистемы (микрофракталы) каждого типа, хотя и являются относительно автономными, существуют не изолировано, а в тесном взаимодействии друг с другом. На вопрос о том, какими являются принципы организации «целого» (в нашем случае макросистемы словообразования), в чем состоит инвариантность его структуры и структур микрофракталов, из которых он состоит (микросистем словообразования), на наш взгляд, даёт Г.В. Аликаева, справедливо отмечая, что «единство словообразовательной

системы создаётся взаимодействием гнёзд и рядов, они как бы пронизывают друг друга. Ряды составляют скелет, каркас, на который нанизаны гнёзда» [Аликаева 1995: 62]. Соединяющими звеньями словообразовательных гнёзд и рядов при этом выступают дериваты, одновременно входящие как в состав первых, так и в состав вторых.

Например, неологизм *presenteeism* – «ситуация, когда работники каждый день ходят на работу, но не работают» – одновременно входит в состав словообразовательного ряда лексем, созданных с помощью суффикса *-ism*, и словообразовательного гнезда, ядром которого является производящая основа *present*, а слово *megabank* – «финансовый гигант, сверхогромный банк» – одновременно является единицей словообразовательного ряда, объединяющего дериваты, созданные при участии префиксоида *mega-* и конститuentом словообразовательного гнезда с вершиной *bank*.

Принципы структуризации словообразовательного макрофрактала, на наш взгляд, также коррелируют с рассмотренной нами выше теорией аллигатур [Аликаева 1999: 35–40]. Согласно этой теории словообразовательные гнёзда способны объединяться в аллигатуры путём создания композитов, в состав которых входят дериваты разных гнёзд (рис. 3), а ряды формируют аллигатуры путём создания аффиксально-префиксальных дериватов, таким образом однопорядковые микрофракталы взаимодействуют между собой, создавая комплексные фрактальные структуры (рис. 4).

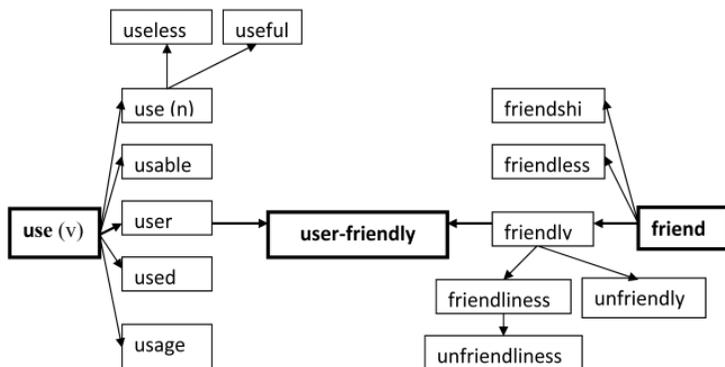

Рис. 3

Рис. 4

Итак, микросистемы словообразования, которые в терминах фрактальной геометрии определяются нами как микрофракталы, образуют целостность словообразовательной макросистемы, с одной стороны, путём формирования иерархичных и поликонтактных аллигатур однопорядковых словообразовательных микросистем, а с другой, – путём взаимодействия рядов и гнёзд между собой. Части, сливаясь в единое целое, взаимопроникают друг в друга через общие дериваты.

Таким образом, словообразование, как синергетическая макросистема, представляет собой сложный стереоскопический объект фрактальной природы, развитие которой осуществляется путём усложнения существующих и порождения новых, типологически подобных микрофракталов.

* * *

АЛИКАЕВА Г.В., 1995. Словообразовательное гнездо и словообразовательный ряд в терминах теории систем // Филологические науки №1. – С. 55–63.

АЛИКАЕВА Г.В., 1999. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнёзд и словообразовательных рядов // Филологические науки № 1. – С. 35–40.

БОГАТЫХ Б.А. 2007. Фрактальная природа постнеклассического познания // Философские науки № 6. – С. 27–40.

ДАНИЛОВ Ю.А. Красота фракталов // Стратегия свободы. // URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_317.htm

КАПРА Ф., 2003. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. В.Г. Трилиса. – К.: София; М.

КНЯЗЕВА Е.Н., КУРДЮМОВ С.П., 2007. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.

КУБРЯКОВА Е.С., 1981. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.

ТРУБЕЦКОВ Д.И. 2004. Введение в синергетику. Хаос и структуры // Синергетика: от прошлого к будущему. Предисл. Г.Г. Малинецкого. Изд. 2-е. испр. и доп. М.

ШЕПЕЛЬ Ю.О. 2009. Словотвірний ряд у системній організації російської ад'єктивної лексики: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук: спец. 10.02.02 "Російська мова"/ Юрій Олександрович Шепель; Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. Київ.

Т.С. Нифанова (Северодвинск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ДЕНОТАТИВНО СВЯЗАННЫХ ЕДИНИЦ

В статье обосновывается возможность и необходимость сопоставительного подхода к анализу способов выражения субъектно-объектных отношений, фиксируемых в значении денотативно связанных лексических единиц английского, французского и русского языков.

Ключевые слова: *семантическая общность, семантическое сходство, семантические различия*

В философской и психологической литературе восприятие человеком мира трактуется как активная деятельность субъекта по отражению объективной действительности [Новая философская энциклопедия 2001: 589–591, Психология: словарь 1990: 368]. Человек может познавать окружающий мир, лишь предварительно выделив себя из этого мира, опираясь на противопоставление Я всему, что не есть Я и при этом обязательно исходя из признания существования как самого себя, так и мира, из которого он себя выделяет и частью которого он себя представляет [Гуревич 1998: 27].

Окружающий мир может быть описан человеком на нескольких уровнях, включая и языковой уровень [Рузин 1994: 79]. Для описания мира на языковом уровне необходимо определить следующее: а) что из воспринимаемого мира может выражаться в языке, и каким закономерностям это выражение подчиняется; б) с какими аспектами действительности отождествляет себя носитель того или иного языка; в) каким предметным содержанием наполнено его представление о собственном Я; г) какое пространство человеком рассматривается как внешнее выражение собственного Я; д) какие зоны выделяются как внеположенные субъекту [Берестнев 2001: 60].

Сущность чувственного отражения объективной действительности в языке, механизмы преобразования перцептивных категорий в семантические структуры, закономерности использования лексического материала в зависимости от характера получаемой

информации, особенности отражения перцептивно-когнитивных образов в лексико-семантической системе языка систематическому изучению не подвергались. Тем не менее, плодотворные попытки решить некоторые частные вопросы глобальной проблемы языковой опосредованности восприятия мира человеком осуществлялись как на материале одного языка (Ж.В. Лечицкая, С.В. Воронин, Г.Н. Скобелева др.), так и на материале нескольких языков (В. Berlin, Р. Kay, А.В. Куценко, В.М. Топорова 2000 и др.).

На наш взгляд, особого внимания в этом контексте заслуживает подход Т.В. Симашко, показавшей, что в значении денотативно связанных лексических единиц национального русского языка характер вхождения субъекта в мир воплощается в определенной совокупности признаков. Среди них следующие: а) признаки, представленные как результат наблюдений субъекта над физическими свойствами объектов; б) признаки, раскрывающие установленные субъектом связи между отдельными объектами или отдельными обстоятельствами существования и функционирования природных явлений; в) признаки, зафиксированные как результат испытываемых субъектом на себе воздействий со стороны объекта; г) оценка свойств объекта и проявление к нему эмоций со стороны субъекта [Симашко 1998: 204]. Полученные Т.В. Симашко результаты подтверждают гипотезу, высказываемую, например, Г.И. Рузиным, о наличии внутренней логики языка, которая детерминирует выбор тех или иных способов вербализации объективной реальности [Рузин 1994: 100].

На наш взгляд, денотативный подход может оказаться продуктивным и в сопоставительно-семасиологических исследованиях. Мы исходим из того, что восприятие действительности коллективным субъектом не есть ее зеркальное отражение, оно преломляется через некие структуры знаний. Восприятие и осознание коллективным субъектом мира является производным от культурно-исторического бытия этноса. В лингвистике тезис о различной интерпретации объектов действительности в языковом сознании представителей разных лингвокультур, как кажется, не оспаривается никем. «Опосредованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений» [Леонтьев 1965: 15] фиксируется в значении слов. Человеческое восприятие и осознание мира

вооружены и одновременно ограничены конкретно исторической системой значений, которая несет в себе совокупный общественный опыт и которая присуща той или иной культуре [Петренко 1997: 28]. Сходства и различия в системах лексических значений обусловлены особенностями национального быта и менталитета, своеобразием природной среды и, как следствие, определенным выбором носителями того или иного языка точек референции. Межъязыковые сопоставления в контексте концепции денотативных классов позволяют обнаружить, какие фрагменты чувственно воспринимаемого мира могут выражаться в определенном языке и с помощью каких лексических ресурсов, вскрыть избирательность языков при трансляции физических параметров объектов и их эмоционально-оценочную нюансировку, выявить совокупность свойств тех отрезков реальности, к которым проявляют преимущественный перцептивный интерес носители сопоставляемых лингвокультур.

К физическим параметрам объектов, воспринимаемых человеком и имеющим для него первостепенное значение, относят цвет. Цветовосприятие и цветопредставление охватывают все основные области жизнедеятельности человека; в психике рядового носителя языка существует даже наивная картина цвета [Постовалова 1988: 32]. В традиционной сопоставительной лингвистике цветообозначения изучаются в основном с точки зрения установления семантико-стилистических и словообразовательных характеристик цветообозначений разных языков (В.А. Юрик, Г.С. Свешникова, К.И. Федорова и др.). С формированием когнитологии интерес языковедов к этому вопросу только возрос (Ю.Д. Апресян, Р.М. Фрумкина, Е.Н. Rosch, А. Wierzbicka, К. Gadanyi, L. Mojszejnko, V. Mojszejnko и др.). Лейтмотивом всех работ является утверждение о том, что колористический язык отражает цветовые традиции определенной культуры, формирующейся в некоторых исторических и географических условиях.

Реализуемый нами подход к сопоставительно-семасиологическим исследованиям [Нифанова 2004] в контексте концепции денотативного класса [Симашко 1998] позволяет установить, что семантическая общность лексики английского, французского и русского [Симашко 1998: 216] языков, входящей в денотативный класс *облака*, проявляется в использовании белого и черного цветов при описании облаков. Например: *anvil clouds* – ‘large white

clouds shaped somewhat like a blacksmith's anvil which were said to foretell rain' (Major, 3), *château – 'nuages blancs qui montent en tas et semblent empilés les uns sur les autres'* (Dondaine, 6)

Вместе с тем, имеют место и манифестации семантической избирательности названных языков. В английском языке, кроме белого и черного, при описании облаков используются темно-серый, серый и голубоватый цвета. Например: *nimbus – 'technical. A dark gray rain cloud'* (MM, 958), *altostratus – 'a formation of gray or bluish sheetlike clouds, like the cirro-stratus but lower and heavier'* (W, 44). В русском языке с облаками связываются также белесоватый, серый, темно-синий и темно-бурый цвета [Симашко 1998: 217]. Во французском языке облачный спектр наиболее богат и в дополнение к белому и черному включает черно-белый, серый, серо-белый, красный, рыжий, желтый и желтовато-белый как сметана цвета. Например: *moret – 'nuée noire, menaçante', 'nuées de grêle ce sont des blanches grises nuées', 'nuées jaunes sont mauvais et annonceurs de grêle', 'les rousses sont méchantes et amènent la grêle'* (Haust, 80).

Таким образом, сопоставление денотативно связанных единиц разных языков позволяет выявить признаки, представленные как результат наблюдений субъекта над физическими свойствами объектов, и установить, с помощью каких лексико-семантических ресурсов они выражаются в каждом из рассматриваемых языков.

* * *

БЕРЕСТНЕВ Г.И., 2001. Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания. № 1. – С. 60–84.

ГУРЕВИЧ А.Я., 1998. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. № 1. – С. 27–35.

ЛЕОНТЬЕВ А.Н., 1965. Слово в речевой деятельности. М.

НИФАНОВА Т.С., 2004. Сопоставительное описание семантических единиц разных языков. Архангельск.

ПЕТРЕНКО В.Ф., 1997. Основы психосемантики. М.

ПОСТОВАЛОВА В.И., 1988. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М.

РУЗИН И.Г., 1994. Когнитивные стратегии именованности: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их

выражение в языке // Вопросы языкознания. № 6. – С. 79 – 100.

СИМАШКО Т.В., 1998. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. Архангельск.

DONDAINE C., 1972. Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté. Vol. 1. Paris (в тексте – Dondaine).

HAUST J., 1955. Atlas linguistique de la Wallonie. Vol. 3. Liège (в тексте – Haust).

Источники и принятые сокращения:

НОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2001. М.

ПСИХОЛОГИЯ: СЛОВАРЬ, 1990. М.

MM, 2002. – MACMILLAN ENGLISH DICTIONARY FOR ADVANCED LEARNER. Oxford.

M, 1981. – MAJOR A., A new dictionary of Kent dialect. Meresborough Book.

W, 1964. – WEBSTER'S NEW WORLD DICTIONARY. Cleveland and New York.

Н.А. Пузанова (Санкт-Петербург, Россия)

РАЗВИТИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА И ФИГУРА НАБЛЮДАТЕЛЯ

Синонимия, являясь конститутивным свойством языка, связана с познанием и обозначением важных для человека областей мироздания. Появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается потребностями говорящего. Таким образом, существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивированно и обусловлено интерпретацией Наблюдателя.

Ключевые слова: наблюдатель, когнитивное взаимодействие, картина мира, концептуальная система, синонимия

В центре внимания лингвистов когнитивного направления находятся ментальные процессы человека. «Содержанием сознания является концептуальная система человека, осознаваемая в своей важнейшей части, вербализованной в виде системы знаков» [Кубрякова 2004: 9].

Синонимия, являясь конститутивным свойством языка, несомненно, связана с познанием и обозначением важных для человека областей мироздания. В явлении синонимии М.В. Никитин видит доказательство того факта, что словарный состав языка – это не хорошо упорядоченная система, а «конгломерат единиц, которые память свела вместе из разнообразных источников и которые вовлекаются в соотношение и функции системы по мере необходимости» [Никитин 1996: 97]. Другими словами, появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается не внутрilingвистическими факторами, а потребностями говорящего. Таким образом, существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивированно.

Целью нашей статьи является рассмотрение становления и развития некоторых глаголов синонимического ряда, выражающего процессы говорения. Ведущим фактором их закрепления, по нашему мнению, является намерение говорящего или Наблюдателя использовать именно данные глаголы в коммуникации. Каждый человек стремится создать простую и ясную картину мира. На эту картину мира и ее оформление человек переносит центр тяжести своей жизни, чтобы в ней обрести покой и уверен-

ность. Следовательно, любое знание о мире относительно. Эту идею поддерживают современные авторы биологической теории познания У. Матурана и Ф. Варела. Они говорят о том, что это относительное знание опосредовано человеческой природой или (если использовать терминологию вышеупомянутых авторов) структурой человека как живого организма, его внутренней динамикой и характером его взаимодействий с внешним миром. Важной представляется мысль У. Матураны и Ф. Варелы о том, что мир человека есть «с необходимостью» мир, который он создает сам вместе с другими [Матурана 1995: 116].

Таким образом, концептуальная картина мира – это образ или глобальная репрезентация мира, творимого человеком в процессе его взаимодействия с окружающей средой и другими людьми и являющегося для него реальным. Каждый отдельный человек существует лишь постольку, поскольку он осознает себя как сущность в языке. «Только потому, что мы существуем как осознающие себя сущности и существует область физического существования как ниша, ограничивающая когнитивную область в конечном объяснении того, что представляет жизнь человека-наблюдателя как феномена. На самом деле понимание онтологической первичности наблюдения играет решающую роль в понимании феномена познания» [Матурана 1995: 115]. Наблюдатель как перцептивный субъект давно и активно привлекается в языкознании в качестве аналитического инструмента [Верхотурова 2006: 7]. Наше понимание Наблюдателя обусловлено той ролью, которую ему приписывает биокогнитивная теория языка и познания [Матурана 1978; Кравченко 2001]. Наблюдатель – это субъект широкого и универсального статуса – перцептивно-когнитивного. Такой субъект способен охватить восприятие высшего когнитивного порядка, включающего в себя оценочные и аффективные уровни (аспекты) категоризации [Верхотурова 2006: 8]. Каждый отдельный Наблюдатель существует в своем феноменологическом мире, порождаемым областью когнитивных взаимодействий (в том числе и языковых), или консенсуальной областью, представляющей собой наложение или пересечение ниш отдельных наблюдателей. Именно поэтому для всего множества наблюдателей, говорящих на одном языке их внешний мир, является единым для всех миром, то есть тем, что принято называть «объективной» реальностью. Наше восприятие этого внеш-

него, «объективного» мира есть результат структурных изменений, вызванных определенными языковыми взаимодействиями. В данном случае можно говорить о процессе с круговой организацией, участники которого связаны сложной динамикой взаимной каузации. Этот процесс, направленный на поддержание равновесного содержания системы организм-среда и есть познание [Кравченко 2001: 12]. Согласно Матуране, познание не является средством приобретения знания об объективной действительности, оно служит активному организму в его приспособлении к опытному миру. [Матурана 1995: 26].

С точки зрения биологической концепции языка, его фундаментальной функцией является расширение когнитивной области или области взаимодействий человека. Эта область взаимодействий выходит за рамки физического контакта, обеспечивая возможность взаимодействия с чистыми отношениями. Подобные нефизические взаимодействия составляют основу коммуникации или ориентирующего поведения внутри консенсуальной области человека [Матурана 1995]. Таким образом, основной функцией любого вида деятельности, в том числе и языкового, является повышение эффективности адаптации индивида к опытному миру для поддержания его жизнеспособности.

Субъект, оперирующий языковыми репрезентациями, приспособляясь к среде, может по-разному описывать одно и то же явление, что обусловлено его опытом, а также различными условиями и возможностями его взаимодействиями со средой. Со временем, благодаря влиянию целого ряда факторов постоянно меняющейся окружающей среды, накоплению опыта взаимодействия с ней, концептуальная система человека меняется, актуализируются новые ранее неизвестные участки концептов, объективируемые посредством разнообразных лексических средств развивающихся синонимических рядов. Данный процесс становления также возможен как следствие различных способов адаптации к изменению среды.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых форм предполагает такое их описание, которое учитывает как формирование когнитивных структур, лежащих в основании семантики языковых форм, так и учет причин выбора языковой формы в конкретных коммуникативных целях; именно «на перекрестке когниции и коммуникации» происходит адекватное описание

языкового явления [Жубрякова 2004: 28]. В коммуникации выделяются два основных аспекта. Первый аспект – это внутренний аспект взаимодействия когнитивных систем коммуникантов, событие на уровне деятельности сознаний языковых личностей в процессе речевого взаимодействия [Архипов 2006]. Вторым аспект – это внешний поведенческий аспект (конкретных наблюдаемых особенностей) порождения и восприятия речи. Таким образом, коммуникативное взаимодействие с одной стороны, целиком пронизано значением. С другой стороны, оно вызывает «к восприятию, то есть к Наблюдателю» [Верхотурова 2006: 13].

Глаголы, описывающие ситуацию общения, насчитывают сотни единиц. Данные лексемы обозначают различные аспекты коммуникации – произнесения, означивания, выражения. Ядерным или прототипическим глаголом, представляющим все коммуникативное поле говорения, является глагол *to say*. Он объединяет, по мнению многих лингвистов, широкий спектр концептуальных аспектов коммуникации. Соответственно, все глаголы данного синонимического ряда (*to say, to speak, to tell*) акцентируют различные аспекты концепта «говорения». Артикуляционно-акустический аспект говорения имеет различные характеристики – параметры громкости, темы, интонацию, сам звук голоса говорящего и речевую манеру. Многие глаголы речи имеют интерпретативный компонент, который свидетельствует о том, что в концептуализации речевого акта содержится оценочный компонент. Этот компонент свидетельствует о наличии интерпретатора, который не является субъектом описываемого речевого акта и часто выступает в роли Наблюдателя.

Следует отметить, что для когнитивной лингвистики характерным является принципиальный характер неразличения законов исторического развития языка и его синхронного устройства. Более того, «нет времени вне человека» [Матурана 1996: 120], а деление на фазы синхронии и диахронии является искусственным. Нельзя понять сути языка, не поняв исторических изменений. Становление синонимического ряда с доминантой *to say* происходило в диахронии на фоне конфликта омонимов. Так, в среднеанглийский период существовало четыре глагола-омонима слабого типа *menen*¹²³⁴: *Menen 1* – *to intend to convey a certain meaning* – «значить», *Menen 2* – *to tell, to declare* – «объявлять», *Menen 3* – *to complain* – «жаловаться», *Menen 4* – (a) *To direct*

(one's horse), guide – «направлять». Почти все значения *menen* 12 дублировались значениями других синонимов: слабым исконным глаголом *seien* «говорить» (17 значений) исконным глаголом *tellen* «рассказывать» – (16 значений), – сильным исконным глаголом *spreaken* «иметь возможность говорить, общаться», (13 значений). Уникальность омогруппы среднеанглийского периода *menen*¹²³⁴ заключается в том, что эти глаголы происходят от древнеанглийских глаголов-омонимов. Существование на протяжении столь длительного времени тождественных форм предопределило изменения, происшедшие в дальнейшем развитии этих глаголов.

Живые системы (в том числе Человек) – суть единства взаимодействий и существуют они в том или ином окружении. Тождественность формы приводит к определенному неудобству, в реальных речевых актах может возникнуть определенная сложность в понимании другого коммуниканта. Таким образом, у Наблюдателя был выбор – использовать форму *menen* для выражения понятия «говорить» или использовать глаголы *spreaken*, *tellen*, *saepen*, которые являются уникальным способом передачи процесса говорения, Форма слова, не несущая в себе никакого содержания, является максимально эффективным сигналом для коммуникантов и запускает в их сознании один и тот же механизм формирования системного значения, а также вывода актуального значения из него. Значение, которое хранятся у человека в сознании, характеризуют индивидуальную систему языка и носит название лексического прототипа. Он является первой осознаваемой реакцией на форму слова. Для любого Наблюдателя во время акта коммуникации легче, чтобы формы слов не были тождественны, так как, вероятно, в формах *menen*¹²³⁴ невозможно увидеть наличие общего прототипа, в то время как глаголы *seien*, *spreaken*, *tellen* имели специфичные формы выражения процессов говорения. Эти глаголы существовали на протяжении длительного времени, начиная с древнеанглийского периода.

Представляется, что именно коммуникант, или Наблюдатель, играет основную роль в выборе того или иного слова, а следовательно употребление глагола определяет его частотность и дальнейшее закрепление в языке. Так, глаголы имели чрезвычайно большое число значений, производные (*spreaker*, *spreaking*, *teller*, *telling*; *seieinge*). Кроме того, обозначая особые нюансы челове-

ской речи, каждый из этих трех глаголов имел свои собственные валентности, закрепившиеся еще в древнеанглийском периоде, а также образовывал определенный набор устойчивых словосочетаний и пословиц (*seien alas*, *seien chek*, *seien best*, *gon and speken*, *speken another lessoun*, *tellen word*, *tellen in tale*). Такая частотность глаголов говорит о предпочтении этих форм Наблюдателем. Глаголы *to say*, *to tell*, *to speak* являются специфическим способом процесса говорения, обозначая различные оттенки одного и того же понятия – способности человека говорить. Согласно концепции натурализации, слова рассматриваются как сущности, присущие человеческой деятельности. Ориентирующее поведение человека в режиме реального времени связывает вербальное поведение и социальный опыт.

Таким образом, становление синонимического ряда глаголов говорения *to speak*, *to say*, *to tell* было обусловлено интерпретацией Наблюдателя. Любая сущность, в том числе языковая, выявляется и категоризируется лишь в результате взаимодействия организма со средой. Следовательно, языковое значение является для Наблюдателя таким же компонентом среды (ниши), как и любая другая сущность, с которой организм может вступать во взаимодействие с целью адаптации к окружающему миру.

* * *

АРХИПОВ И. К., 2006. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1, М.

ВЕРХОТУРОВА Т. Л., 2006. Метакатегория «Наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*, Вып. 1, М.

КРАВЧЕНКО А. В., 2001. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск.

КУБРЯКОВА Е. С., 2004. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопросы когнитивной лингвистики*. № 1., Тамбов.

МАТУРАНА У., 1995. Биология познания // *Язык и интеллект*. М. – С. 95–142.

НИКИТИН М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ АНГЛИЙСКОГО ПРЕФИКСА

В статье рассматривается проблема значения префикса в английском языке в связи с противоречиями в существующих методиках выделения и описания этой морфемы. Обосновывается роль семантического критерия для установления префиксальной природы анализируемой морфемы.

Ключевые слова: морфема, префикс, корень, значение, слово

Вопрос о природе префикса как морфемы в английском языке представляет собой интересную лингвистическую проблему в связи с целым рядом противоречий в теоретической литературе и словарях по поводу отнесения тех или иных морфологических сегментов к префиксам. Префиксы являются аффиксальными морфемами и противопоставляются корням. Данное положение морфологии считается основополагающим и не вызывает каких-либо вопросов. Проблемы, впрочем, возникают по поводу отнесения тех или иных морфологических сегментов к сфере префиксов. В лексикологии и лексикографии существует давняя традиция относить к префиксам такие морфемы как *out-*; *up-*; *over-*; *step-*; *counter-*; *super-* и т.д. [Ginzburg, Khidekel 1966: 142; Bauer 1983: 124; Елисеева 2003: 52]. Таким образом, слова типа *upstart*, *step-father*, *counter-attraction*, *supernatural* по своему морфологическому составу трактуются как идентичные таким словам, как *enable*, *unkind*, *regead*. В данной статье мы рассмотрим целесообразность этой практики и ее влияние на системность наших представлений о морфологических единицах английского языка.

Традиционно корни рассматриваются как морфемы, обозначающие основное лексическое значение слова, в то время как аффиксы отличаются от корней тем, что «не несут самостоятельных лексических значений» [Маслов 1987: 134]. Толковые словари английского языка поддерживают установленную в лексикологической теоретической литературе практику выделения префиксальных морфем типа *out-*; *up-*; *over-*; *step-*; *counter-*; *super-*. Но уже при обращении к словарным материалам легко выявляются странные и противоречивые определения данных морфологических сегментов. Рассмотрим словарь *The Concise Oxford*

Dictionary of Current English издания 1990 года [*The Concise Oxford Dictionary 1990*].

В данном словаре интересно отметить тенденцию к противопоставлению ряда *out-*; *up-*; *over-...*, элементы которого однозначно представлены как префиксы с пометой *prefix*, ряду *step-*; *counter-*; *super-...*, которые обозначаются пометой *comb. form*. При этом, как элементы первого ряда, так и элементы второго ряда приводятся в словаре как отдельные статьи, следующие за словарными статьями полнозначных слов, обозначаемых теми же формальными сегментами (*out*, *up*, *over*, *step*, *counter*, *super*). Различие в трактовке морфологического статуса элементов ряда *out*, *up*, *over ...* и *step*, *counter*, *super ...* можно объяснить лишь интуитивным нежеланием лексикографов однозначно отнести ряд *step*, *counter*, *super ...* к префиксам. Очевидно, что авторы словаря чувствуют, что определение этих морфем как префиксов не соответствует их семантической роли в тех словах, в которые они входят. Здесь интересно обратить внимание на словесное оформление дефиниций этих морфем в тех случаях, когда они выступают в качестве основы полнозначного слова, то есть представлены как корни в словаре, и сравнить их с дефинициями сегментов, которые в словаре обозначены как *combining forms*, а в теоретической литературе трактуются как префиксы. В связи с ограниченностью объема статьи рассмотрим дефиниции слова *counter* из анализируемого ряда.

Словарь предлагает отдельную статью для *counter* – глагола, наречия, прилагательного и существительного, то есть, словарь отмечает широкую грамматическую омонимию корня *counter*. При этом, во всех дефинициях грамматических омонимов используются одни и те же слова: *counter* – verb: **oppose**, **contradict**; meet by **countermove**; make a **countermove**; make an **opposing** statement; *counter* – adverb: in the **opposite** direction; **contrary**; *counter* – adjective: **opposed**; **opposite**; *counter* – noun: **a countermove**; something **opposite or opposed**. Здесь сразу стоит отметить интересную закономерность, характерную для многих словарных дефиниций рассматриваемых в нашей статье морфологических элементов: в структуру дефиниции полнозначного слова (в данном случае глагола и существительного *counter*) включаются слова, содержащие этот же морфологический компонент, который в литературе широко признается как префикс

(в данном случае это слово *countermove*). В сущности, получается, что содержание слова и корневой морфемы определяется через префикс! Такая структура дефиниции никак не укладывается в основной принцип дифференциации корня и аффикса и выглядит парадоксальной, если продолжать рассматривать *counter* в образованиях типа *countermove* как префикс.

Рассмотрим теперь дефиницию *counter-* как *combining form* по морфологической классификации словаря. Здесь в дефинициях мы встречаем слова, связанные с *oppose* – словом, которое часто используется в дефинициях *counter* – полнозначного слова: *comb. form denoting: 1 retaliation, opposition, or rivalry (counter-threat; counter-cheers). 2 opposite direction (counter-current)..* В связи с подобной структурой дефиниции возникает вопрос о том, на каком основании один и тот же семантический признак, представляющий, очевидно, основу содержания рассматриваемой знаковой единицы, может трактоваться то как элемент корневого значения, то как элемент аффиксального значения. Ведь деление морфем на корни и аффиксы предполагает принципиальное различие в природе их значений. Выявленное противоречие легко установить при анализе любой из дефиниций ‘*combining forms*’, которые принято рассматривать как префиксы.

Теперь рассмотрим дефиниции одного из префиксов, омонимичных наречной основе, и дефиниции полнозначных слов, образованных на базе соответствующего наречного корня. Мы остановимся на корне *up* и префиксе *up-*, описываемых в двух различных словарных статьях в словаре *The Concise Oxford*. Определение *up-* префикса еще более парадоксальное, чем рассмотренные выше определения так называемой ‘*combining form*’: *up- prefix in senses of UP, added: 1 as an adverb to verbs and verbal derivations, = ‘upwards’ (upcurved; update). 2 as a preposition to nouns forming adverbs and adjectives (up-country; uphill). 3 as an adjective to nouns (upland; up-stroke).* В данной дефиниции содержится целый ряд противоречивых утверждений. Во-первых, и в данном случае, так же как и в случаях с т.н. *combining forms*, план содержания аффикса как языкового знака определяется через отсылку к полисемии и омонимии полнозначных слов (in senses of UP), что входит в очевидное противоречие с общим принципом разграничения корней и аффиксов в связи со спецификой их значений. Далее, приставка определяется последова-

тельно как наречие, предлог и прилагательное (as an adverb, as a preposition, as an adjective). Наконец, приводимые примеры образований сложно соотносить с описанными схемами морфологической структуры и, одновременно, распознать в этих примерах четкое разграничение по лексико-семантическим вариантам. Так, ряд *update – uphill – upland* очень сложно дифференцировать в соответствии с критериями, предлагаемыми словарной статьей. Статья трактует *update* как сочетание глагола с наречием. Если отвлечься от парадоксальности определения аффиксального значения через его связь с целью оформленным словом (префикс это наречие), то вызывает удивление трактовка мотивированности глагола *update* глаголом *date*. Необоснованность такой морфологической трактовки слова хорошо видна при наблюдении степени семантической близости образований, в которых *date* не является глаголом и в которых *date* выступает в качестве глагола, с глаголом *update*:

bring somebody up to date on something – update
dating somebody; this hat dates you – update.

Из сопоставления данных рядов легко увидеть, что семантическая структура *update* (как глагола, так и существительного) гораздо ближе по содержанию к словосочетаниям, в которых *up* и *date* используются дистантно как два полнозначных слова при том, что *date* вообще не является глаголом: Thank you for your update – thank you for bringing me up to date. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько в принципе ряд *update – uphill – upland* представляет семантически разнородные образования и насколько целесообразно их классифицировать с помощью определения составляющих эти слова морфем как частей речи. Очевидно, что в данных словах мы имеем дело с двумя корневыми морфемами. Корневой статус элементов, составляющих данные слова, ощущается авторами словаря, но интуитивное ощущение корневого значения вступает в противоречие со стремлением в соответствии с традицией описать сегмент *up-* как аффикс и приводит к созданию столь противоречивой и малоинформативной словарной статьи.

Для того чтобы еще более полно убедиться в том, что морфологическую структуру слов типа *update* нельзя трактовать как префиксально-корневую, достаточно соотносить характер взаимодействия безусловных префиксов с корнями в английских словах

с семантическим взаимодействием морфем в образованиях типа *update*.

Для уточнения принципов разграничения префикса и корня, рассмотрим такие образования как *enable*, *unkind* и *reread* и сопоставим результаты наблюдений с характером взаимодействия компонентов в словах типа *update* и *counterpoint*.

В рассматриваемом словаре *enable* определяется следующим образом: **1** *give (a person etc.) the means or authority to do something.* **2** *make possible.* **3** *esp. Computing make (a device) operational; switch on.* Соотнесем данную дефиницию с дефиницией прилагательного *able*: **1** *having the capacity or power (was not able to come).* **2** *having great ability; clever, skilful.* Мы видим, что основа дефиниций слов *enable* и *able* в принципе остается неизменной во всех предлагаемых словарем вариантах. Так, *the means or authority to do something; the capacity or power; operational; possible; great ability* обозначают сущностно одно и то же качество: способность совершить определенное действие. Различия, в основном, связаны с оформлением данного качества в виде динамического признака (глагола) в статье *enable* (*give the means; make*) или же в виде постоянного признака (прилагательного) (*having...*) в статье *able*. Следует отметить, что формула *having...* является типичной именно для дефиниций прилагательных в рассматриваемом словаре: *sweet – having the pleasant taste...; strong – having the power...; и т.д.* В результате мы можем сделать вывод о том, что в паре *able – enable* основное содержание обоих слов мотивировано одной и той же корневой морфемой, а сегмент *en-* обеспечивает оформление корневого значения в качестве глагола в слове *enable*. Соответственно, сегмент *en-* выполняет функцию словообразующего аффикса и должен быть отнесен к префиксам.

В данном случае роль двух морфем в оформлении цельноформированного слова принципиально отличается от уже рассмотренных выше слов *countermove* и *update*. Сегмент *en-* не может выступать сам в качестве корневой основы каких-либо слов в английском языке, и его роль в семантической структуре слова резко отличается от роли корня *able*. Подобного утверждения нельзя сделать по поводу единиц типа *counter-* или *up-*.

Если обратиться к парам *kind – unkind* или *read – reread*, то мы увидим ту же самую закономерность. Морфемы *un-* и *re-*

являются вне всякого сомнения префиксами в связи с тем, что их роль в формировании значения целостного слова принципиально иная, чем у сегментов *counter-* или *up-*. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить роль каждой из морфем в общей структуре значения слова в рядах *kind – unkind; safe – unsafe; read – reread; think – rethink*, с одной стороны, и *date – update; start – upstart – startup; point – counterpoint; move – countermove*, с другой. В рядах первого типа мы видим типичное взаимодействие аффикса и корня. При сопоставлении слова, образованного с помощью префикса и корня, значение этого слова легко соотносимо со словом, образованным на базе только соответствующего корня. Различие в значении связано со специфическим уточнением значения корневой морфемы при том, что роль корневой морфемы в общей структуре значения слова не изменяется. В случае с префиксом *un-* соответствующие прилагательные обозначают отсутствие признака, обозначаемого корневой морфемой. В случае с префиксом *re-* соответствующие глаголы обозначают воспроизводство действия, обозначаемого глагольным корнем. В обоих случаях префиксы уточняют значение корневой основы слова. При этом принципиальных изменений отношения слов с префиксами *un-* и *re-* и соответствующих слов без этих префиксов с контекстом не наблюдается: *kind words – unkind words; read her letters – reread her letters*. В случаях типа *start – upstart – startup; point – counterpoint* мы наблюдаем принципиально иную картину. Типичные контексты, характерные для каждого из слов в этих рядах, обладают существенными различиями. Очевидно, что сегменты типа *up-* или *counter-* нельзя отнести ни к словообразовательным префиксам, подобным *en-*, ни к уточняющим префиксам, подобным *un-*. Семантические трансформации в значении слова слишком существенны с точки зрения близости контекстов для каждого из слов, чтобы можно было считать, что слова типа *upstart* или *counterpoint* состоят из одного корня и аффикса (*off to a good start – an ignorant upstart; make a point – the art of counterpoint*). Более того, если мы сопоставим пару *upstart – startup*, то тогда возникнет вопрос о том, как трактовать морфологическую структуру слова *startup*. Является ли второй компонент в этом слове суффиксом или корнем?

Существенный характер семантических преобразований в значении производных слов *startup*, *upstart*, *counterpoint* по срав-

нению с семантическим потенциалом только лишь одного корня start для upstart и startup или point для counterpoint, а также нерегулярный характер связи контекстов, характерных для слов с основой на корень start и counter, с контекстами производных upstart и counterpoint позволяют сделать вывод о том, что в случае образований типа upstart или counterpoint мы имеем дело со сложными словами.

Предлагаемые в статье наблюдения показывают, насколько существенными для морфологического анализа являются учет связи словесной единицы с контекстом и установление роли каждого из знаковых сегментов, образующих слово, в формировании его значения. Анализ словесного материала свидетельствует о том, что отнесение сегментов, способных функционировать в английском языке как корневые морфемы, одновременно и к префиксам нецелесообразно в связи с тем, что их роль в структуре производного слова никак не соответствует роли аффиксального элемента. Постулируемая словарями омонимия корневых слов и префиксов не выдерживает никакой критики при детальном рассмотрении характера описания содержания «префиксов», омонимичных корням. Одновременно интерес представляет существование двух типов префиксов в английском языке: словообразующих, подобных суффиксам (таких, как en-) и уточняющих (таких, как in- или re-). Дальнейшие исследования их дифференцированного использования в английском языке позволят более чётко определить семантическую природу английского префикса.

* * *

ЕЛИСЕЕВА В.В., 2003. Лексикология английского языка. СПб.

МАСЛОВ Ю.С., 1987. Введение в языкознание. М.

BAUER L., 1983. English Word Formation. NY.

GINZBURG R., KNIDEKEL S., et al., 1966. A Course in Modern English Lexicology. М.

Источники:

THE CONCISE OXFORD DICTIONARY OF CURRENT ENGLISH, 1990. Oxford.

«ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ» ТЕКСТА: СЛОВО, ОБРАЗ, СТИЛЬ

Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург, Россия)

РОЛЬ ТРОПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЖАНРА БАЛЛАДЫ

В статье рассматривается роль тропов, эффективных средств создания образности, в формировании языковой картины мира в текстах английских баллад различных жанровых модификаций.

Ключевые слова: тропы, жанр, баллада, картина мира, языковая картина мира, художественная картина мира, метафора, метонимия, эпитет, гипербола

Тропы – это лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении. Они привлекали к себе внимание с древних времен и подробно изучались. Метафора является одним из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира. Она является важным феноменом художественной литературы и всегда была в центре внимания ученых, занимающихся разработкой лингвистической и литературоведческой проблематики. Обычно метафора определяется как скрытое сравнение, осуществляемое в результате применения названия одного предмета для обозначения другого и выявляющее при этом какую-либо важную черту второго [Арнольд 2004: 124]. Она является эффективным средством создания образности и экспрессивности повествования. Как отмечал В.В. Налимов, в языке существует особый механизм для введения в него тонких противоречий, и этот механизм задается употреблением метафор. Лучшее, по его мнению, определение метафоры звучит очень лаконично ... as if but not ... [Налимов 1989]. Э.В. Ильенков считает, что метафора является средством, при помощи которого воображение постигает «чистые формы», т. е. сущность [Ильенков 1968].

Метафора и другие тропы (метонимия, эпитет, гипербола и др.) как средства создания образности, несомненно, участвуют в формировании языковой картины мира того или иного жанра.

Картина мира – это историческое понятие, так как у каждого общества в определённые эпохи существует особый образ

(картина) мира. Картины мира многообразны, так как всегда это своеобразное видение мира, его смысловое конструирование в соответствии с определённой логикой миропонимания. Они обладают исторической, национальной, социальной и жанровой детерминированностью. Принципы художественной коммуникации, законы литературных родов, жанров оказывают влияние на формирование картины мира и её языковое воплощение, так как для каждого из них характерен определённый ракурс видения действительности и способ её представления.

Как известно, существует два вида языковой художественной коммуникации: фольклорный и литературный. Им соответствуют фольклорная и литературная картины мира, которые возникли на разных исторических этапах существования человеческого общества, и для каждой из них характерна специфическая языковая реализация. В современном мире они существуют параллельно, оказывая влияние друг на друга и дополняя возможности творческой личности в языковом самовыражении.

Художественная картина мира каждой эпохи находит воплощение в разнообразных произведениях искусства. Образное воспроизведение в ней каких-либо конкретных эпизодов, событий порой даёт довольно полное представление об этой эпохе, раскрывает смысл важных социальных событий, потрясений. Таким образом, каждая эпоха искусства отражает в целом определённый общий уровень художественного мышления [Мейлах 1985: 299–309]. Предметом изображения фольклорных произведений являются, как правило, исторические события или типичные явления повседневной жизни, занимающие важное место в народном сознании. Авторы литературных произведений обычно изображают жизненные ситуации, события, которые наиболее полно представляют жизнь той или иной эпохи, её специфику. При этом авторы сознательно подбирают художественные выразительные средства, которые позволяют глубоко и полно отразить представление о мире. Язык репрезентирует и объективирует концептуальную картину мира в своих речевых построениях и, соответственно, играет неопределимую роль в представлении общей картины мира, закрепляет значения, присущие национальной культуре [Колшанский 1990: 59–75; Корнилов 2003; Воротников 2007]. Таким образом, языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами

живых, национальных языков. Посредством языка речь творит множество иных миров, кроме действительного. Сознание создаёт, а речь передаёт в многообразных комбинациях картины миров реальных и ирреальных, действительных и мнимых, возможных и невозможных, которые идентифицируются и оцениваются относительно мира действительного [Никитин 1999: 6–12].

Язык художественного текста в своей сущности является определённой художественной моделью мира и в этом смысле всей своей структурой несёт определённую информацию, при этом модель мира, создаваемая языком, более всеобща, чем глубоко индивидуальная в момент создания модель сообщения. Следовательно, изучение художественного языка произведений искусства не только даёт некую норму эстетического общения, но и воспроизводит модель мира в самых общих чертах. Язык искусства моделирует наиболее общие аспекты картины мира – её структурные принципы. Как отмечает Ю.М. Лотман, любое художественное произведение, являющееся определённой моделью мира, некоторым сообщением на языке искусства, просто не существует вне этого языка, равно как и вне всех других языков общественных коммуникаций [Лотман 2000: 30–31, 60].

Жанровые каноны литературных произведений, в частности, инвариантные жанровые характеристики текста баллады, определяют черты картины мира, создаваемой в сознании создателя данной жанровой формы. Принимая во внимание различия между довольно многочисленными жанровыми модификациями текста баллады (фольклорная, литературная и их разновидности), можно предположить наличие большой вариативности балладной картины мира.

Тропы, как уже отмечалось, также принимают участие в создании языковой картины мира. Сама метафора «языковая картина мира» говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску [Телия 1988: 179]. Функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия, и любой троп, как иносказание в самом широком понимании этого термина, возбуждает множество ассоциаций, посредством которых действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме. Ассоциации, которые возникают в процессе

формирования тропов (метафоры, метонимии, гиперболы и т.д.), усматривая сходство или смежность между гетерогенными объектами, устанавливают их аналоги. Это касается, прежде всего, элементов физически воспринимаемой действительности и невидимого мира идей, абстрактных понятий. Таким образом, языковая картина мира во многом обусловлена явлением идиоматичности, но не сводится к ней, так как представляет собой продукт речемыслительной деятельности.

Языковая картина мира английских и шотландских баллад является продуктом самореализации и речемыслительной деятельности языковой личности того времени, когда жанр баллады был популярен, продуктивен, и тексты баллад находились в стадии своего становления и развития. Балладе свойственно употребление индивидуальных, точных, конкретных слов, она не знает вычурных метафор и риторических фигур. Часто встречаются постоянные эпитеты, основанные на древней песенной традиции и превратившиеся в словесные лейтмотивы, архаичные слова и диалектные формы. Баллада имеет в своей основе запас традиционных образов и положений, которые представлены во всех балладах независимо от сюжета. Благодаря этому и создаётся особый поэтический стиль баллады [Жирмунский 1973: 97–98].

В фольклорных балладах метафора чрезвычайно редко участвует в формировании языковой картины мира. Ярким примером фольклорной баллады эпического характера является баллада «King Henry the Fifth Conquest of France». В основе сюжета баллады лежит конкретное историческое событие, относящееся к временам Столетней войны (1337–1453). Король Франции отказался платить дань английскому королю Генриху V. В ответ на это английский король со своим войском нанёс поражение французам при Азенкуре и вскоре захватил север Франции и Париж. Королю Франции пришлось просить о пощаде и пообещать вернуть долг.

«The Lord have mercy on my men and me!
O I will send him his tribute home,
Ten ton of gold that is due to he,
And the finest flower that is in all France
To the Rose of England I will give free.»
(«King Henry Fifth' Conquest of France»,
13 строфа 4 строка, 14 строфа)

The Rose of England – молодой король Англии Генрих V (метафора)

«Their hearts were good and true»
(«Chevy Chase. The Second Fytte»,
1 строфа, 2 строка)

В данном случае имеются в виду английские воины (синекдоха).

«I will not fail, both heart and hand»
(«Chevy Chase. The First Fytte»,
21 строфа, 6 строка)

В этом случае мы имеем дело с метонимией, так как существительные heart и hand обозначают верность и искусство воина. Высокая частотность употребления эмоционально-оценочных эпитетов (noble, fair, worthy, lovely, gracious и др.) а также наличие метафорических и метонимических наименований свидетельствуют об эмоциональной напряжённости повествования баллад данной жанровой модификации.

Анализ языковой картины мира фольклорных баллад лирического характера («The Twa Sisters», «Young Bekie», «The Gypsy Lady» и др.) свидетельствует о простоте, чёткости и выразительности повествования при чрезвычайно редком использовании изобразительных средств языка. Простое, несколько отстранённое описание трагических эпизодов в жизни персонажей производит чрезвычайно сильный эффект на читателя.

Косвенная местоименная номинация персонажей чрезвычайно частотна в литературных лирических балладах, и это соответствует традициям лирических произведений. Иногда для обозначения персонажей используется косвенная метафорическая номинация:

«My little boy! My little pride
(W. Wordsworth «The Complaint
of the Forsaken Indian Woman»
5 строфа, строка 1)

Особый интерес представляет баллада Р. Бёрнса «John Barleycorn». Номинации действующих лиц в этой балладе имеют символический характер. Созданию такого эффекта способствует транспозиция лексико-семантических групп существительных. Так, например, существительное *barleycorn* принадлежит лексико-семантической группе, включающей общие имена (названия предметов, событий). Однако, сочетание его с собственным существительным *John*, а также характеристика, данная ему автором (*John Barleycorn was a hero bold...*) в контексте данной баллады, переводит его в группу, включающую существительные, которые обозначают действующих лиц. Фактически, Джон Ячменное Зерно является олицетворением мужества, стойкости, выносливости простых людей. Действующие лица, обозначаемые существительным во множественном числе в сочетании с числительным *three kings*, также носят символический характер. Их нереальность заключается в необычности сферы действий, описанных в балладе. Символический характер данной баллады проявляется как во введении в повествование нереальных действующих лиц, так и в самой описываемой ситуации, которая представляет собой аллегорию.

В целом, для жанра баллады характерно повествование, отличающееся простотой и конкретностью. Как показал анализ, тропы, а также другие выразительные средства языка принимают участие в формировании языковой картины мира баллады и делают её яркой, самобытной и выразительной.

* * *

АРНОЛЬД И.В., 2004. Стилистика. Современный английский язык. М.

ВОРОТНИКОВ Ю.Л., 2007. Языковая картина мира: трактовка понятия. М.

ЖИРМУНСКИЙ В.М., 1973. Английские народные баллады // Английские и шотландские баллады. М.

ИЛЬЕНКОВ Э. В., 1968. Об идолах и идеалах М.

КОРНИЛОВ О.А., 2003. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.

ЛОТМАН Ю.М., 2000. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.

МЕЙЛАХ Б.С., 1985. Процесс творчества и художественное восприятие. М.

НАЛИМОВ В. В., 1989. Спонтанность сознания. М.

НИКИТИН М.В., 1999. Об отражении картины мира в языке // *Studia Linguistica* 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб. С. 6–15.

ТЕЛИЯ В.Н., 1988. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.

Ю.П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)

СТИЛЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В АНГЛИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена изучению сложного взаимодействия процессов становления художественного стиля, развития национального языка и формирования художественной национальной литературы, протекавших в рамках английского позднего Средневековья.

Ключевые слова: *донациональный период, литературный язык, синхронный и историко-генетический план, стиль, субъективные / объективные (объектные) качества*

Стиль, по замечанию В.В. Виноградова, играет роль «важнейшего стержня научно-исторического построения», без которого «ни одна история и теория искусства не может обойтись» [Виноградов 1961: 7].

Становление стиля художественной литературы происходит не только в рамках национальной культуры, но и в контексте национального языка, который в «его сложном составе и стилистической дифференциации оказывает своё воздействие на него» [Соколов 1968: 198], являясь тем специфическим материалом, который отличает литературу от прочих видов искусства [Соколов 1968: 168]. Подобный характер взаимоотношений «художественный стиль – язык – литература» заставляет остановиться на той из многочисленных трактовок стиля, в которой на первый план выдвигаются объектные (объективные) качества его структуры, а стиль понимается как языковой материал, применяемый, в результате отбора, для передачи данного содержания с определённым заданием в условиях определённой речевой ситуации.

Принятая трактовка согласуется с объектным (объективным) пониманием стиля, что предполагает неразрывную связь изучения структуры стиля в синхронном и историко-генетическом плане и имеет важное значение для истории литературного языка как стилистической специфики художественной литературы [Виноградов 1961: 8].

Среди зарубежных исследователей подобный подход предлагается П. Гиро. В рамках подхода сущность стилистики как научной дисциплины составляет наличие двух аспектов – синхрон-

ного и диахронического, что открывает возможность изучения стиля в процессе эволюции, на основании связи стиля и языка, при этом стилистические ценности языка находятся в непрестанном движении, каждый момент рождаясь, преобразуясь и умирая [Guiraud 1954: 103].

Сходные мысли наблюдаются у Ш. Балли, который отмечает в качестве фактора, определяющего специфику исторической стилистики, её основание – постоянные отношения между речью и мышлением, проявляемые в ощущении говорящими родного языка как состояния, представляющего собой абстракцию в теории, но на практике – «всё же реальность, обусловленную медленным развитием языка» [Балли 1961: 39]. Иными словами процесс развития языка являет собой смену состояний, доступных для изучения.

Э. Косериу, рассматривая вопрос об историчности языка, выделяет «синхроничность» как одно из его важнейших свойств в смысле «синхронизированности» с говорящими. В диахроническом плане это проявляется в активной позиции говорящих, создающих систему [язык] сообразно их нуждам [Косериу 2001: 204].

Возникновение речевого стиля литературы как результата художественной обработки языка, с одной стороны, и связь процессов его формирования и развития с историей и современным состоянием литературного (национального) языка, с другой [Соколов 1968: 198], обуславливают рассмотрение языка художественной литературы с историей литературного языка как особого раздела истории языка, получившего материальное воплощение в реальных, а не гипотетически реконструируемых текстах памятников письменности [Филин 1981: 190], совокупность которых образует литературу, в частности литературу художественную.

Под литературным языком подразумевается «одна из форм существования языка, противопоставленная остальным по ряду признаков, ведущим из которых можно считать обработанность и связанную с ней селективность, а также большую или меньшую полифункциональность» [Гухман, Семенюк 1984: 5].

Хронологические рамки отмеченных процессов совпадают с эпохой позднего Средневековья (XIV–XV вв.), известной также под поэтическим термином «осень Средневековья», предложенного голландским историком Й. Хейзингой.

К этому времени завершается донациональный период, итогом которого в странах средневековой континентальной Европы явилось окончательно оформленное функциональное двуязычие, с приоритетом латыни, связанное с функциональным аспектом развития языка. Как отмечает Г.В. Степанов, использование чужого языка чужого в качестве письменно-литературного, которым в романских и германских языках был латинский, вызвано «функциональной неподготовленностью» своего языка [Степанов 1976: 67].

Привилегированное положение латыни связано также с корреляцией специфики средневековой культуры и общезыковой ситуации этого периода [Бурбело 1990: 7], заключающейся в особом положении, занимаемом церковью в средневековом социуме, и самой системой феодализма, в рамках которой сословию клириков отводилась роль профессиональной интеллигенции.

Связь языка и средневекового мышления, отмеченного «иерархизмом», предопределило служение латыни всему рассматриваемому *sub specie aeternitatis*, то есть не только статус священного по традиции языка, но и языка «специально приспособленному по существу своему для выражения высших абсолютных ценностей» [Гуковская 1940: 5].

Указанные причины в совокупности с особенностями собственно средневекового лингвистического сознания той эпохи, заключающимися в рассмотрении латыни как неотделимой от её основных функциональных сфер, обусловили закрепление за латынью определённых функционально-стилистических регистров в общей стилистической шкале: административно-юридического, религиозного, педагогического, учёного. Ещё одной сферой реализации латинского языка стала художественная литература. Латынь, по замечанию В.Б. Бурбело, приобрела соответствующие оценочные характеристики как положительные (язык учёности, благочестия), так и отрицательные (ханжество, лицемерие) [Бурбело 1990: 7].

Анализ исследований процессов становления национальных европейских литературных языков показывает, что роль межъязыковых контактов и связей разноязычных народов в этих процессах весьма значительна и значима. Уникальность сложившейся на Британских островах ситуации заключается в длительности «исторически засвидетельствованного воздействия одних и тех

же языков, направленных на один и тот же язык» [Ярцева 1985: 87].

Специфика развития английского национального языка заключается в том, что помимо латинского, чужим языком, использовавшимся как письменно-литературный, был англо-нормандский вариант французского языка, что тесным образом связано с событиями внешней истории Великобритании и являет собой ещё одну сторону корреляции лингвистических и нелингвистических процессов, способности языка реагировать на изменения в социуме и культуре. Т. Фрингс, занимаясь изучением смежных проблем на материале немецкого языка, отмечал проявление политической или культурной зависимости непосредственно в языковых воздействиях [Фрингс 1965: 153]. В Великобритании проявление подобного рода языковых воздействий явилось следствием комбинации отмеченных Т. Фрингсом зависимостей, наглядную демонстрацию чему можно найти в доступном исследователю английском языковом материале. После восхождения на английский престол нормандского герцога Вильгельма англо-нормандский диалект, будучи языком завоевателей, вторгшихся на территорию Великобритании в XI-м в., в XII–XIII вв. становится государственным языком. Это влечёт за собой проникновение французского языка в традиционно закреплённые за латынью функциональные сферы, отмеченные выше (образование, педагогика, юриспруденция, канцелярская переписка, а также художественная литература), обогащая, таким образом, лингвистическую основу соответствующих функционально-стилистических регистров. Тем не менее, языком церковного обихода и науки по-прежнему остаётся латинский. Культурное воздействие в XIII-м в. связано с расцветом куртуазной культуры. Во всей цивилизованной Европе Франция воспринималась в это время как воплощение идеального куртуазного общества в своей самой утончённой форме.

Популярности французского языка и культуры способствовала традиция восприятия французской цивилизации как наследницы великого просветителя императора Шарлеманя. Распространение влияния одной из величайших средневековых литератур и университетского образования, одним из центров которого был университет города Парижа, стало серьёзной причиной использования французского языка в просвещённых английских кругах [Vaugh 1978: 134].

Процесс становления стиля английской средневековой художественной литературы протекает в условиях взаимодействия различных факторов как универсального, так и уникального характера, что, безусловно, необходимо учитывать при его исследовании.

* * *

БАЛЛИ Ш., 1961. Французская стилистика. М.

БУРБЕЛО В.Б., 1990. Историческая стилистика французского языка. Киев.

ВИНОГРАДОВ В.В., 1961. Проблема авторства и теория стилей. М.

ГУКОВСКАЯ З.В., 1940. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения (теория языка у Плеяды). Л.

ГУХМАН М.С., СЕМЕНЮК Н.Н., 1984. БАБЕНКО Н.С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII в. М.

КОСЕРИУ Э., 2001. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). М.

ПОСПЕЛОВ Г.В., 1978. Теория литературы. М.

СОКОЛОВ А.Н., 1968. Теория стиля. М.

СТЕПАНОВ Г.В., 1976. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.

ФИЛИН Ф.П., 1981. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.

ФРИНГС Т., 1965. Основы истории немецкого языка // Немецкая диалектография. М.

ЯРЦЕВА В.Н., 1985. История английского литературного языка. М.

BAUGH A., 1978. A history of the English Language. London.

GUIRAUD P., 1954. La stylistique. Paris.

В.Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

СТАТУС ВОЛШЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В ТЕКСТОВОМ КОНТИНУУМЕ

Статья посвящена описанию волшебной литературной сказки как типа текста, функционирующего в рамках сложной художественной системы «литературная сказка» и обладающего рядом текстотипологических особенностей. Эти особенности обусловлены репрезентируемой ментальной моделью мира, созданной с помощью художественного вымысла особого типа, который допускает существование феноменов, противоречащих природным, но не социальным законам.

Ключевые слова: *литературная сказка, тип текста, жанр, ментальная модель мира, художественный вымысел*

Научно-теоретическое осмысление литературной сказки неразрывно связано с проблемой ее дифференциации относительно других видов художественного повествования. Авторский текст, в том числе и текст литературной сказки, представляет собой единство характеристик двух видов: индивидуальных, присущих только данному произведению, и общих для определенной группы текстов. Выделение таких групп или единиц членения текстового континуума, служащих формализации коммуникативного процесса, зависит от дифференциального признака, положенного в основу классификации.

Вопросы типологии текста продолжают оставаться актуальными в силу того, что до сих пор не существует единой номенклатурной системы, в которой были бы одновременно учтены характеристики функционального, тематического и формального уровней текстовой организации. Одной из претендующих на универсальность систем является жанровая классификация. Термин «жанр» широко используется не только в теории литературы, но и в лингвистике. Собственно лингвистической проблематике жанра (дефинированию, идентификации, дифференциации, делимитации) посвящены многие современные исследования (см. Арутюнова Н.Д. 1992, Баранов А.Г. 1997, Бахтин М.М. 1979, Бурлина Е.Я. 1987, Вежбицкая А. 1997, Гаспаров Б.М. 1996, Долинин К.А. 1997, 1999, Матвеева Т.В. 1995, Смирнов В.В. 2002 и др.).

Однако в работах вышеупомянутых авторов говорится об отсутствии как общепринятого определения самого термина «жанр»,

так и единой номенклатуры его характеристик. Наиболее полный список свойств жанра в его лингвистическом осмыслении приводит В.А. Тырыгина, которая выделяет в качестве таковых «кодифицированность», «предсказуемость», «установку на способ представления действительности», «указание на назначение», «коммуникативную цель», «привязку к обстоятельствам», «условиям общения», «единство плана выражения и плана содержания», «утилитарность», «эластичность», «креативный потенциал» [Тырыгина 2007: 34–41]. Однако даже такой пространственный список не позволяет четко определить различия между жанром и, например, такой единицей деления текстового континуума как функциональный стиль, который также вычленяется на основе различий сферы употребления, условий коммуникации и коммуникативных установок. Функциональный стиль характеризуется нормативным построением текста, что определяет его предсказуемость, а в связи с тем, что понятие «норма» есть понятие историческое, функциональный стиль способен изменяться, чтобы удовлетворять изменяющиеся коммуникативные потребности языкового сообщества на разных этапах его развития.

Лингвистические исследования позволили установить корреляцию между понятиями «жанр» и «тип текста» и сформулировать тезис о том, что они родственны, но не идентичны. «Жанр и тип текста это пересекающиеся, а не синонимические понятия, поскольку тип текста определяется направленностью рефлексии содержательной программой (наличием или отсутствием смыслообразования), а одной из ключевых характеристик жанра является конфигурация содержательности. К одному типу относятся тексты разных жанров» [Галева 1999: 83].

Использование понятия «тип текста» в лингвистическом исследовании текста литературной сказки представляется более обоснованным в силу ряда причин.

Во-первых, нельзя не согласиться с доводами ученых, которые отмечали, что «уязвимость жанрового членения текстового континуума и принадлежность жанров текста к классам, которые в современной теории множеств именуется «нечеткими множествами», т.е. такими, между которыми отсутствуют четко очерченные границы и элементы которых частично совпадают и перекрещиваются. Это свойство жанров текста препятствует выделению единого классификационного основания и определя-

ет поиск системности жанров с иных позиций» [Бабенко 1999: 51]. Понятие «жанр» не имеет четкого определения, как и ряд других базовых понятий литературоведения, которое, по мнению Ю.М. Лотмана, есть «уникальная наука, не имеющая терминов» [Щирова, Гончарова 2007].

Расплывчатость термина жанр применительно к пространству сказочных текстов проявляется в частности в применении его к единицам разного уровня абстракции. Некоторые исследователи называют жанром совокупность всех текстов литературных (авторских) сказок (Зворыгина О.И. 2009, Крутина Л.Б. 2005, Липовецкий М.Н. 1992, Самохина Е.О. 2005, Шалаева В.В. 2004 и др.). В ряде работ этот термин используется применительно к отдельным группам сказок, которые рассматриваются как самостоятельные жанры в границах особого вида художественной литературы, а именно литературной сказки (например, [Овчинникова 2002]).

Более того, некоторые исследователи не дифференцируют литературную сказку и фэнтези, рассматривая эти произведения как реализацию единого литературного канона. Например, Е.В. Астащенко трактует детское фэнтези как «дорогу в сказку» [Астащенко 2007: 174–181]. Отсутствие по этому поводу редакторских комментариев профессора И.Г. Минераловой, которые являются «фирменной» чертой ее авторского стиля, позволяет говорить о неоднозначной позиции в этом вопросе одного из ведущих отечественных специалистов по детской литературе.

Во-вторых, традиционная типология, в которой выделяются произведения «естественных» жанров, обладающие определенным набором конкретных признаков, в современной лингвистике не является единственно возможной. Причем само понятие «естественный жанр» определяется интуитивно. Отечественными учеными были предложены типологии, основанные на различных дифференциальных признаках и служащие различным целям исследования (Бабенко 1999, Белянин 2000, Галева 1999, Гудков 2000, Пешкова 2002, Сиротинина 1998 и др.).

В-третьих, при создании жанровой классификации не учитывается корреляция языковых средств и типа ментальной модели реальности, изображенной в художественной форме. Необходимо вычленить и систематизировать эти средства, поскольку внутренние глубинные факторы, лежащие в основе процесса порождения

текста определенного типа, отражаются в языковых характеристиках конкретного произведения. Именно внешние маркеры глубинных закономерностей доступны для непосредственного восприятия. Частотные упорядоченные структурные элементы текста могут стать типобразующими [Жинкин 1998, Мистрик 1973, Пешкова 2002, Enkvist 1978].

Использование термина «тип текста» позволяет сочетать в работе с конкретными тестами как лингвистическую, так и литературоведческую верификацию. Такой междисциплинарный подход представляется наиболее продуктивным. «Наполнение литературоведческих понятий лингвистическим содержанием способствует уточнению и осмыслению проблем текста, в то время как литературоведение позволяет лингвисту проследить закономерности происхождения, развития и сущности художественной литературы, основываясь на близости гносеологических функций слова и образа и некоторой аналогичности их структур» [Щирова, Гончарова 2007: 38].

В современной лингвистике текста понятие тип текста используется «для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием. Каждый тип текста отличается определенной системой закрепленных за ним специфических признаков, на основании которых к нему могут быть отнесены отдельные тексты. При этом тип текста существует в единстве как инвариантных, строго обязательных и постоянных признаков, так и вариативных, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре» [Чернявская 2009: 62].

Литературная сказка представляет собой не гомогенное монолитное образование, а систему, объединяющую различные компоненты одного уровня абстракции, которые, с нашей точки зрения, удовлетворяют вышеприведенному определению «типа текста». М.Н. Липовецкий отмечает, что литературной сказке присущи такие характеристики как ценностный аспект бытия, унаследованные от волшебной народной сказки волшебнo-сказочный хронотоп и субъектная организация, игровая атмосфера, отдельно оговаривается факультативность «осколков» особой сказочной поэтики (сюжет волшебных испытаний, отдельные сюжет-

ные мотивы, система образов, устойчивые функции персонажей и т.п.) [Липовецкий 1992: 155–159].

Проблема внутренней дифференциации текстов в рамках указанной системы привлекала внимание многих отечественных филологов, которыми были предложены разнообразные классификации (Будур 2000, Гецевичюте 2004, Овчинникова 2003). Однако в связи с тем, что единая научная классификация сказок до сих пор не создана представляется обоснованным использовать членение сказочного текстового континуума, предлагаемое в основных филологических справочных изданиях: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые. Иногда к этому списку добавляют авантюрно-новеллистические сказки.

В тексте любой разновидности сказки в качестве механизма создания репрезентируемой ментальной модели мира используется художественный вымысел, допускающий существование феноменов, противоречащих природным, но не социальным законам объективной реальности. В результате текст получает следующие характеристики: «необычное с точки зрения привычных жизненных представлений содержание, наличие фантастики, обуславливающий оригинальность образности и особый эффект художественного воспроизведения действительности, особенности сюжетно-композиционной структуры (замкнутость и устойчивость формы, движение сюжета в условном времени, и пространстве, неожиданность сюжетных ситуаций и поворотов, повторяемость однородных действий и т.д.); сказочная форма повествования» [Леонова 1982: 195–196].

Художественный вымысел, в котором сочетаются фантастические элементы и элементы, соответствующие нормам внеязыковой реальности, следует признать, по нашему мнению, инвариантной характеристикой текстотипов, составляющих особую художественную систему – литературная сказка. Соотношение указанных элементов варьируется в зависимости от типа сказок и имеет статус вариативной характеристики.

Текстотип «волшебная литературная сказка» как разновидность художественного текста допускает сочетание в одном произведении инвариантных и вариативных характеристик. Это обусловлено тем, что литературное произведение создается в соответствии с определенным текстовым прототипом, но на основе авторского видения мира, его индивидуальной шкалы оценки

фрагментов реальности и с использованием тех языковых выразительных средств, которые представляются автору наиболее адекватными для достижения поставленных целей. Именно текстовый прототип определяет, какие конкретно структуры текстовой организации (как на глубинно-содержательном, так и на поверхностно-формальном уровнях) следует использовать.

Таким образом, тип текста как единица членения текстового континуума является проявлением концепции единства внешней и внутренней формы текста. Связь текстотипа с конкретными историческими условиями его возникновения и функционирования позволяет говорить о его способности к развитию и самосовершенствованию за счет изменения набора вариативных признаков и на основании сохранения базовых инвариантных признаков.

Автор создает текст в соответствии с существующей в его сознании прототипической (типологической) моделью текстообразования, которая «формируется в соответствии с конвенциональными правилами и стратегиями, лежащими в основе речемыслительного поведения автора, представление о котором входит в его когнитивную компетенцию» [Пелевина 2009: 6]. Этим объясняются такие характеристики текста как избыточность и предсказуемость. Читатель, в свою очередь, обладает аналогичной матрицей (вероятностной моделью) сказки, которая формирует его ожидания от текста определенного типа. Успех литературной коммуникации во многом зависит от того, совпадут ли эти ожидания с тем, что предлагает автор в своем произведении. Рассогласование матриц ведет к нарушению литературной коммуникации.

Тексту волшебной литературной сказки присуще такое свойство, как когнитивность, то есть наличие определенного сходства между стратегиями построения и языковыми характеристиками, актуализированными в иных текстах того же типа. Индивидуальность творческой личности в процессе целенаправленной речемыслительной деятельности проявляется в особенностях использования вариативных составляющих в рамках модели текста, наряду со строго обязательными, формализованными, регулярно повторяющимися в типичных коммуникативно-прагматических ситуациях элементов [Чернявская 2009: 64].

Автор создает новый текст на основе совокупности имеющихся у него представлений и знаний, его креативная деятельность

ограничена «неписанными нормами культурно-письменной традиции» (термин М.Я. Дымарского), а также и нормами текстообразования, установленными данным языковым сообществом для определенного текстотипа и использующимися на протяжении длительного времени. В тексте наблюдается единство рационально-логического и эстетического начал. «Авторские стратегии познавательной-коммуникативной деятельности регулируют представление в тексте знаний о мире и знаний коммуникативной специфики научной и художественной сфер социального взаимодействия. Коллективный опыт рационально-логического и эстетического способов текстообразующего освоения мира, ..., усваивается его субъектом с приобретением соответствующей когнитивной компетенции и творчески претворяется им при создании каждого конкретного текста путем выбора и комбинирования языковых средств, речевых структур, архитектурных и композиционных приемов» [Пелевина 2009: 15].

Доминантной характеристикой, унаследованной литературной сказкой от фольклорного претекста, многие авторы (В.А. Бахтина, М.П. Гецевичюте И.П. Лупанова, В.В. Ляхова, Е.М. Неёлов, Т.А. Чернышева) называют создание особого сказочного мира, для которого волшебство и чудеса являются нормой и воспринимаются персонажами как нечто реальное. В тексте сказки репрезентируется альтернативный, художественный мир, созданный на основе принципа волшебного-сказочного отражения действительности (термин Е.М. Неелова), который и формирует особую сказочную реальность, живущую по своим законам и имеющую собственную систему ценностей. Сказочный мир – это ментальный аналог реального мира, художественно моделируемая, гипотетическая сущность, продукт когнитивной деятельности автора, в которой функционируют фикциональные когнитивные субъекты. В этом мире действуют персонажи, для которых он является естественной и единственно возможной средой бытия со своей внутренней логикой, а отношение персонажей к чуду как к норме создает иллюзию достоверности внутри этого мира. Созданный фантазией автора вымышленный мир, онтологической основой которого является волшебство, делает естественным существование чудес в заданных текстом пространственных и временных границах.

В волшебной литературной сказке волшебство играет роль сюжетообразующего фактора, и в ирреальном мире именно

способность героев к волшебству становится определяющей характеристикой персонажа. Если Л.Ю. Брауде [Брауде 1979: 7], Ю.Ф. Ярмыш [Ярмыш 1972: 177] считали волшебство доминантой литературной сказки в целом, то мы сужаем сферу доминирования волшебства до одного текстотипа, так как анализ фактического материала позволяет утверждать, что в современной английской литературной сказке существует значительное количество произведений, в которых волшебство отсутствует. Например, серии анималистических сказок Эрин Хантер, повествующие о котах-воителях и совах-стражниках.

Итак, «волшебная литературная сказка» – это текстотип, обладающий дистинктивными характеристиками и функционирующий в рамках гетерогенной художественной системы «литературная сказка».

* * *

АСТАЩЕНКО Е.В., 2007. Дороги в сказку (о современном переводном детском фэнтези) // Мировая словесность для детей и о детях. Вып.12, М. – С. 174–181.

БАБЕНКО Н.С., 1999. Жанровая типология текстов как лингвистическая проблема // Филология и культура. Тамбов. – С. 50–53.

БРАУДЕ Л. Ю., 1979. Скандинавская литературная сказка. М.

ГАЛЕЕВА Н.Л., 1999. Параметры художественного текста и перевод. Тверь.

ЛЕОНОВА Т.Г., 1982. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск.

ЛИПОВЕЦКИЙ М.Н., 1992. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск.

ОВЧИННИКОВА Л. В., 2002. Художественный мир сказок С.В. Михалкова // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 7, М. – С. 54–58.

ПЕЛЕВИНА Н.Н., 2009. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации (на материале немецкого языка). СПб.

ТЫРЫГИНА В.А., 2007. Жанры в информационно-массовом дискурсе. М.

ЧЕРНЯВСКАЯ В.Е., 2009. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.

ЩИРОВА И.А., ГОНЧАРОВА Е.А., 2007. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.

ЯРМЫШ Ю.Ф., 1972. О жанре мечты и фантазии // Радуга, 1972, №11. – С. 170–177.

будущего гипотетического (кондиционала) неотъемлемы, особенно учитывая, что любое будущее носит гипотетический характер независимо от того, помещено ли оно в план прошедшего или в план настоящего времени.

Анализ рукописных вариантов фаблио, представленных центрально-французскими, пикардскими и англо-нормандскими рукописями XIII-XIV вв., показал, что в параллельных контекстах списков фаблио формы на *-roie-* употребляются и в первом значении (временном), и во втором (модальном). Отметим, что под параллельными контекстами мы понимаем контексты, изучаемые в рамках одного списка фаблио, сходные не только по содержанию, но и по языковому оформлению. Рассмотрим несколько примеров.

В списках фаблио «О рыцаре, который заставлял говорить передки» (Du chevalier qui fit les cons parler), представленном в четырех рукописях P., B. N., f. fr. № 837 (A), Berlin, Hamilton № 257 (C), P., B. N., f. fr. № 25545 (I), Londres, British Museum, Harley № 2253 (M), мы обнаружили чередование презенса индикатива / будущего в прошедшем:

A un chastel iert sejornant, Qui molt iert beaus et despendant, Ausi com or seroit Provinz. (C, 47-49)	A un chastel ert sejornanz, Qui molt par estoit bien seanz, Ausi comme est ore Provinz. (A, 41-43)
--	--

[En] un chastel iert sejornans,
Qui molt fu chiers et despan-
dans,
Ainsis comme seroit Provinz.
(I, 35-37)

В рукописи (C) после имперфекта индикатива глагола *ester* (*iert*), в придаточном следствия используется будущее в прошедшем глагола *ester* – *seroit*. В рукописи (I) после имперфекта индикатива и перфекта индикатива глагола *ester* (*iert*, *fu*) также мы встречаем будущее в прошедшем в придаточном следствия – *seroit*, тогда как в рукописи (A) после морфологических вариантов имперфекта индикатива глагола *ester* (*ert*, *estoit*) в придаточ-

ном следствия употребляется уже презенс индикатива глагола *ester* – *est*.

В данном случае, согласно концепции Г. Гийома, форма на *-roie-* выражает временное значение: будущее в прошедшем после прошедших времен, соответственно в переводе:

В одном замке пребывал, Который был красивым (бо- гатым) и расточительным, Таким, каким и будет сей- час Прованс. (C)	В одном замке пребывал, Который был самым дорогим и расточительным, Таким, каким и будет Прованс. (I).
---	--

Так, здесь сcribes, употребляя будущее в прошедшем, как бы отстраняют действие от восприятия читателя, поскольку план прошедшего подразумевает удаление действия и его рассмотрение в ретроспекции, однако, с другой стороны, использование в рукописи (C) наречия времени *or* («сейчас») наоборот приближает действие. Таким образом, создается эффект «маятника»: действие словно перетягивается из одного плана в другой.

В рукописи (A), где употребляется презенс, создается совершенно другой эффект, действие разворачивается по линии прошедшее – настоящее выражает констатацию факта, поскольку в случае с будущим в прошлом мы не знаем, совершится это действие или нет, оно носит гипотетический характер:

В одном замке пребывал,
Который был теперь самым лучшим,
Таким же, каким является сейчас Прованс.

За счет употребления презенса индикатива время как будто останавливается, и читатель становится участником происходящего. В то время как в рукописи (I) использование будущего в прошедшем наоборот словно отстраняет действие от читателя, помещает его в отдельный «сосуд» и читатель оценивает развивающиеся события со стороны, предполагая, что действие свершится в будущем.

Также в списках фаблио встречается использование кондиционала в модальном значении. Например, в списках фаблио «О девушке, которая не могла слышать, как рассказывают о соитии» (De la demoiselle qui ne pouvait ouir parler de foutre), которое

представлено в трех рукописных вариантах: 1) P., B. N., f. fr. № 837 (A), 2) Berne, Bibl. de la bourgeoisie, № 354 (B), 3) P., B. N., f. fr. № 19152 (D), мы обнаружили варьирование презенса индикатива / имперфекта индикатива, будущего индикатива / презенса кондиционала / презенса субжонктива:

«Ne doute, sire, c'est la gueue Qui la fontaine et le pre garde, Mes ja por ce mar avrez garde Que n'i puissiez bien amener Vo poulain pestre et abevrer. (A, 92–96)	Puis a a la pucele dit, Qu'il ot tornee desoz soi: «Dame, mes polains muert de soi; Molt en a aëe grant poine. –Va, si l'aboivre a ma fontaine, Fait cele, mar avras peor. (B, 192–197)
– Beveroit il a ma fontaine, Fait ele, se ge l'i metoie? (D, 210–211)	

В рукописях (B, D) мы обнаруживаем в условных предложениях варьирование презенса индикатива / презенса кондиционала глагол *abevrer* 'поить' *l'aboivre* (B) / *beveroit* (D), будущего индикатива глагол *aveir peor* 'испугаться' *avras peor* (B) / имперфекта индикатива глагол *mettre* 'ставить, класть' *l'i metoie* (D). В то время как в рукописи (A) параллельный контекст значительно отличается от предыдущих контекстов рукописей (B, D) как по употреблению глагольных времен, так и по конструкциям предложений.

Так, в рукописи (B) в условном предложении используются глагольные времена плана настоящего – презенс индикатива / будущее простое, данная последовательность времен в условных предложениях указывает на зависимость реализации одного действия при условии осуществления другого и выражает возможность осуществления действия в будущем. В рукописи (D) в условном предложении уже прослеживается другая зависимость – имперфект индикатива / презенс кондиционала, которые находятся в плане прошедшего и выражают значение эвентуального действия, возможного действия в прошедшем. В свою очередь в рукописи (A) условное предложение отсутствует, вме-

сто него употребляется презенс субжонктива глагол *roeir* 'мочь' в отрицательной форме *n'i puissiez* (A) в сложноподчиненном предложении. Презенс субжонктива в данном случае указывает на неуверенность говорящего в осуществлении действия, однако действие еще может быть осуществлено. Таким образом, употребление трех различных наклонений в параллельных контекстах списков фавблио позволяет читателю по-разному оценивать возможность и условия реализации описываемых действий, в результате перед глазами читателя события развиваются по-разному:

«Не сомневайся, сир, сторож Источник и луг охраняет, Но всегда из-за этого будьте осторожны, Чтобы вы не смогли бы при- вести туда Вашу курицу, чтобы напоить и попастьи ее там. (A)	Затем девушке сказал, кото- рую убедил, «Госпожа, моя курица умира- ет от жажды, Очень сильно от этого постра- дала, – Уходи, если напоишь ее из моего источника, Сказала она, к несчастью на- пугаешься. (B)
---	--

Напоил бы он ее из моего ис-
точника,
Говорит она, если бы я ее туда
положила? (D)

Таким образом, употребление различных наклонений позволяет в плане настоящего придать действию более категоричный оттенок, чем в случае с временами плана прошедшего (имперфект / кондиционал), где действие носит гипотетический характер, и накладывается оттенок неуверенности в вероятности его реализации. Что касается презенса субжонктива, то здесь также приносится скрибом оценка в возможность осуществления данного действия, и тем самым усиливает прагматический эффект: субжонктив здесь передает неуверенность, колебание относительно совершения действия.

Итак, варьирование в параллельных контекстах списков фавблио индикатива / кондиционала обусловлено в первую очередь желанием субъекта (скриба /соавтора) по-разному представить

действие, указать на различные возможности его реализации, выразить большую вероятность или наоборот неуверенность в осуществлении действия, развернуть план развития событий в соответствующем временном плане – прошедшего / настоящего / будущего. Использование того или иного наклонения вызвано соответственно их системными характеристиками в глагольной системе старофранцузского языка: сcribe (соавтор) исходит из своего собственного представления действия, а также ориентируется на восприятие действия читателем, что получает окончательную реализацию в контексте и создает определенный стилистический эффект. В центре конструирования контекста находятся реальный субъект-scribe и потенциальный субъект-читатель (слушатель), который воспринимает этот контекст, интерпретирует его и формирует в своем сознании определенную картину событий. В связи с этим цель scribe (соавтора) заключается в том, чтобы избрать такие глагольные времена и наклонения, которые максимально приблизят сформированное им представление действия с созданным в процессе прочтения контекста представлением у реципиента-читателя.

* * *

- ГИЙОМ Г., 1992. Принципы теоретической лингвистики. М.
 САБАНЕЕВА М. К., 1981. Проблемы развития наклонений : (от латинского яз. к современному фр.). Л.
 СКРЕЛИНА Л. М., 1987. Грамматическая синонимия. Л.
 СКРЕЛИНА Л. М., 2009. Школа Гийома: психосистематика. М.
 СКРЕЛИНА Л. М., СТАНОВАЯ Л. А., 2001. История французского языка. М.
 ШИШМАРЕВ В. Ф., 1952. Историческая морфология французского языка. М., Л.
 FOULET L., 1982. Petite syntaxe de l'ancien français. Paris.
 RYCHNER J., 1960. Contribution a l'étude des fabliaux : variantes, remaniements, dégradations. 2 vol. T. I. Observations. T. II. Textes. Genève.
 WAGNER R.-L., 1974. L'ancien français. Paris.

В.В. Меняйло (Санкт-Петербург, Россия)

ЕДИНЫЙ ТЕКСТ ДЖ. ФАУЛЗА В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В статье, на примере романов Дж. Фаулза, рассматриваются основные принципы постмодернистской эстетики и их влияние на формирование единого авторского текста

Ключевые слова: *единый авторский текст, постмодернизм, индивидуально-авторский концепт, Дж. Фаулз*

Под «единым авторским текстом» в науке понимается совокупность «изоморфных в каком-либо отношении текстов» [Лотман 1970: 64], произведений «определенного, улавливаемого нами единства (стилевого, тематического и т.п.)» [Лотман 1970: 270]. Единый текст Дж. Фаулза формируется романами “The Collector”, “The French Lieutenant’s Woman”, “The Magus” и “Daniel Martin”, применительно к которым можно говорить о тематическом и концептуальном единстве: романы объединены темой свободы. В объективируемой текстами романов авторской картине мира как концептуальной системе доминантное положение занимает индивидуально-авторский концепт FREEDOM.

Единый текст Дж. Фаулза, как и любой единый авторский текст, не создается писателем в некоем изолированном пространстве ради решения сугубо эстетических задач. Автор репрезентирует в своем творчестве знания и впечатления, полученные им из окружающего мира, испытывая при этом очевидное влияние современных ему культурно-философских направлений и концепций.

На творчество Дж. Фаулза такое влияние оказали:

1. Культурно-философские направления XX века, а именно, экзистенциализм и постмодернизм и, в частности работы таких знаковых фигур этого времени, как А. Камю, Ж.-П. Сартр, И. Кальвино, Х. Борхес, Г.Г. Маркес.
2. Политические и социальные процессы в мире в середине XX века.
3. Отдельные периоды в жизни Дж. Фаулза: провинциальное детство и обучение в школе, жизнь и работа в Греции, затворническая жизнь в Лайм Реджисе.

Остановимся подробнее на первой из упомянутых нами позиций – влиянии постмодернизма на единый авторский текст Дж. Фаулза, поскольку это культурно-философское направление продолжает оставаться актуальным и на современном этапе развития общества.

Постмодернизм (фр. postmodernisme) – широкое культурное течение, в орбиту которого в последние два десятилетия XX века попадают философия, эстетика, искусство, наука. Постмодернистское умонастроение несет печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, творчество разума, безграничность человеческих возможностей. Философско-эстетическую основу постмодернизма формируют идеи французских постструктуралистов и постфрейдистов (Ж. Деррида) о языке бессознательного (Ж. Лакан), шизоанализе (Ж. Делез, Ф. Гваттари), концепция иронизма (У. Эко, Р. Рорти). Модернистской установке на новизну постмодернизм противопоставляет стремление включить в современное искусство весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного цитирования. Рефлексия по поводу модернистской концепции мира как хаоса выливается в опыт игрового освоения этого хаоса, превращает хаос в среду обитания современного человека. Постмодернистская эстетика берет на вооружение неклассическую трактовку классических традиций. Она принципиально антисистематична, адогматична, чужда жесткости и замкнутости концептуальных построений; ее символы – лабиринт, ризома. В ней происходит модификация основных эстетических категорий: прекрасное рассматривается как сплав чувственного, концептуального и нравственного, возвышенное заменяется удивительным, трагическое – парадоксальным, комическое предстает в иронической ипостаси. Неклассическая онтология разрушает систему символических противоположностей: реальное – воображаемое, оригинальное – вторичное, старое – новое, естественное – искусственное, индивидуальное – коллективное, Восток – Запад и др. Теряет актуальность и антитеза «высокое – массовое искусство». Постмодернистские эксперименты стимулируют стирание граней между традиционными видами и жанрами искусства и утверждают идеи синестезии. На первый план выдвигаются понятия симулякра, метаязыка, интертекстуальности, контекста: художественного, культурного, исторического, научного и религиозного.

Постмодернистская идея универсального гуманизма ведет к отказу от европоцентризма и этноцентризма и переключению внимания на все человечество, природу, космос в целом [Философия 2004: 668–670]. Идеи лабиринта, ризомы и интертекстуальности присутствуют в каждом из вышеназванных романов Дж. Фаулза, составляющих в совокупности единый авторский текст.

В основе сюжета романа **«The Collector»** лежит похищение студентки художественного колледжа Миранды Грей разбогатевшим на тотализаторе банковским клерком Фредериком Клеггом. Попытки освобождения, предпринимаемые Мирандой, оказываются неудачными, и, в итоге, заболев пневмонией, она умирает.

В самом событии заточения в неволю художницы коллекционером угадывается классическая оппозиция свободного (духовного) мира искусства ограниченному (бездуховному) миру коллекционирования. Покупая и изолируя от общества предметы искусства, коллекционер как бы лишает их жизни. Выдвижение этого смысла обеспечивается повторами лексических единиц “to collect” (6), “collection” (8), “collector” (4). Лексема “the collector” вынесена в сильную позицию текста – заглавие.

Рассматриваемая оппозиция наполнится еще более глубоким смыслом, если рассмотреть её в аспекте интертекстуальности. Теория интертекстуальности, формирующая один из важнейших приоритетов современного научного знания, основывается на идее М.М. Бахтина о диалогическом характере художественного текста и шире – диалогическом характере человеческого понимания. Интертекстуальность, отмечает И.В. Арнольд, включает текст в культурный контекст, т.е. представляет собой единую цепь культурного общения человечества, звеньями которой оказываются отдельные тексты [Арнольд 1999: 35]. В постмодернизме, оказавшем влияние на творчество Фаулза, интертекстуальность определяет не только специфику существования литературы и метод анализа литературного текста, но и особенности мироощущения человека.

С точки зрения понимания свободы, важным проявлением категории интертекстуальности в анализируемом романе выступают аллюзии на шекспировскую пьесу «Буря». При этом, если у Шекспира уродливый дикарь Калибан и воплощение красоты и чистоты Миранда – второстепенные персонажи, то в романе «Коллекционер» образы Миранда и Клегга (Калибана, как назы-

вает его Миранда) представляют собой классических протагониста и антагониста, т.е. являются главными героями.

Интертекстуальное включение *Caliban* объективирует содержательное сходство прецедентного текста («Буря») и текста-реципиента («Коллекционер»). Тематический параллелизм текстов прослеживается в изолированности места пребывания героев произведений. Действие «Бури» происходит на далеком острове, где живут Миранда, ее отец Просперо, дух Ариэль и сын ведьмы-получеловек Калибан. Действие «Коллекционера» разворачивается в отдаленном загородном доме. Шекспировские Просперо и Миранда живут в келье (*cell*), Миранда проводит остаток жизни в подвале (*cellar*). Тематические переключки очевидны и в отношениях между главными героями: и шекспировская героиня, и героиня Фаулза ненавидят и боятся Калибана.

Ассоциативный компонент концепта *Caliban* в прецедентном тексте формируется такими концептуальными характеристиками, как уродство (физическое и умственное), рабство, жестокость, жажда власти. Оценочный компонент – признаком неприязни [Филиппова 2008]. Миранда Фаулза видит в своём тюремщике те же самые черты, чем и объясняется выбор для него имени Калибан. Смысловые и оценочные параллели между Калибаном Шекспира и Калибаном Фаулза подтверждаются всем ходом происходящих событий.

Межличностный конфликт Миранды и Клегга используется автором для раскрытия глубокого социального конфликта. Калибан-Клеэгг – не монстр-одиночка, он представляет большинство «новых людей», нуворишей («new people»), населяющих, по мнению автора, современную Англию. «Большинство» – это люди посредственные, духовно не развитые, равнодушные к проблемам других и мира. Они лишены внутренней свободы, способности к созиданию и *по своей сути* являются не творцами, а «коллекционерами». Для описания «большинства» в речевой сегмент Миранды включаются деривативы от антропонима *Caliban: Calibanity* (калибанство, качество, присущее Калибанам), *Calibanese* (калибанский язык).

В отличие от трех других анализируемых романов, воспроизводящих в художественной форме картину современного автору мира, в романе «**The French Lieutenant's Woman**» свобода рассматривается в контексте реалий и ценностей закончившейся викторианской эпохи.

Свобода в романе ассоциируется с женщиной. Характеристика индивидуально-авторского концепта **FREEDOM** «freedom is woman» репрезентируется в романе не просто образом женщины как таковой, а женщины неординарной, нетипичной, выделяющейся из своей среды. Именно такой женщиной является загадочная Сара Вудраф, сыгравшая роковую роль в судьбе главного героя Чарльза Смитсона.

О внутренней свободе героини свидетельствует интересная деталь: автор «сохраняет дистанцию» по отношению к Саре, ни разу не сказав, что происходит в ее душе, однако он проникает в сознание всех иных персонажей и анализирует их мысли и чувства. В романе используются две нарративные формы, по Н. Фридману: «редакторское всеведение», проявляющееся в авторском «всезнании» в отношении всех персонажей и реалий описываемой эпохи, и «камера» [Цит. по Ильин 2001: 154–156], фиксирующая действия и слова Сары. В тексте присутствуют эксплицитные указания (лексические единицы “symbol”, “to embody”, “to stand for”) на авторскую символизацию образа Сары:

“Indeed it was hardly Sarah he now thought of – she was merely the symbol around which had accreted all his lost possibilities, his extinct freedoms, his never-to-be-taken journeys” [Fowles 1996: 321], “When he had had his great vision of himself freed from his age, his ancestry and class and country, he had not realized how much the freedom was embodied in Sarah...” [Ibid.: 409].

Антагонист Сары – невеста Чарльза Эрнестина Фриман. Эрнестина воплощает идеал викторианской женщины, в то время как Сара, чтобы обрести свободу, вынуждена действовать вопреки ценностям этой эпохи. В противопоставлении двух женских образов явно угадывается и типичное для авторской картины мира противопоставление природы и общества.

В основе фамилии **Woodruff** лежит название *дикого* растения ясенника, ассоциирующееся с естественной, природной свободой (woodruff – a white-flowered Eurasian plant with whorled leaves, smelling of new-mown hay [Oxford Dictionary of English 2006: 2026]). Однако фамилия Эрнестины – **Freeman** также буквально означает «свободный человек». В соответствии с постулирующей множественность прочтений текста постмодернистской эстетикой эти авторские смысловые акценты могут интерпрети-

роваться по-разному. С одной стороны, разграничиваются два состояния свободы: естественная природная первобытная свобода и свобода, которую дают человеку деньги, власть и положение в обществе, – эту свободу олицетворяет собой процветающее буржуазное семейство Freeman. С другой стороны, в фамилии Freeman угадывается авторская ирония. Эрнестина далеко не «свободный человек», над ней довлеют общественные нормы и предрассудки, мнения света и желания ее семьи. Интересно отметить, что, характеризуя чувства Чарльза, который пытается бросить вызов уважаемому обществу, автор создаёт неологизм, производный от фамилии Freeman (*unFreemanish*):

«And Charles, though he wished he had not drunk so much, and so had to see everything twice over, found it delicious, gay, animated, and above all, unFreemanish» [Fowles 1996: 292].

Еще один пример воплощения принципов постмодернизма в романе – это сознательно заложенная автором возможность множественной интерпретации. В соответствии с постмодернистской концепцией «смерти автора» Р. Барта, отрицающей суверенную субъективность личности и утверждающей, что авторское сознание растворяется в тексте [Барт 1994: 358], Фаулз старается уйти от образа творца судеб своих персонажей. Он становится как бы на одну позицию с читателем произведения, который также не знает, как поведут себя герои романа, и чем закончится повествование. Писатель открыто заявляет о своей позиции наблюдателя и рассуждает о необходимости предоставления персонажам свободы (*liberty of action*) в рамках произведения:

“...to be free myself, I must give him, and Tina, and Sarah, even the abominable Mrs. Poultney, their freedom as well. There is only one good definition of God: the freedom that allows other freedoms to exist. And I must conform to that definition” [Fowles 1996: 99].

Морфологический повтор основной лексемы-репрезентанта индивидуально-авторского концепта (*free-freedom-freedoms*) в сочетании с общеоценочным прилагательным “good” (+) эксплицируют важность предоставления читателю свободы интерпретации.

Главный герой романа «*The Magus*» – англичанин Николас Урфе, проходит тяжкий путь познания и самопознания на Греческом острове Фракос, куда он отправляется после разрыва отношений с искренне преданной ему Элисон Келли. На острове он

попадает под влияние таинственного Мориса Кончиса – «мага», который преподает Николасу серию уроков и, таким образом, убеждает его в недопустимости индивидуалистических решений реальных жизненных проблем.

Сложный образ виллы Кончиса, Бурани, играющий важную роль в жизненных поисках главного героя, ассоциируется с образом лабиринта как символа поиска человеком своего пути и вызывает интертекстуальные переключки с поэтикой Х.Л. Борхеса. Обретение свободы неразрывно связано в романе с поиском собственного «Я», с постижением глубинных мотивов своих действий, с умением критически оценить собственные поступки. Николас борется с «авторитарным Кончисом», чьи эксперименты, однако, парадоксальным образом учат его пониманию сложности личной свободы. Лексическая единица “magus”, вынесенная в сильную позицию заглавия, имплицитно противопоставляет смыслы мудрости и затуманивания, своего рода двойственности, поскольку маги или волхвы в разных культурах представляли собой носителей некоей мудрости, недоступной другим людям, – от мудрецов и знатоков священных книг до знахарей и толкователей снов.

Роман «*Daniel Martin*» повествует о почти сорокалетнем периоде жизни заглавного героя, сценариста и писателя. Описывая события, происходящие в жизни Дэниела в период зрелости, автор перемежает их ретроспективными воспоминаниями о детстве и юности героя. Постоянное изменение временного плана и насыщенный событийный ряд отражают поиски героем своего – истинного – места в жизни.

Дж. Фаулз усматривает свободу в игровом начале творчества. Когда Дэниел Мартин обсуждает с Джейн желание написать книгу, он упоминает, случайно попавшийся ему в руки роман «*The Life and Times of Jonathan Doe*» (титульный лист и двести совершенно чистых страниц в очень красивом переплете). Этот образ можно трактовать как метафору «творчество – игра», которая одновременно подразумевает и уход от реальности, и обретение относительной свободы в рамках правил игры. Можно видеть в игре символ свободы творчества, которая дает свободу и автору-создателю текста, и читателю-интерпретатору.

В следующем контексте в результате проецирования ключевого понятия постмодернистской эстетики «игра» на понятие сво-

боды последнее наделяется такими чертами, как следование правилам и, как следствие, относительность. Следование правилам подразумевает соблюдение прав другого человека.

“...that is the way the English turn all outward freedom (as contrasted with that of the imagination) into a game with set rules: one where every freedom is allowed except the freedom to break those rules” [Fowles 1998: 90].

Итак, во всех проанализированных романах обнаруживаются элементы постмодернистской эстетики, оказавшей влияние на творчество Дж. Фаулза: интертекстуальные включения, а также языковые элементы, реализующие текстуальные стратегии игры и лабиринта, программирующие глобальную неоднозначность текста и высокую степень многообразия его интерпретационных решений. Наличие этих элементов как принципов построения четырех романов является важным основанием для рассмотрения их в качестве единого авторского текста.

* * *

АРНОЛЬД И.В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.

БАРТ Р., 1994. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.

ИЛЬИН И.П., 2001. Постмодернизм. Словарь терминов. М.

ЛОТМАН Ю.М., 1970. Структура художественного текста. М.

ФИЛИППОВА С.Г., 2007. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.

Источники:

ФИЛОСОФИЯ: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина, 2004. М.

FOWLES J., 1998. Daniel Martin. London.

FOWLES J., 1996. The French Lieutenant's Woman. London.

OXFORD DICTIONARY OF ENGLISH, 2006. Oxford.

Э.В. Седых (Санкт-Петербург, Россия)

ОБРАЗЫ «ГОРОД» И «ДЕРЕВНЯ» В ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ У. МОРРИСА

В статье рассматривается проблематика городского и сельского пейзажей в контексте жизни и художественного творчества английского поэта, писателя, художника, дизайнера и теоретика искусств Уильяма Морриса. Концепты «город» и «деревня» анализируются с точки зрения их сопоставления и противопоставления. Особое внимание уделяется рассмотрению доминирующего в творчестве Морриса архитектурного пейзажа и синтезу городского и сельского пейзажей.

Ключевые слова: английская литература XIX века, эстетика, модерн, образ

Фоном для многих произведений Морриса служит живописная сельская местность Англии. Его сельские пейзажи раскрывают тесную связь человека с природой, олицетворяют сознательное бегство от воздействия города. Многие описания вольных просторов связаны с детством писателя, с теми домами, в которых он провёл самое счастливое время жизни.

У. Моррис родился в 1834 г. в Элм Хаузе, Уолтемстоу. В 1840 г. семья переехала в поместье Вудфорд Холл, располагавшееся недалеко от Эпин Форест. Здесь, в предместьях Лондона, сформировалась его любовь ко всему живому и неживому, оттачивалось умение видеть, чувствовать, понимать природу. Здесь началась его «школа природы»: он изучал травы цветы и деревья, которые позже появились на обоях, коврах, гобеленах.

Вудфорд Холл располагался около Темзы и включал в себя парковое пространство, которое отделялось от леса изгородью. В лесу обитали звери и птицы; на его просторах размещались живописные земли, спускающиеся к красивой речушке Родинг. Описание Эпин Форест имеет место в «Вестях Ниоткуда»: «И вот мы у плёса, слева от которого раскинулась прелестная деревушка. Старинные дома её сбегали к самой кромке реки, к которой подходил паром. А за домами простиралась луга, окружённые со всех сторон вязами и окаймлённые величественными ивами. По правому же берегу тянулся бечевник и открывался вид на сонмище древних деревьев-исполинов, которые украшали собой огромный парк» [Morris 1984: 124].

Вудфорд Холл, несмотря на близость к Лондону, оставался частью первозданной Англии и мало изменился за сотни лет истории. Здесь были непроходимые чащи, заросли граба и бука, бескрайние поляны, по которым не ступала нога человека. Из поместья можно было наблюдать, как петляет Темза, огибая болота, касаясь своими водами пахотных земель и пастбищ. Рядом с Вудфорд Холлом располагалась георгианская церквушка, а напротив дома красовалось озеро: «Пред нами среди зелени садов графства ... вилась узкая ленточка Темзы; а невдалеке виднелся красивый островок, заросший изящными деревьями. К западу от нас по склонам поднимался смешанный лес, нависая над небольшим лугом на южном берегу реки; к северу же от самой кромки воды отлого взбегали вверх бескрайние заливные луга. А над лесной чащей возвышался изящный шпиль старинного здания» [Morris 1984: 165].

Другим моррисовским домом был Уотер Хауз, утопающий в лугах, с водоёмом, который и дал ему название – «Дом у воды». Водоём окружал небольшое пространство, образуя остров, который в своём первозданном диком виде, покрытый зарослями падуба, боярышника и каштана был для мальчика с его богатым воображением своего рода сказочным царством.

В юности Моррис не представлял своей жизни без родных мест. В письме к Ф. Бёрн-Джонсу (1874 г.), он писал, что в школьные дни ничто не доставляло ему большей радости, чем возвращение домой. В раннем *romance* «Тайное письмо Фрэнка» Моррис так передал свои ощущения и мечты, связанные с каникулами в Уотер Хаузе: «Я примечал каждый поворот ручейка, каждое биение вод его о мшистые камни, каждую прожилочку на широких листьях водных цветов. Я спустился к ручью и, склонившись, сорвал пышный пучок болотных ноготков, а затем, встав на колени, потянулся к воде и зажатые в руке жёлтыми цветами быстро коснулся её поверхности, от чего по воде пошли пузырьки. И когда я проделывал это, на меня внезапно нахлынули воспоминания, которые бередили прошлое, оживали в моём сознании, обретая форму и облекаясь в слова» [Morris 1913: 298].

Искусство взрослого Морриса было полностью основано на детских воспоминаниях, в особенности, о жизни в Вудфорд Холле. Он возвращался к ним до конца жизни, черпая вдохновение из этого неиссякаемого источника. Дом моррисовского детства стал

центром духовного развития, жемчужиной будущего творчества, ростком, который дал многочисленные побеги во всех сферах искусства. Моррис лишь постоянно расширял границы своего мира, но никогда не переносил его центр в иные пространства.

Когда Уильяму исполнилось 9 лет, его отправили в Мальборо Колледж, располагавшийся в живописнейшей части Англии. Будучи в колледже, Моррис изучал родной край, совершая в одиночестве путешествия по дремучим лесам, сочиняя истории о красоте земли. Впоследствии идея счастливой жизни детей в изоляции от внешнего мира, от города вдохновила Морриса на создание произведений, в которых человек либо добровольно ведёт простую жизнь в доме в лесной чаще, либо с раннего возраста воспитывается в глуши среди природных сил и стихий, не зная своего истинного происхождения. Подобные герои, согласно Моррису, – не дикари, не знающие благ цивилизации, а люди, достойные уважения и преклонения, так как они знают, куда идут, к чему стремятся. Такие истории основаны на эффекте проведённого вне общества детства, которое заканчивается или восхождением на престол («О Чайлд Кристофере и Прекрасной Голдилинд»), или всеобщим признанием («Воды Дивных Островов»).

В 1853 г. Моррис начал обучение в Эксетер Колледже в Оксфорде, городе XV в., хранившем историю в каменных домах, церквях, соборах, садах. Оксфорд стал для него «волшебным средневековым пережитком в современном мире» [Burdick 1997: 19]; проведённые в нём годы сформировали его как личность. В Оксфорде царил особая атмосфера, благоприятная для духовного развития и творчества. Средневековый характер города, старинные традиции университетской жизни, живописность природы способствовали развитию творческого мышления, воспитывали художественный вкус.

За время пребывания в Эксетере Моррис изучил множество средневековых церквей в разных уголках Англии. Ещё в раннем детстве он вместе с отцом посещал древние церквушки Эссекса, побывал в Кентерберийском соборе. После окончания колледжа, поступив в мастерскую Стрита, Моррис принял участие в реставрации оксфордских церквей и сделал многочисленные зарисовки церквей в Блоксеме, Бэнбери, Эдденбери. В 1861 г. Моррис принял участие в создании фирмы «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Компания». Первоначальным занятием фирмы были наружная

и внутренняя отделка церквей Всех Святых в Селсли, Святого Мартина-на-холме в Скарборо, Святого Михаила и Всех Ангелов в Брайтоне.

Переехав в Лондон в 1857 г., Моррис продолжал грезить о сельской жизни. После бракосочетания с Джейн Бёрден его захватила идея создания Дворца Искусств – Ред Хауза, декорированием которого он занимался на протяжении 1859–1863 гг. Ред Хауз был построен в сельской местности в предместьях Лондона, для чего Моррис приобрёл участок плодородной земли в Биксли Хиз, на котором располагались луг, фруктовый сад, холмы, рощицы, речушки, – именно такой пейзаж был близок и дорог его сердцу.

Сад, засаженный яблонями и вишнями, стал украшением общей композиции, в центре которой возвышался дом из красного кирпича, увенчанный крышей из красной черепицы. Моррис культивировал эстетику сада, в котором уживались естественное, природное, и очеловеченное, архитектурное, начала. Сад в Ред Хаузе был спланирован в средневековом духе: разделён на четыре квадратных садика, составлявших вместе большой квадрат. Каждый садик был окружён живой изгородью с калиткой, а по всей изгороди вились дикие розы. В этом саду было место роскошным фруктовым деревьям и прекрасным цветам, шёлковой траве и вьющимся растениям, «средневековым» аркам и решёткам.

В 1865 г. Моррису пришлось оставить Ред Хауз и переехать в Лондон, куда были переведены и художественные мастерские. Годы, проведённые в стенах города, не смогли, однако, подавить моррисовскую неутолимую страсть к природе. Он постоянно говорил и писал о своей любви к земле и преклонении перед ней. Именно поэтому после вынужденной продажи Ред Хауза и нескольких лет жизни в урбанистическом Лондоне Моррис вновь загорелся идеей приобрести загородный дом. В 1871 г. он совместно с Россетти арендовал, а затем выкупил Кельмскотт Мэнор постройки 1570 г. Здесь появились его превосходные «средневековые» лирические стихотворения (например, «Тайный лес» и «Времена года»). Кельмскотт Мэнор с его красотами стал экспозицией «Романа на синей бумаге».

Ещё в дни создания Ред Хауза Моррис мечтал о ремесленной компании в предместьях Лондона, которые располагались бы в

живописной местности на берегу реки. Когда основными занятиями фирмы стали ткачество, крашение и печатание на обоях и ткани, потребовались просторные помещения, большое количество воды и безлюдное пространство. Вскоре было найдено подходящее место – Мёртон Эбби в графстве Сарри, где в 1881 г. на месте шёлковой фабрики возникла моррисовская мастерская по окрашиванию тканей. В скором времени в Мёртон были переведены и другие мастерские, занимавшиеся выпуском витражных окон, ковров, вышивок, плитки, мебели, обоев, украшений для дома, покрывал, скатертей, обивочного материала, изделий из ткани («моррисовские ситцы»).

Моррис явился инициатором создания Общества защиты старинных зданий. Старинное здание было для него многоликой одушевлённой сущностью, и он воспринимал его разрушение как смерть неповторимой личности. Он выступал против реставрации, считая её пагубной для архитектурной «души», предлагая вместо реставрации концепцию консервации.

Моррис уделял большое внимание проблемам архитектуры. Безымянные произведения искусства – соборы, аббатства, дворцы, церкви, часовни – становились зачастую героями его литературных произведений. В рассказе «Ночь в соборе» в качестве экспозиции он использовал архитектурные красоты Амьена, в «Истории Неизвестной Церкви» воссоздал образ собора в Шартре. В поэме «Зимняя погода» Моррис обратился к образу средневековой башни, возвышающейся в центре города Дрю. Оксфорд с каменными домами и башнями появляется в его «Сне про Джона Болла», а «греческие» и «северные» истории «Земного Рая» и полотна всех *romances* украшают средневековые европейские городские пейзажи с замками и мостами, колокольнями и часовнями, шпилями и флюгерами.

В литературных произведениях Моррис рисует яркие городские пейзажи и живописует невозделанную, первозданную природу, являющуюся, по его мнению, актуализированной ценностью человеческого мира. Но, если общение человека с невозделанной природой и её стихиями для художника есть великое благо, источник духовного обогащения, побуждающий его к поиску духовного единения с окружающим, дарующий веру в возможность душевной гармонии, то городские пейзажи (особенно, лондонские), не вызывают в его душе большого отклика.

Вместо городского Моррису больше импонировал архитектурный пейзаж, в том числе, готический. Готический пейзаж появляется в ранних *romances* «Золотые крылья», «Лощина», «Тайное письмо Фрэнка», «Заводь Линденборг»; в поэмах «Мелодия семи башен», «Рапунцель», «Часовня в Лайонессе»; в поздних *romances* «История Сверкающей Равнины», «Лес по ту сторону света», «Колодец на краю света», «Воды Дивных Островов», «Разлучающий Поток». В этих произведениях кроме дремучих лесов, таинственных озёр, волшебных островов, загадочных долин, есть готические замки и их живописные руины. В моррисовских пейзажах дворцы превращаются в руины и исчезают с лица земли; острова преобразуются в цветущие сады, непроходимые чащи, земли, «где царит ничто». В свою очередь, развалины замков, руины церквей и пустоши сменяются у него зелёным раздольем лугов и пашен, природным и архитектурным великолепием; а природный и архитектурный ландшафты гармонично сосуществуют.

В природных пейзажах Моррис любил не только бескрайние голубые дали, холмистые равнины, заливные луга, усеянные цветами, рощи вязов и серебристые ивы на речном берегу, его восхищали и находящиеся в их «контексте» старинные здания. Он особенно ценил их органическое единство с пейзажем, которое считал неотъемлемой чертой архитектуры будущего. В «Истории Неизвестной Церкви» средневековая церковь, находящаяся в центре повествования, имплицитно единение архитектурного, сельского и садового пейзажа: «Аббатство, где мы построили церковь, было окружено не каменными стенами, а грядой тополей, ... и сквозь ветви и стволы деревьев нашему взору открывалось огромное золотое море пшеницы, которое растекалось в разные стороны и колыхалось от ветра. ... По пшеничному морю бежала голубая речка, за изгибами которой устремлялись и зелёные луга, и ряды исполинских тополей. ... Здания Аббатства ... соединялись с церковью крытой аркадой арок, и посреди этой аркады раскинулась лужайка, в зелени которой возвышался мраморный фонтан с вырезанными на нём по окружности цветами и дивными тварями; а около арок на краю лужайки в этот осенний день цвело множество подсолнухов, и взбирались по колоннам армады пассифлоры да розы. ... Внутри тополиного круга чуть дальше от церкви за аркадой находились другие здания, окружённые

огромным садом; ... а посреди этого сада разместился акведук, расписанный библейскими легендами; и также как и фонтан, он был покрыт изображениями цветов и дивных тварей» [Morris 1913: 142–143].

Тезис о слиянии архитектуры как творения человеческих рук и природы как творения Бога стал основополагающим в эстетической теории Морриса. Он защищал не только средневековые строения, но и древние создания природы. Он призывал беречь ландшафт как памятник культуры, как слияние красоты земли и красоты архитектуры. В 1891 г. была опубликована статья «Под вязом», положившая начало серьёзной и плодотворной деятельности Морриса по сохранению природных ландшафтов в их первоизданном виде. С этой статьи в Англии началось Движение по охране окружающей среды. Со всей душой он подошёл к проблеме консервации Эпин Форест, сказочного пространства своего детства, выступив против превращения этого фрагмента старинной Англии в современный парк.

Моррис на протяжении всей жизни оставался большим любителем сельских просторов. Сельская местность с её живописными пейзажами и старинными зданиями всегда привлекала его больше, чем грязные и серые города, которые он воспринимал как места, где добро и зло, контрастируя, сливаются воедино. Именно на прекрасных просторах природного мира виделось ему желанное будущее человечества, а город с его архитектурой должен был стать органичной частью этого мира. В докладе «Город и деревня», сделанном в 1894 г. в Манчестере в Энкоутском Братстве, он заявлял: «Я не хочу, чтобы города превратились в придатки деревень и наоборот; я хочу, чтобы город был пропитан сельской красотой, а сельская местность наполнилась бы интеллектом и живостью города. Я хочу, чтобы каждый участок стал чистым, аккуратным и опрятным; приятный дом, окружённый акрами и акрами садов. С другой стороны, я хочу, чтобы и город стал чистым, аккуратным и опрятным; короче говоря, – садом с прекрасными зданиями». В этом тезисе воплотилась прекрасная моррисовская идея о городе-саде, ставшая основополагающим принципом движения архитекторов за создание «города внутри сада».

Идея слияния города и деревни в единое живописное пространство «город-сад» нашла выражение в «Вестях Ниоткуда».

Действие этого *romance* протекает в графстве Эссекс в возрождённой постцивилизированной Англии далёкого будущего, где Лондон предстаёт не как индустриальный город, а как кусочек земли из долины Ли Вэлли. Его «Лондон» превращается в средневековый город будущего – маленькое королевство, утопающее в лугах и садах, в котором чисто и красиво: «Англия вдруг превратилась в привольную страну, раскинувшуюся среди лесов и рожиц; она стала настоящим садом, где ничего не портят и ничего не разрушают» [Morris 1984: 61].

Экспозиция «Вестей Ниоткуда» представляет собой сцены из моррисовского детства: «По обоим берегам, немного в стороне от реки, тянулся ряд превосходных домиков, большей частью, кирпичных с черепичными крышами. Они казались такими уютными и, если так можно выразиться, живыми, пребывающими в полной гармонии со своими обитателями. Пред ними, спускаясь к самой кромке воды, простирались сады, наполненные благоуханием летнего пиршества цветения, распространявшимся упоительными волнами до самого речного потока. За домами возвышались могучие деревья, в основном, платаны; а по течению реки в направлении Путни я заметил плёс, напоминающий озеро, заросшее густым, вековым лесом» [Morris 1984: 6–7]. В *romance* Моррис выражает свои чувства и пережитые им открытия: радости привольно-красивого детства, устремления романтической юности, чаяния творческой зрелости. Главный герой, свершающий свой жизненный путь, внешне и внутренне напоминает самого Морриса. Когда герой путешествует по чудесным землям, он как бы воскрешает в памяти писателя и пасторальность Кельмскотт Мэнор, и эстетичность Ред Хауза и Кельмскотт Хауза, и живописность Исландии и Ирландии.

В «Колодце на краю света» Моррис представил природу как эмоционально-чувствительное живое существо. Его дикие пейзажи буквально «дышат» северностью, а в описаниях родных земель Ральфа просматривается моррисовский Кельмскотт Мэнор с его холмами, рощами и речками, огромным садом и средневековой архитектурой. Сочетание реальных английских пейзажей его жизни и исландских пейзажей его путешествий создаёт живописный идиллический пейзаж его волшебного *romance*.

Герои этого произведения, как и других творений писателя, всегда «привязаны» к пейзажу – лесам, равнинам, колодцам, го-

рам, морским берегам, и это есть «ключ» к пониманию человека: приволье природы выражает у Морриса внутреннее «я» человека, его духовную свободу. В *romance* также существуют и города, но, в отличие от природных ландшафтов, они служат внешней стороной, защитной оболочкой души. Лишь за пределами городов человек может познать своё истинное «я»; лишь в общении с природой и её составляющими, как считает писатель, можно открыть законы своей истинной сущности.

Экспозицией другого позднего *romance* Морриса «О Чайлд Кристофере и Прекрасной Голдилинд» является не историческая Англия с её замками и богато украшенными домами, а мир сказочного леса, являющийся и природной реальностью, и райской обителью. Волшебный лес с первых страниц создаёт живописный фон для всего повествования: «Древняя земля представляла собой сплошной лес, и изрёк бы менестрель, что, если белка могла бы обскákat землю от края до края и обратно, то она сделала бы это, прыгая с дерева на дерево, не касаясь земли» [Morris 1977: 3]. Деревья воплощают здесь кельтскую символику мудрости и силы, ассоциируются с библейским Древом Жизни и великим деревом Иггдрозилл из северной мифологии, которое удерживало на корнях и ветвях Вселенную. В этом лесу нет ни одного сухого дерева; он полон жизни, движения, развития: «вытекая из заводи, поток взрывался волнами над чистыми пространствами золотого песка, и то тут, то там в бурлящей воде прыгали резвящиеся рыбки», «над опушкой дремучего леса громко и нежно распевали соловьи», «в излучине реки виднелся островок, засаженный по кромке воды ивами, среди зелёной травы которого бурлила постоянная и звучная жизнь» [Morris 1977: 75, 137, 164].

Моррисовский лес олицетворяет не только могучую силу, которая защищает героев от внешнего зла (людей, города), но и имплицитно безграничные возможности в возрождении и перерождении личности. Голдилинд и Кристофер оказываются в лесу, который даёт им пищу и кров, излечивает их физические и душевные раны, соединяет их одинокие хаотичные сущности в единое гармоничное сознание. Не случайно в начале знакомства герои одеты в зелёное одеяние леса (символ неведения и разобщённости), которое, сменившись на богатые королевские платья (символ могущества и одиночества), возвращается к ним в виде старинных зелёных одежд (символ единения и взаимопо-

нимания), когда (в конце книги) они вновь приходят в лес. Из этого леса, ставшего для них земным раем, они выходят преображёнными личностями, воплощающими в себе «естество цивилизации», и уходят в город, чтобы просвещать, творить и дарить людям познанную ими радость бытия.

Моррис преклонялся перед природой как перед прекрасной женщиной; его восхищали величественные леса и благоухающие сады, где он мог спокойно созерцать природу, испытывать радость от общения с красотой земли, предаваться размышлениям о жизни и искусстве. В предпоследней главе его «Вестей Ниоткуда» Моррис писал: «Боже! Боже! Как же я люблю землю, и времена года, и погоду, и всё, что связано с землёй, и всё, что на ней произрастает ... Земля, её развитие, её существование! Не хватает слов, чтобы выразить всю мою любовь к ней!» [Morris 1984: 174].

В своих письмах друзьям он с большой любовью и присущим ему мастерством описывал времена года. В февральском письме 1871 г. он писал о цветах, пробивающихся сквозь снег, несмотря на холодные ветра и дожди – крокусах, аконитах, жасмине, подснежниках, фиалках, примуле и замечал, как прекрасно лицезреть ту надежду, которую дают создания, пробивающиеся на свет из земли, ещё ничем не покрытой. В апрельском письме Моррис по-детски удивлялся красоте обыкновенной травы: «Я никогда до сих пор не осознавал, насколько зелёной может быть трава весной; она такая зелёная, что приближает невидимое и превращает обыкновенный пейзаж в средневековую картину» [Mackail 1922: 254].

Для Морриса природа и общение с ней были душевной потребностью; в ней он черпал вдохновение, видел неиссякаемый источник прекрасного. Деревья, травы, цветы, птицы, реки, облака, звёзды – то, что Моррис называл «ликом земли», – были для него естественной жизненной средой, дарующей духовное здоровье, наделяющей чувством гармонии, красоты, человеческого единения со всем живым на земле. Именно поэтому природная символика стала основной темой произведений литературы, живописи и декоративного искусства Морриса, имплицитно извечный синтез естественной красоты, эстетизма искусства и таланта человеческой личности. В его произведениях приоритет всегда отдаётся предместью города, сельской местности, где властвует

чистая, ничем не замутнённая реальность, а город превращается в цветущий сад.

* * *

BURDICK J., 1997. William Morris. Redesigning the World. NY.

MACKAIL J.W., 1922. The Life of William Morris. London.

MORRIS W., 1913. Frank's Sealed Letter // The Early Romances in Prose and Verse. London. – Pp. 288–303.

MORRIS W., 1984. News from Nowhere. London.

MORRIS W., 1977. Of Child Christopher and Goldilind the Fair. Newcastle.

MORRIS W., 1913. The Story of the Unknown Church // The Early Romances in Prose and Verse. London. – Pp. 141–149.

Источники:

MORRIS W., Town and Country // URL: <http://www.marxists.org/archive/morris/works/index.htm>

О.Е. Филимонова (Санкт-Петербург, Россия)

«ЧУЖОЙ ЯЗЫК» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению взаимодействия дискурсов в поэтическом тексте. Чужое слово рассматривается в прямом и переносном смысле. Анализируются включения слов и высказываний на иностранных языках в англоязычные стихотворения. Разграничиваются понятия интертекстуальности и интердискурсивности, предлагается классификация интерлингвизмов, то есть включений на иностранных языках, а также анализируются их функции в поэтическом тексте.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интердискурсивность, интерлингвизм, функция локализации, лингворефлексия*

«Чужое слово» изучается в связи с проблемами интертекстуальности, интердискурсивности/интердискурсивности, полидискурсивности и интерференции дискурсов [Лотман 1981, Арнольд 1999, 2004, Камовникова 2000, Гумен 2004, Пигина 2005, Малаховская 2007, Троицкая 2008, Чернявская 2009, Белоглазова 2010, Шевченко 2010 и др.]. Мы обращаемся в настоящей статье к изучению чужого слова в прямом и переносном смысле, полагая вслед за М.В. Никитиным, что изучение взаимодействия, интеграции и противоборства смыслов в культурологическом пространстве является важной задачей изучения текста в его привычном осмыслении [Никитин 2005: 121]. На материале текстов современной англоязычной поэзии мы покажем, как функционируют в них включения на иностранных языках. Важно отметить, что такие включения могут являть собой случаи интертекстуальности и характеризоваться сменой субъекта речи, но могут и не быть таковыми. В тех случаях, где иностранные включения не являются прецедентными текстами с иным субъектом речи, целесообразно говорить не об интертекстуальности, а об *интерлингвистичности*. Интерлингвистичность, таким образом, предстает как понятие, отражающее любое использование в тексте иностранного языка, то есть не только «интертекстов», но и отдельных слов на иностранных языках. (Ср. понятие «интерлингвальности» и парольной функции у И.В. Воробьевой [Воробьева 2007: 155]).

Анализ 62 стихотворений современных англоязычных авторов позволил нам предложить классификацию *интерлингвизмов*,

то есть включений на иностранных языках в текст на родном языке.

Интерлингвизмы, используемые в поэтическом тексте, образуют следующие оппозиции:

- 1) ожидаемые vs неожиданные
- 2) одноязычные vs многоязычные
- 3) интертекстуальные vs паратекстуальные
- 4) интердискурсивные vs монодискурсивные
- 5) эксплицируемые vs неэксплицируемые
- 6) лакунарные vs нелакунарные
- 7) лексического уровня vs уровня текста

Рассмотрим последовательно указанные оппозиции.

1) Использование иностранного языка в стихотворении можно считать ожидаемым, или рационально обусловленным, когда речь в стихотворении идет о путешествиях в различные страны, о жителях этих стран, о художественных произведениях или научных трактатах, написанных на иностранных языках и т.п. Например, в стихотворении “The Elegant Ladies of Tallinn” М. Хэлперин использует эстонские слова *aitah* и *uks*: They are slender and the little bulbs at the ends of their thin noses twitch when they speak Estonian: *aitah* and *uks*, or rarer, stranger words for *thank you* and *one* [HTAD, 18]. Неожиданные интерлингвизмы имеют эмоциональную обусловленность. Так, элементы фатической коммуникации на разных языках, включенные в юмористическое стихотворение “Don’t Kiss Me” П.Эйрис, выражают неприязненное отношение как к чужестранцам, так и к соотечественникам, нарушающим личное пространство лирической героини:

Oh don’t kiss me, I implore you, for I cannot stand the strain,
I seldom kiss my husband and you don’t hear him complain,
So au revoir! Auf Wiedersehen! Just tell me that you’ll miss me
But please, if we should meet again, don’t pucker up! DON’T
KISS ME [A, 23]!

2) Как и следует из названия второй группы интерлингвизмов, они представляют собой включения в текст стихотворения на каком-то одном иностранном языке, что мы наблюдаем в подавляющем большинстве случаев, но в некоторых произведениях (как, в частности, в вышеприведенном) встречаются случаи

включений на нескольких иностранных языках. В известной поэме Т.С. Элиота “The Waste Land” используются включения на латинском, древне-греческом, итальянском, немецком, французском и санскрите [Е, 108, 110 и др.].

3) Интертекстуальные включения на иностранных языках противопоставляются паратекстуальным (в терминологии И.В. Арнольд *метатекстуальным*) по пространственным параметрам – последние выявляются в названии стихотворения или в эпиграфе, то есть предшествуют тексту стихотворения. Примеры паратекстуальных интерлингвизмов – латинское название стихотворения Ш. Оулдс Frontis Nulla Fides [ОВАР, 129], французские названия стихотворений Э.Бишоп Chemin de Fer и Cirque d’Hiver [В, 8, 31], эпиграф на итальянском языке из поэмы Данте E detto l’ho perche doler ti debbia к стихотворению У. Мэттьюза “Grief” [МВА, 314].

4) Интердискурсивные включения на “чужом языке” принадлежат к дискурсам, отличным от принимающего их (в данном случае, поэтического) дискурса, например, цитаты из философских трудов на древне-греческом и немецком языках в произведениях Т.С. Элиота. Монодискурсивные интерлингвизмы являются представителями одного типа дискурса с включающим текстом. Так, в стихотворении Т.С. Элиота “The Love Song of Alfred J. Prufrock” эпиграф на итальянском языке взят из поэмы Данте “Божественная комедия”, то есть, различаясь по языкам, дискурсы стихотворения и эпиграфа к нему принадлежат к одному типу.

5) Эксплицируемые интерлингвизмы поясняются в тексте. В стихотворении Ф. Метреса “Ashberries: Letters” поясняется значение русского слова “рябина”, используемого в транслитерации:

Outside in a country with no word
for *outside*, they cluster on trees,
red bunches. I looked up
ryabina found *mountain ash*. No
mountains here, just these berries
cradled in yellow leaves [М, 105].

В этом же стихотворении находим неэксплицируемый интерлингвизм *dvorniks*, о значении которого читатель может догадаться по контексту:

Cigarettes between teeth,
The old *dvorniks* rake, scratch the earth [М, 106].

В некоторых случаях отсутствие объяснения закономерно, поскольку важно не столько дословное понимание фрагмента речи на иностранном языке, сколько общая атмосфера и ассоциации, связанные с ним. Так, например, в названии стихотворения Д.Г. Лоуренса *Giorno Dei Morti* (день смерти) [Л, 33] итальянское слово *Giorno* (день) не объясняется, хотя оно может быть непонятно читателю, однако его употребление в контексте с узнаваемым словом *Morti* позволяет понять, что речь пойдет о дне всех святых. В стихотворении У.Стивенса находим неэксплицированные включения на немецком языке, которые могут ассоциироваться с атмосферой порядка и благопристойности:

Ach, Mutter
This old black dress,
I have been embroidering
French flowers on it.

Not by way of romance,
There is nothing of the ideal,
Nein,
Nein.

It would have been different,
Liebchen,
If I had imagined myself,
In an orange gown,
Drifting through space,
Like a figure on the church-wall [WS, 72].

Замена немецких слов английскими эквивалентами (oh, mother, no и darling) не нарушила бы ни ритмической организации стиха, ни его содержания, но исказила бы его эмотивный смысл.

6) Лакунарные интерлингвизмы заполняют пробел, то есть отсутствие наименования в родном языке ввиду отсутствия реалии, например, отсутствия маршруток, или маршрутных такси, и продовольственных талонов в США:

A friend asks why I keep returning to Russia, and I talk about people

In a “march-route” taxi passing money to a passenger in front [FTM, 25].

Talons, they were called, or, more affectionately, talonichki [FTM, 57].

Оба примера взяты из сборника М. Хэлперина “Falling Through Music”. Второе стихотворение озаглавлено “Talonichkaya vodka”. И в названии, и в тексте стихотворения, как мы видим, допущены ошибки в транслитерации русских слов.

По сравнению с облигаторными лакунарными, нелакунарные интерлингвизмы могут представляться избыточными с точки зрения логики, но нарушения логики в искусстве всегда художественно значимы. (См. примеры нелакунарных включений на немецком языке в вышеуказанном стихотворении Стивенса).

7) Интерлингвизмы лексического уровня представляют собой отдельные лексемы, фразеологические или свободные словосочетания. Они противопоставляются интерлингвизмам текстового уровня, представленным более протяженными фрагментами текста на иностранном языке, синтаксически оформленными как более или менее автономные высказывания. Включения в текст стихотворения из отдельных иностранных слов, представляющие собой единицы лексического уровня языка, характерны для основного текста стихотворения, в то время как включенные единицы, представляющие собой интексты со сменой субъекта речи, встречаются преимущественно в эпиграфе.

Важно отметить, что частота использования иноязычных включений в метадискурсах различных поэтов, то есть в совокупности поэтических произведений того или иного автора, существенно различается. Так, например, в нашей выборке наименьшее число интерлингвизмов обнаружено у Д.Г. Лоуренса, что неудивительно, поскольку для него приоритет в поэзии всегда принадлежал эмоциям, а интеллектуализация поэзии им порицалась. Наибольшее число иноязычных включений выявлено у Т.С. Элиота, представителя ассоциативной поэзии, характеризующейся зашифрованностью и перегруженностью цитатами. Ассоциативный эффект рассчитан на то, что цитируемое произведение хорошо знакомо читателю. В случае вкрапления интекста

на иностранном языке предполагается и знание читателем языков цитируемых произведений, что, конечно, утопично, поэтому более поздние издания стихов Т.С. Элиота содержат объемные комментарии.

Наблюдения над прагматикой использования чужого слова в стихотворениях британских и американских поэтов XX и начала XXI веков позволили выявить ряд функций интерлингвизмов, среди которых функция локализации, характерологическая, создания контраста, создания аутентичности повествования, выдвижения смысла, комическая/лудическая функция, ассоциативно-эмотивная, интермедияльная и лингворефлексивная. Поясним сказанное на примерах.

Интерлингвизмы реализуют функцию локализации, то есть обозначения места (названия страны, города, улицы, реки и т.п.), о котором идет речь. В стихотворении А. Боярса “Florence: Garibaldi Day 1949” используются названия улиц на итальянском языке:

No streets what they say.
No lovers
In the Via dell' Amorino,
No beauties
In the Via delle Belle Donne [BNP, 133].

Интересно параллельное использование переводного и транслитерированного обозначения места в начале стихотворения М. Хэлперина “Waiting”:

Is it the Leningrad Station's stairs of marble,
Or lined by flower- hawkers and topped
By four huge eagles the Kievskiy Voksal [TAD, 16]...

Характерологическая функция имеет место при использовании интерлингвизмов в качестве репрезентации каких-либо отличительных свойств персонажей и лирического героя стихотворения. В стихотворении С. Плат “Daddy” использование фраз на немецком языке недвусмысленно характеризует отца лирической героини как нациста, а также свидетельствует о пацифистских взглядах лирической героини и ее личной драме:

I never could talk to you.
 The tongue stuck in my jaw.
 It stuck in a barb wire snare
 Ich, ich, ich, ich,
 I could hardly speak.
 I thought every German was you.
 And the language obscene.

I have always been scared of *you*,
 With your Luftwaffe, your gobbledygo,oo,
 And your neat moustache
 And your Arian eye, bright blue.
 Panzer-man, panzer-man, O You [P, 65]

Далее встречается следующая характеристика отца: “a man in black with a Meinkampf look” (P, 66). Эпитеты Panzer (танк) и Meinkampf (название книги Гитлера) убедительно представляют отталкивающий образ фашиста.

Как функция локализации, так и характерологическая могут осуществляться параллельно с функцией создания аутентичности повествования, однако последняя не ограничивается подобными случаями. Аутентичность повествования достигается также использованием иноязычных наименований реалий. Иногда это создает большие трудности в понимании стихотворения. В произведении М. Хэлперина “Lafcadio Hearn in Matsue” на одной странице используются наименования пяти японских блюд soba, daikon, miso, ohashi, kamaboko [MI, 54]. Даже несмотря на то, что часть из этих реалий объясняется в тексте стихотворения, полное понимание текста затруднено.

Функция создания контраста выявляется при возникновении отношений противоположности между значением интерлингвизма и включающего текста. Так, французское название стихотворения Дж. Уэйна “Au Jardin des Plantes”, вызывающее приятные ассоциации, резко контрастирует с началом стихотворения:

The gorilla lay on his back,
 One hand cupped under his head,
 Like a man [W, 127].

Далее становится ясно, что контраст является художественным приемом, на котором основано все стихотворение, о чем свидетельствует, в частности антитеза terrible strength – beautiful strength. Основная идея стихотворения состоит в том, что все живое на земле прекрасно, и название стихотворения осмысливается по-новому как метафора после прочтения всего стихотворения.

Использование интерлингвизмов может приводить к комическому эффекту или своеобразной игре с читателем. Французское название стихотворения Стивенса “Le Monocle De Mon Oncle” производит комический эффект, подкрепляемый рифмой. Название стихотворения М. Хэлперина на идише Goyishe Kopf (не-еврейская голова) расшифровывается и обыгрывается в тексте стихотворения:

My father would climb from the basement
 To smile knowingly. *Goyishe Kopf*,
 He'd chide at a silly question about
 politics. Streetlight fringed the trees
 as he buried a large hand in my hair.

“Gentile head,” it means. And now
 I bow mine to him uncovered,
 My neck too straight for a Jew's [MI, 6].

Далее лирический герой иронично отмечает: We are all goys, Dad. Who speaks Yiddish or Hebrew or even Russian here [MI, 6].

Ассоциативно-эмотивная функция предполагает наличие более сильной эмоциональной окраски у заимствованного из чужого языка слова или выражения. Так, в стихотворении Стивенса “Waving Adieu, Adieu, Adieu” противопоставляются экзальтированность и сдержанность в выражении чувств:

That would be waving and that would be crying,
 Crying and shouting and meaning farewell,
 Farewell in the eyes and farewell at the center,
 Just to stand still without moving a hand [S,127].

В тексте стихотворения 5 раз используется «нейтральный» английский эквивалент farewell экспрессивного французского слова

adieu, вынесенного в название. Стихотворение Э. Винсент-Милей “Recuerdo” (исп. «Я вспоминаю») представляет собой воспоминание о романтическом времяпрепровождении. Использование испанского языка в заглавии усиливает экспрессивно-эмотивную составляющую смысла стихотворения.

Интермедиаальная функция «чужого слова» осуществляется, когда в текст на родном языке включается фрагмент на иностранном языке, репрезентирующий дискурс другого вида искусства, например, киноискусства, музыки или живописи, как, например, в стихотворении К. Робинс “Les Demoiselles d’Avignon”. Стихотворение навеяно полотном Пикассо и написано от лица уличных женщин (we demoiselles), зазывающих клиентов:

Posed for our waiting customers,
Blue lights and pinkest skin,
Love is war as we group together
Before the table, the fruit,
Our secret slit –
Come, taste our perfumed taste [R, 142]!

В заключение приведем пример из того же стихотворения, где чужое слово используется в лингворефлексивной функции:

...where from that bordello,
bordello is a more mellow word –
for that jungle of fear behind
those walls... [R, 143].

Лингворефлексия – это объективированное в тексте художественного произведения размышление о каких-либо конкретных единицах языка, затрагивающее лингвистические аспекты использования этой единицы. Интересно совмещение лингворефлексивной и ассоциативно-эмотивной функций интерлингвизмов в стихотворении М. Хэлперина “Buying Jewelry in Saint Petersburg”:

She says they were “repressed”, a verb compassionately vague,
suggesting train rides, taiga and birches without end, rather than
“the end” the camps were, the years excised from livesthat only

sometimes started up again. *Rasstrelyat*, to execute by firing squad,
is specific as a splash of chilly local color [FTM, 27].

О функции выдвижения смысла можно говорить практически во всех случаях использования интерлингвизмов, однако следует особо выделить их употребление для выдвижения содержательно-ценностной информации, глубинного смысла стихотворения, его «послания». Нельзя не согласиться с Е. Фарино, когда он пишет о том, что возможность выразить то же иными средствами означает необязательность этих именно средств, их сочиненность или произвольность. «Мотивация или обоснование возникнет тогда, когда формальные аспекты станут содержательными» [Фарино 2004: 435].

Ю.М. Лотман отмечал, что искусство может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведение искусства – как текст на этом языке [Лотман 1998: 22]. По мнению Е. Вежлян, выраженному ею в одном из телеинтервью, «язык поэзии – иностранный язык». Действительно, поэтическая реальность – это особая территория, для освоения которой надо изучить ее художественный язык, а это может оказаться нелегкой задачей, особенно если изучение иностранного языка в метафорическом смысле требует обращения к различным иностранным языкам в прямом смысле.

Проведенный здесь анализ показал, что поэзия – это еще и язык межкультурной коммуникации, впитывающий в себя чужие языки и вступающий с ними в диалог. Эффект от использования чужого языка в поэзии может быть различным. Он зависит как от таланта поэта, провоцирующего диалог языков и культур, так и от подготовленности читателя, его языковой и общекультурной компетентности.

* * *

АРНОЛЬД И.В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.

АРНОЛЬД И.В., 2004. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. М.

БЕЛОГЛАЗОВА Е.В., 2010. Дискурсивность, интердискурсивность, полидискурсивность литературы для детей. СПб.

ВОРОБЬЕВА Ю.С., 2007. Интерлингвальность как тип интертекстуальности // Коммуникативное пространство дискурса в современных германских языках. Самарский гос. Ун-т, Самара.

ГУМЕН Ю.С., 2004. Функционирование культурно-специфической лексики в структуре поэтического текста (на материале современной англоязычной поэзии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

КАМОВНИКОВА Н.Е., 2000. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

КАРАСИК В.И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.

ЛОТМАН Ю.М., 1981. Текст в тексте//Текст в тексте. Труды по знаковым системам. Вып. 14, Тарту.

ЛОТМАН Ю. М., 1998. Об искусстве. СПб.

МАЛАХОВСКАЯ М.Л., 2007. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

НИКИТИН М.В., 2005. Диалогизм vs. интертекстуальность: выбор плацдарма // Studia Linguistica XIV, Человек в пространстве смысла: слово и текст. СПб.

ПИГИНА Н.В., 2005. Лирический цикл в свете теории интертекстуальности // Studia Linguistica XIV. Человек в пространстве смысла: слово и текст. СПб.

ТРОИЦКАЯ А.Л., 2008. Интертекстуальный хронотоп готического романа (на материале англоязычных произведений). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.

ФАРИНО Е., 2004. Введение в литературоведение. СПб.

ЧЕРНЯВСКАЯ В.Е., 2009. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.

ШЕВЧЕНКО В.Д., 2010. Теория интерференции дискурсов. Самара.

Источники и принятые сокращения:

AYRES P., 2006. Don't Kiss Me // Surgically Enhanced. London. – (A)

BISHOP E., 1984. The Complete Poems 1927-1979. NY. – (B)

BOYARS A., 1969. Florence: Garibaldi Day 1949// The New Poetry. Penguin Books, – (BNP)

ELIOT T.S., 1994. Selected Poetry. SPb. – (E)

HALPERIN M., 2007. Falling Through the Music. University of Notre Dame Press. – (FTM)

HALPERIN M., 1990. The Measure of Islands. Wesleyan University Press. – (MI)

HALPERIN M., 2001. Time as Distance. Western Michigan University. – (TD)

LAWRENCE D.H., 1960. Selected Poems. Penguin Books. -- (L)

METRES Ph., 2002. Ashberries: Letters// The Best American Poetry. ScribnerPoetry. – (M)

PLATH S., 1969. Daddy // The New Poetry. Penguin Books. – (P)

ROBINS C., 2002. Les Demoiselles d'Avignon // The Best American Poetry. ScribnerPoetry. – (R)

STEVENS W., 1990. The Collected Poems. NY. – (WS)

WAIN J., 1969. Au Jardin des Plantes // The New Poetry. Penguin Books. – (W)

С.Г. Филиппова (Волхов, Россия)

ЦИТАТНОЕ ЗАГЛАВИЕ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ВЫДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена проблеме концептуального анализа художественного текста. Реализуя базовый концепт текстовой концептосферы, цитатное заглавие выполняет функцию выдвигания интертекстуальных смыслов в качестве доминантных.

Ключевые слова: прецедентный текст, интертекстуальное включение, концептосфера, базовый концепт, сильная позиция

Особенность познавательной деятельности личности автора художественного текста состоит в художественном и индивидуально-личностном освоении мира и предполагает освоение «чужих» текстов, которые переосмысляются автором, исходя из собственного мировидения и мирооценки. Переосмысленные знания вербализуются в его произведениях в виде интертекстуальных включений, специфика которых заключается в том, что, попадая в новый текст, они подвергаются смысловым модификациям.

Текстовые знания, источником которых выступают прецедентные тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях» и «имеющие сверхличностный характер» [Караулов 1987: 216], организуются в авторском сознании в когнитивную структуру – иерархическую совокупность концептов прецедентных текстов. Интертекстуальные включения являются языковыми репрезентантами концептов прецедентных текстов и, таким образом, объективируют авторскую картину мира. Трехуровневая организация концепта прецедентного текста включает в себя: 1) его объективацию в тексте-источнике (прецедентном тексте); 2) его субъективное существование в сознании автора текста-реципиента в качестве элемента его картины мира; 3) его объективацию в тексте-реципиенте. Третий уровень синтезирует в себе первые два, т.к. интертекстуальное включение вербализует одновременно концепт автора прецедентного текста и концепт автора текста-реципиента. Когнитивный механизм интертекстуальности, таким образом, основывается на взаимодействии картин мира двух авторов.

Особый интерес представляют интертекстуальные включения в сильной позиции заглавия художественного текста. Такое «интертекстуальное» заглавие принято называть цитатным, термин «цитата» используется в этом случае в его широком понимании и означает любое «чужое слово».

Заглавие можно считать «сильнейшей из сильных позиций» текста, так как являясь позиционно обособленным и хорошо запоминаемым фрагментом, оно особенно выделено психологически. Кроме того, заглавие выполняет номинирующую функцию, представляя текст вовне. Заглавию принадлежит и важнейшая роль в формировании концептосферы художественного текста как иерархической совокупности авторских концептов. Анализ этой концептосферы позволяет смоделировать некоторые особенности авторской картины мира.

Говорить об иерархии концептов можно только в смысле построения, генезиса концептов в авторской картине мира. Концепты постоянно модифицируются и формируют основу для введения новых концептов. Согласно этому принципу картина мира строится непрерывно [Павиленис 1983: 106]. Иерархия авторских концептов отражает иерархию текстовых смыслов и реализует базовые принципы текстопорождения – принципы селекции и комбинации, при этом форма репрезентации авторских концептов варьируется от слова до предложения или даже множества предложений.

С иерархической организацией текстовых смыслов тесно связано понятие доминанты. В процессе речевой деятельности человек всегда опирается на доминанту. В художественном тексте актуализированные личностные смыслы организуются иерархически, что позволяет выделять доминантный личностный смысл. Доминантные личностные смыслы – это инвариантные смыслы, выражающие мнения и знания автора о реалиях действительности, «смысловые универсалии авторской картины мира» [Пичальникова 1992: 41].

Концептосфера художественного текста имеет полевою структуру и включает ядерную, приядерную и периферийные зоны, образуемые, соответственно, ядерными, приядерными и периферийными концептами. Ядерная зона концептосферы обусловлена «слиянием, сближением, стяжением общих признаков концептов, репрезентированных словами и предложениями одной

семантической области» [Бабенко, Казарин 2003: 58]. Наиболее значимым ядерным концептом авторской картины мира является базовый концепт – «результат стяжения всех текстовых смыслов, глобальный смысл всего текста» [Слышкин 2000: 36]. Основным репрезентантом базового концепта в художественном тексте выступает заглавие, которое представляет собой «некий доминирующий и господствующий элемент», «конденсат образа художественного произведения» [Лушникова 1995: 16]. На его основе осуществляется построение всей текстовой концептосферы. Как начальный стимул вероятностного прогнозирования и выработки стратегии восприятия заглавие дает опору для прогноза возможного круга тем и образов, т.е. создает важную для понимания целого текста читательскую преднастройку.

Однако смысловое содержание заглавия на входе в текст и на выходе из текста не совпадает. Чтобы стать актуализатором базового концепта, заглавие проникает во все текстовые элементы, устанавливая семантические связи между ними. «Вобрав в свой незначительный объем целый художественный мир, заглавие обладает колоссальной энергией туго свернутой пружины» [Кухаренко 1988: 94].

При вынесении интертекстуального включения в заглавие художественного текста, оно приобретает дополнительную семантическую, эмоциональную и организационную нагрузку, поскольку базовым концептом текста-реципиента становится концепт прецедентного текста. Интертекстуальные смыслы встраиваются в общую иерархию текстовых смыслов в качестве доминантных.

Цитатное заглавие подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога и внести свой вклад в разработку общечеловеческих проблем. Оно свидетельствует о факте выбора темы для осуществления своего художественного замысла на основе доминирующего в авторской картине мира концепта прецедентного текста. В этом случае, во-первых, доминантный личностный смысл становится интертекстуальным, поскольку реализуется интертекстуальным включением, во-вторых, между прецедентным текстом и текстом-реципиентом наблюдается тематический параллелизм.

В словесном искусстве всегда существует тематический параллелизм. Параллелизм тем, в создании которого участвует цитатное заглавие, однако, не является совпадением, т.к. суть

интертекстуальности заключается в схожести и различии между смысловыми комплексами двух текстов. На первый план (в тексте-реципиенте) могут выводиться те элементы смысла, которые ранее были в тени. Возникает особый тип напряжения – между согласованием и несогласованностью, между одинаковостью и различием [Щирова, Тураева 2005: 67].

Интертекстуальные включения обеспечивают идентификацию читателем концептов прецедентных текстов и в этом своём качестве выступают сигналами адресованности. Автор текста-реципиента рассчитывает на присутствие этих концептов в картине мира читателя. Как сигналы адресованности цитатные заглавия представляют собой маркеры-ссылки, которые по своему характеру делятся на эксплицитные ссылки и имплицитные ссылки.

Эксплицитное указание на прецедентный текст часто встречается в эпиграфе, объясняющем цитатное заглавие. Примером эксплицитной ссылки может служить эпиграф к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (For Whom the Bell Tolls), где заглавие объясняется развернутой цитатой из размышлений Дж. Донна (Meditation XVII) с указанием имени автора прецедентного текста.

Используя *имплицитную* ссылку, автор рассчитывает на узнавание языковой формы (слов, словосочетаний, предложений), которая воспроизводит языковые особенности прецедентного текста. При этом интертекстуальное включение может повторяться и разворачиваться как в тексте, так и в эпиграфе. Классическим примером такой имплицитной ссылки является цитатное заглавие, развернутое в эпиграфе-цитате из стихотворения П. Шелли к рассказу С. Моэма «Пестрое покрывало» (The Painted Veil). Автор рассчитывает на узнавание языковой формы известной поэтической строфы – “...the painted veil which those who live call Life”.

Примером повтора и развертывания цитатного заглавия в тексте может служить рассказ У. Сарояна «Человек, чье сердце в горах» (The Man with the Heart in the Highlands). Элементы заглавия – модифицированной цитаты из стихотворения Р. Бернса «My heart's in the Highlands, my heart is not here» – многократно повторяются в тексте-реципиенте, в частности, в следующем диалоге между главными героями – молодым американцем и стариком по фамилии МакГрегор:

“Young man, could you get a glass of water for an old man whose heart is not here, but in the highlands?”

“What highlands?” I said.

“The Scotch highlands”, said the old man.

“What’s your heart doing in the Scotch highlands?” I said.

“My heart is grieving there” said the old man

“Mt mother’s in Tulsa, Oklahoma,” said the old man, “but her heart isn’t”.

“Where is her heart?”

“In the Scotch highlands”

“How come the members of your family are always leaving their hearts in the highlands?” [Saroyan 2002: 29–30].

Дополнительными элементами ссылки являются лексическая единица *Scotch* и фамилия старика *MacGregor*, имплицитно указывающие Шотландское происхождение автора прецедентного текста.

Обратимся к анализу концептосферы рассказа. Его главный герой, старый актер, уходит из дома для престарелых, бродяжничает, играя на охотничьем рожке. Его мечта о свободе и творчестве, однако, наталкивается на преграду. Он часто вынужден голодать и его подкармливают случайные слушатели.

Базовый концепт «стремление к возвышенному» представлен в рассказе концептом прецедентного текста, реализованным упомянутой цитатой из известного стихотворения Р. Бернса.

В стихотворении поэт, находясь вдали от родного края, воспекает красоту гористой Шотландии, выражая ностальгическое стремление вернуться домой:

“My heart’s in the Highlands, my heart is not here;
My heart’s in the Highlands, a-chasing the deer
Chasing the wild deer, and following the roe,
My heart’s in the Highlands, wherever I go” (R. Burns)

Шестикратный повтор фразы *My heart’s in the Highlands* формирует лейтмотив. Топоним *Highlands* актуализирует узусное значение «возвышенность» и окказиональное значение «возвышенное, куда стремится душа». Базовый концепт стихотворения, таким образом, должен пониматься не просто как «ностальгия», а как стремление оказаться там, где просыпается творческое вдохновение поэта, ведь *Highlands* для Бернса и Родина, и свобода творчества, и сама поэзия.

Известно, что в молодости Роберт Бернс покинул родные места. По воле судьбы он оказался в Эдинбурге (хотя собирался ехать на Ямайку), но чувство тоски по горам Шотландии не покидало его никогда. В Эдинбурге он отказался от выгодной карьеры, предпочитая раздолье Шотландских гор. В рассказе У. Сарояна концепт прецедентного текста подвергается смысловым модификациям. Немаловажно отметить, что Уильям Сароян – армянин по происхождению. Подобно Бернсу, он оказался на чужбине, в Америке, где прожил большую часть жизни, но корни его творчества, по-видимому, остались на родной земле, такой же гористой, как Шотландия.

Трагедия старика МакГрегора, мечтающего о Шотландии, состоит в том, что он никогда не видел и уже не увидит эту страну. Для него *Highlands* – символ возвышенного, недостижимая мечта, так как он вынужден добывать пропитание и, в конце концов, вернуться в дом престарелых. Возвышенное в рассказе противопоставлено приземленному, великое искусство – слабому человеку. «Нет творчества без хлеба» – этот смысл составляет основу модификации концепта прецедентного текста и реализуется в следующих фрагментах:

(3) When you get to be my age you’ll know songs aren’t very important, bread is the thing (31).

(4) How the hell can I write the great poetry on bird seed? (42).

Таким образом, основным языковым репрезентантом базового концепта концептосферы рассказа следует считать интертекстуальное включение (цитату их стихотворения Р. Бернса), занимающее сильную позицию заглавия. Цитатное заглавие выдвигает на первый план интертекстуальный характер глубинного смысла как результата культурного диалога двух авторов.

* * *

БАБЕНКО Л.Г., КАЗАРИН Ю.В., 2003. Лингвистический анализ текста. М.

КАРАУЛОВ Ю.М., 1987. Русский язык и языковая личность. М.

ЛУШНИКОВА Г.И., 1995. Интертекстуальность художественного произведения. Кемерово.

- КУХАРЕНКО В.А., 1988. Интерпретация текста. М.
ПАВИЛЕНИС Р.И., 1983. Проблема смысла. М.
ПИЦАЛЬНИКОВА В.А., 1992. Проблема смысла художественного текста (психолингвистический аспект). Новосибирск.
СЛЫШКИН Г.Г., 2000. От текста к символу (лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе). М.

Источники:

- SAROYAN W., 2002. Selected short stories, М.

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

**ТЕКСТОВЫЙ МИР, ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ МИР,
ВОЗМОЖНЫЙ МИР И ТЕОРИЯ РАЗУМА:
О ПЛОДОТВОРНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА**

В статье акцентируется плодотворность междисциплинарных исследований фикционального (художественного) текста, рассматриваются различные варианты экстраполяции на его сложную природу философского понятия «возможный мир», описываются научные тенденции в осмыслении этого понятия в различных областях научного знания

Ключевые слова: междисциплинарность, «текстовый мир», «фикциональный мир», «возможный мир», возможное vs. действительное, теория разума, «овнешняя» деталь

Гуманитаризация и аксиологизация познания, обусловленные антропологическим поворотом науки, как и усложнение современных научных объектов неизбежно влекут за собой выход учёного в междисциплинарное пространство. О продуктивности использования этого пространства текстолингвистом писалось неоднократно. Примеры, содержащиеся в статье, свидетельствуют в пользу того же тезиса.

В описаниях сложной природы художественного текста, которые бы учитывали специфику его соотношения с действительностью, употребляется разная терминология. Одним из наиболее распространённых в этом отношении терминов является термин «текстовый мир» (text world). Теория текста как «текстового мира» была предложена П. Уэртом [Werth 1995] и энергично осваивалась в зарубежной науке (см. об этом подробнее [Hidalgo Downing 2000]). Часто онтологическое и гносеологическое измерения текста включаются в контекст иного понятия – «фикциональный мир». Изучая художественный текст как мир, представители разных областей гуманитаристики не приходят к единодушным выводам, однако, сравнение подобных наблюдений позволит текстолингвисту увидеть картину анализируемого феномена (художественного текста) в её многогранности.

Литературоведческая мысль, трактуя как *мир* отображаемую в тексте действительность, изначально сосредотачивалась на вну-

тренных законах и структуре фикционального мира. Она не выходила за пределы этого мира и тем самым преуменьшала значимость референциональной природы текста. Не касалась она и соотношения фикциональности с иными состояниями, которые, подобно текстовой «действительности», остаются неактуализированными, в аристотелевском смысле (ср. «...задача поэта говорить не о действительно случившемся, а о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости» [Аристотель 1951: 67] – курсив мой – И.Щ.), но принадлежат реальному, а не изображённому миру и поэтому имеют природу, отличную от текстовой (ср., желания, мечты и пр. обычного человека). Признание фикциональности дистинктивной характеристикой художественной литературы означало изоляцию литературного объекта от других объектов культуры и, в конечном счёте, имело своей целью доказать, что все свойства текста следует объяснять законами его внутренней организации. Литературоведческое описание фикциональности, таким образом, ограничивалось рамками литературоведения и носило выраженный центробежный характер.

Философская традиция, начиная с Платона и Рассела, напротив, гипертрофировала аномальность соотношения художественной литературы с действительностью. Руководствуясь «логикой здравого смысла» (фактической достоверностью), она лишала литературу «права» на истинность, исключая её из философских дискуссий. Только акцентуация интегративных подходов к объектам исследования, обусловленная развитием научной мысли, изменила эту ситуацию. По справедливому замечанию Р. Ронен, и теория литературы, и философия продемонстрировали трансформацию взглядов на проблему фикциональных миров и фикциональности, а их взаимодействие обрело форму плодотворного междисциплинарного диалога: литературоведение проявило не свойственный ему ранее интерес к проблемам онтологии литературного текста, различиям между фикциональными и нефикциональными литературными текстами, вопросам мимесиса и репрезентаций, а философия предложила новые аналитические инструменты для осмысления проблем фикционального мира и фикциональности [Ronen 1994: 3]. Свидетельством эффективности междисциплинарного союза стало новое понимание фикциональности. Её начали встраивать в широкий культурный кон-

текст и трактовать не как собственно текстовое свойство, а как особый тип речевой ситуации, логики или семантики, как составляющую культуры [там же: 1–3, 7].

Несмотря на то, что для характеристики мира художественного текста используются различные термины (ср. выше: «фикциональный мир» и «текстовый мир») в основе видения текста как мира нередко лежит известное понятие *возможных миров* (possible worlds). Изначально оно принадлежало философии, но впоследствии стало успешно применяться в лингвистике, теории литературы и теории искусства. Сегодня это понятие, подобно понятию фикционального мира, осваивается разными областями научного знания, причём не только гуманитарного. «Мирами» оперируют как моделями знания.

Философское понятие «возможных миров» – мыслимых состояний бытия, альтернативных наличному, традиционно интерпретируется в семантическом поле понятий *возможности* и *действительности*. Оно прослеживается ещё в философских моделях античности, а в новоевропейской философии связывается с именем Лейбница, который, разграничивая «*необходимо истинное*» и «*случайно истинное*», назвал первое универсально характерным для всех возможных миров, а второе – как встречающееся в некоторых из них [Новейший философский словарь 1998: 126]. Соотношение действительного и возможного, по Лейбницу, обычно противопоставляется их видению, по Канту. Если Лейбниц, рассматривая действительное как одно из возможного, считал последнее абсолютным понятием, то Кант определял его как понятие релятивистское: возможное, согласно Канту, лишь перекombинирует действительное и таким образом зависит от него, т.е. является по отношению к нему менее фундаментальным понятием (цит. по [Садовский, Смирнов 1980: 26–27]).

Идеи Лейбница послужили стимулом для разработки проблемы возможных миров в рамках логической семантики и вероятностной логики. С. Крипке, один из создателей семантики возможных миров для модальных логик, зафиксировал примат объективной модальности (de re) над языковой модальностью (de dicto), предложив концепцию имен собственных, предполагающую жёсткую отсылку к имени (жёсткий десигнатор). Термин «жёсткий десигнатор», в понимании Крипке, «обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах», хотя и не предпо-

лагает обязательного существования во всех этих мирах самого обозначаемого термином объекта [Крипке 1982: 252–253] (курсив мой – И.Щ.).

Концепцию «возможных миров» связывают с ещё одним известным именем – Я. Хинтикка. Хинтикка увидел в возможном мире возможное направление развития событий и ввёл понятие «невозможных возможных миров» – *миров логически не возможных, но являющихся возможными эпистемическими альтернативами, то есть выглядящих возможными*. Обдумывая то, что мы воспринимаем или не воспринимаем в данной ситуации, – пишет Хинтикка, – мы классифицируем положения дел на совместимые и несовместимые с содержанием нашего восприятия. Всякий, кто готовился к более чем одному направлению развития событий, тем самым имел дело с несколькими направлениями их развития, или, иначе говоря, возможными мирами. Одно из таких направлений становится реальностью, все остальные остаются возможными направлениями развития событий [Хинтикка 1980: 74] (курсив мой – И.Щ.). Амбивалентность семантики художественного текста, его специфика как конструкта, не имеющего однозначного соотнесения с реальностью, сочетание в этом тексте мышления о действительности и вымысла позволяют применить к его интерпретации концепцию возможных миров.

Понимание текста как возможного мира даёт основание и для гибкого решения сложной проблемы художественной истины, в которой сегодня усматривают не абсолют, а истину, релевантную для изображенного автором возможного мира (см. подробнее: [Щирова 2010]). В контексте предложенного видения текста убедительно звучит идея Цв. Тодорова о целесообразности вычленения различных смыслов в содержательном наполнении самого термина «истина». Из многих смыслов, «отягощающих» это слово, Тодоров выделяет два важных для литературного анализа. Один смысл является простым, понятным и «не представляет особого интереса», – речь идёт о т.н. референциальной истине (фактической достоверности), в то время как второй, обозначаемый термином «раскрытие», требует особых интерпретационных усилий: он более богат, а его границы трудно установить. Для иллюстрации различий между вычленяемыми смыслами, Тодоров обращается к примеру. От книги по истории, – пишет он, вы требуете соблюдения фактической достоверности, т. е. «безукоризненной точности»

в приводимых автором датах, цифрах, именах и пр. (фактах). Однако эти данные не исчерпывают ваших ожиданий, ведь вы нуждаетесь и в том, «чтобы вам показали, каков смысл отраженных в книге событий», например, не только сказали, сколько человек погибло 25 октября 1917 года, но и какое значение имело событие, произошедшее в этот день в Петрограде. Сталкиваясь с убедительным анализом текста, мы также считаем, что уловили его истину, однако на самом деле лишь приближаемся к ней, поскольку истина – «тот горизонт, к которому мы движемся, а не конец пути». Литературные произведения стремятся к истине «раскрытия», хотя читатель и не требует от них фактической достоверности, и, если мы по-прежнему читаем Софокла, Шекспира и Достоевского, то лишь потому, что считаем, что в их произведениях «нам открылась истина удела человеческого». Единственный способ проверки, которому подвергается истина, имеет интересующий характер: это согласие между собой читателей разных эпох и разных стран [Тодоров 2006].

В научной литературе существуют разные варианты проекции концепции возможных миров на фикциональный мир художественного текста. М.-Л. Рьян [Ryan 1991] относит к ним, в частности, проекцию на структуру нарратива классического отношения диктума и модуса. [Todorov 1969], вычленение в семантическом пространстве нарратива подмиров (subworlds) сознаний персонажей [Vaina 1977] и использование концепции возможных миров по отношению к процессу чтения [Eco 1979]. Сама М.Л. Рьян предлагает для описания событий художественной действительности теорию рецентрации (theory of recentering), согласно которой центром художественного универсума, создаваемого художественным дискурсом, выступает действительный мир (actual world). Действительный мир художественного универсума образуют миметические утверждения (mimetic statements) – речевые акты, называющие факты, а не мнения. Истинность миметических утверждений оценивается лишь по отношению к этому миру (cp. truth-functional mimetic statements), поэтому он не зависит от описывающего его дискурса. Способность создавать универсум, в центре которого находятся индивидуумы и события действительного мира, Рьян называет конститутивным свойством любого нарратива, включая художественный текст: “Being narrative means: brining a universe to life, and conveying to the

reader the sense that at the center of this universe resides an actual world where individual exist and where events take place” [там же: 259].

В монографии автора этой статьи (2003 г.) концепция возможных миров была экстраполирована на фикциональный мир текстов психологической прозы. Совокупность возможных миров, являющихся элементами в фикциональном мире текста, выделялась с учётом: 1) предмета изображения психологического текста (внутренний мир персонажа) и 2) основных разновидностей психологического текста (интериоризированные тексты vs. экстериоризированные тексты). Если в интериоризированных текстах «события в сфере сознания» эксплицируются в плане художественно-трансформированной внутренней речи, и доминирует субъективизированное повествование, то в экстериоризированных текстах, где доминирует объективизированное повествование, эти «события» изображаются через детали, «овнешняющие» ментальные процессы. Функцию «овнешнения» могут выполнять портретные, речевые, акциональные и пр. характеристики, непосредственно формирующими образ персонажа, либо детали, связанные с этим образом опосредованно, например, пейзажные или интерьерные. С учётом текстотипологической принадлежности психологических текстов, в них были выделены «мир реальных событий (действий)», который образуется поступками персонажа и принадлежит внешнесобытийному ряду произведения («действительный реальный мир»), и «мир событий сознания» («мысленный реальный мир»). Составляющие этого мира – изображённые чувства и мысли принадлежат иному, внутриличностному ряду произведения.

Возможные миры в сфере изображенного сознания также были детализированы. Так, «мир сознания» был противопоставлен «миру подсознания», в котором реальная необработанная речемысль с характерной для неё образностью, свёрнутой предикативностью или, как пишет Л.С. Выготский, «максимальной синтаксической упрощённостью» и «абсолютным сгущением мысли» [Выготский 1996: 344], имитируется разветвлённой системой перцептуальных образов и тропов, односоставными и эллиптическими предложениями, парцеллятами и пр. Можно добавить, что в подобном субъективизированном повествовании не менее оправданным будет выделение и иных возможных (ещё

не актуализированных) миров. В качестве таковых могут трактоваться желания, предположения, мечтания, грёзы или сны персонажа. В упомянутой выше монографии понятие возможного мира использовалось и по отношению к экстериоризированным психологическим текстам (см. [Щирова 2003: 94–105]), однако, ограниченный объём статьи не позволяет нам остановиться и на этом вопросе.

Оформленные в концепции и теории многочисленные взгляды на природу художественного текста как мира, обладающего собственной, неоднозначно трактуемой спецификой, являются итогом научных исследований философов, логиков, психологов, лингвистов и литературоведов. Например, теория текстового мира (text world theory), с описания которой начиналась эта статья, берёт начало в когнитивной психологии, когнитивной лингвистике, теории возможных миров и теории литературы. Сегодня исследования текста как мира часто носят междисциплинарный характер и убеждают нас в продуктивности развития междисциплинарных научных связей. Заметим, что важной причиной междисциплинарного интереса к мирам художественного текста и к осмыслению его фикциональной природы с позиции концепции возможных миров выступает *общенаучный* интерес к феномену человеческого разума. К примерам, уже приводившимся (см., например, [Щирова, Гончарова 2007: 147–168]), добавим ещё один пример.

Человек разумный обладает чувствами, мыслями и намерениями и является общественным существом. Он живёт в мире себе подобных и, предпринимая какие-либо действия по отношению к другим людям, исходит из того, что они, как и он сам, имеют внутренний мир и выстраивают своё поведение в соответствии с этим миром, а именно в соответствии с собственными чувствами, мыслями и намерениями. Иными словами, человек оказывается способным делать предположения о чувствах, мыслях и намерениях другого человека и на основе этих предположений прогнозировать чужое поведение и строить своё собственное. Нашу способность объяснять поведение человека в терминах чувств, верований и желаний описывает так называемая теория разума (Theory of Mind), лежащая в сфере когнитивной психологии. Встречаются и иные варианты перевода оригинального английского термина на русский язык: «теория психики», «индивиду-

альная теория психики», «теория души», «теория сознания», «теория распознавания психических состояний», «модель психического», «внутренняя модель сознания другого», «жизетская психология», «наивная концепция сознания» и другие [Дубяга, Мещеряков 2010]. Когнитивные психологи, занимающиеся теорией разума уже более двадцати лет (заметим, что наиболее активно эта теория разрабатывается в зарубежной науке), связывают важность вышеназванной способности человека с тем, что она структурирует ежедневное общение (ср. 'see bodies as animated by minds' у Л. Заншайн [Zunshine 2006: 7]).

Теорию разума рассматривают как основу нашего интереса к художественной литературе. Читатель приписывает внутренние состояния персонажам, – пишет Л. Заншайн, – следит за развитием этих состояний и демонстрирует способность «прочитывать» их, даже если они не номинируются эксплицитно, поскольку опирается на сопутствующие им внешние проявления. Чтение сложных литературных текстов (ср. Дж. Джойс или В. Вулф) развивает когнитивную способность «читать разум». [Zunshine 2006: 160]. Подтверждением этой когнитивной способности можно справедливо назвать и присутствие в исследовательском аппарате интерпретатора текста «говорящего» (в данном случае) понятия «овнешняя деталь». Оно уже упоминалось нами выше. «Овнешняя» текстовые компоненты называют внешнее, но указывают на внутреннее, тем самым открывая читателю «доступ» к намеренно не эксплицируемому автором внутренним состояниям персонажа. Успешная интерпретация «овнешней детали» наиболее очевидно иллюстрирует способность человека к «прочитыванию» фикционального разума и свидетельствует о незаурядных познавательных способностях человека, в целом. Заметим, что когнитивная способность «читать» чужой разум признаётся необходимой предпосылкой и для художественного изображения внутреннего мира, т. е. для творческого процесса. Вновь сошлёмся на Л. Заншайн: 'What drives the creative process is our hankering for mind-making and mind-reading' [Zunshine 2006: 160].

* * *

АРИСТОТЕЛЬ, 1951. Поэтика, М.

ВЫГОТСКИЙ Л.С., 1996. Мышление и речь, М.

ДУБЯГА Е.В., МЕЩЕРЯКОВ Б.Г., 2010. ИмPLICITная теория разума: краткий обзор // *Психологический журнал* Международного университета природы, общества и человека «Дубна». № 1. Доступ ресурса: <http://www.psyanima.ru>.

КРИПКЕ С., 1982. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М. – С. 340–376.

Новейший философский словарь, 1998. Минск.

САДОВСКИЙ В.Н., СМЕРНОВ В.А., 1980. Хинтика и развитие логико-эпистемологических исследований во II половине XX в. // Я. Хинтика. Логико-эпистемологические исследования. М. – С. 5–32.

ТОДОРОВ Цв., 2006. Без ангелов мы обойтись можем, а вот без других людей – нет. «Вопросы литературы». № 1. // URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/1/to3.html>

Хинтика Я., 1981. Виды модальности // Хинтика Я. Семантика модальных и интенциональных логик. М. – С. 60–85.

Щирова И.А., 2003. Психологический текст: деталь и образ. СПб.

Umberto E., 1979. Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington.

Hidalgo Downing L., 2000. Negation, Text Worlds, and Discourse: The Pragmatics of Fiction. Stamford.

Ronen R., 1994. Possible Worlds in Literary Theory. Cambridge.

Ryan, M-L., 1991: Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory. Indiana.

Todorov, Tz., 1969. Grammaire du Decameron. The Hague.

Vaina L. Les Mondes possibles du text. In: Versus 17. P. 3–13.

Werth P., 1995. How to build a world (in a lot less than six days, using only what's in your head) // K. Green (ed.): New Essays on Deixis: Discourse, Narrative, Literature. Amsterdam: Rodopi. P. 49–80.

Zunshine S., 2006. Why we read fiction: theory of mind and the novel. Ohio.

В.В. Кабакчи (Санкт-Петербург, Россия)

«ИНОКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Доминирование английского языка сопровождается вторжением этого языка практически во все сферы общения. Возникает новый тип литературы – «инокультурная литература»: использование второго языка в приложении к своей родной (внешней для английского языка) культуре. Это требует междисциплинарного изучения этого нового вида коммуникации в области переводоведения, лингвистики текста, когнитивистики, лексикологии, стилистики и билингвизма.

Ключевые слова: *интерлингвокультурология, «носитель языка», родноязычная / второязычная инокультурная литература, «внутренний перевод»*

Согласно Библии, изначально «На всей земле был один язык и одно наречие» [Быт. 11, 1]. Данное мнение поддерживается и учеными: «теория моногенеза» «в настоящее время представляется более вероятной» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990], и хотя общение землян осуществляется в условиях многоязычия, есть основания утверждать, что центростремительные тенденции развития земной цивилизации способствуют возвращению к этому первоначальному состоянию. В частности, одним из факторов, работающих в этом направлении следует считать развитие в условиях глобализации «инокультурной литературы» усилиями писателей, которые в поисках выхода на более широкую аудиторию читателей используют не родные, а ведущие международные языки, в первую очередь – английский.

В частности, во второй половине XX века внимание общественности привлекают англоязычные художественные произведения авторов с непривычными фамилиями, которые начинают завоевывать самые высокие награды. Pico Iyer в своей статье 1993 года пишет о подлинной революции. В колледжах в последней четверти XX века вместо традиционных фамилий типа Graham Greene, Evelyn Waugh и Aldous Huxley зазвучали «экзотические имена»: Rushdie, Okri, Mo... Он иронически добавляет, что при-

суждение литературной премии лицам с англо-саксонской фамилией уже стало аномалией. Появляется книга с характерным названием: V. King *Literature of the World in English* (1974). Так возникает литература, которая плохо вписывалась в известную парадигму и у которой не было (и до сих пор нет) своего наименования: «Мы имеем дело с литературой, которая выходит за рамки общепринятых норм» [Мазанаев 1984: 12].

Отличительной особенностью этой литературы следует считать то, что (1) авторы писали не на родном, а на одном из международных языков, (2) предметом описания была, как правило, родная культура писателей. В виду этого будем называть «инокультурной литературой» (ИЛ) произведения, в которых описывается иноязычная (внешняя) культура. Принципиальным отличием этой литературы, таким образом, от литературы привычного типа, адресованной своему читателю и выполненной в рамках «внутренней культуры», является *вторичная культурная ориентация языка на иноязычную (внешнюю) культуру*.

Вместе с тем, описание иноязычной культуры «новым» в литературе считать нельзя. Подобные произведения известны с древнейших времен от Геродота, Марко Поло и Афанасия Никитина и до И. Ильфа и Е. Петрова с их «Одноэтажной Америкой». Таким образом, надо разграничить два вида инокультурной литературы: «родноязычная инокультурная литература» – ИЛ (р), которую создают авторы, пишущие на родном языке, и «второязычная инокультурная литература», ИЛ (в), которая является результатом творчества тех, кто пишет не на родном (обычно, втором) языке. Мы сосредоточимся на последнем виде, ИЛ (в).

Изучение «второязычной инокультурной литературы» становится важнейшей проблемой *интерлингвокультурологии*, междисциплинарной лингвистической дисциплины, которая занимается изучением проблем культурной переориентации языка [Кабакчи 2007: 51].

Тот факт, что художественное произведение написано литератором не на родном языке, позволяло ставить под сомнение саму легитимность таких произведений. Специалисты стран «носителей языка» не спешили изучать литературу, авторы которой писали не на родном языке, и изучение новой литературы оставалось на периферии традиционных исследований (on the periphery of the traditional boundaries of English studies) [Weir 1983: 307].

На материале русского языка дагестанский лингвист Ш.А. Мазанаев пишет об умышленном умалчивании или непризнании русскоязычной ИЛ (в) [Мазанаев 1984: 29].

Действительно, долгое время бытовало мнение, широко распространенное, кстати, и сейчас, что только носитель родного языка может быть литератором, поскольку само понятие «носитель языка» для многих синонимично понятию «носитель родного языка». «Требования следовать нормам «носителей родного языка» (the native speaker's linguistic code) звучали столь убедительно, что малейшее отклонение от этих норм воспринималось как языковая ошибка» (a linguistic aberration) [Weir 1983: 330].

Вторжение в литературу авторов, которые пишут не на родном языке, подрывало миф языковой исключительности «носителей языка». Впрочем, от такой трактовки в последнее время многие уже отказались, полагая, что миф о «носителе родного языка» как о единственно правильном образце этого языка уходит в прошлое [Ferguson 1982]. Более того, в новейшее время среди носителей многочисленных World Englishes преобладает мнение, что «язык принадлежит тем, кто его использует, и те, для кого он родной, не обладают на него монополией» [Sridhar 1983: 293].

Неудивительно, что до появления на литературной арене писателя Salmon Rushdie, включенного списком *The Times* за 2008 год в число “The 50 greatest English writers since 1945” под номером тринадцать, индийским англоязычным писателям было трудно публиковаться за рубежом. О трудностях преодоления комплекса лингвистической неполноценности второязычных писателей пишет в цитируемой выше статье Pico Iyer африканский второязычный писатель старшего поколения Chinua Achebe: «Мы словно извинялись за наше творчество. Нынешние писатели этого не делают. Если нужно, они кричат».

Между тем, принципиальная возможность «второязычного» литературного творчества многократно подтверждается с древнейших времен. Достаточно вспомнить двух классиков античной литературной басни. Римский поэт I в. н. э. Федр, основоположник латинской литературной басни, был греком, писавшим на латинском языке, а греческий поэт II в. н. э. Валерий Бабрий, основоположник греческой литературной басни, был римлянином, писавшим на греческом языке. Эпоха глобализации способствует развитию билингвизма и мультилингвизма: «Независимо

от определения этого феномена, «литературный билингвизм», безусловно, нельзя считать открытием современности» (not a totally modern phenomenon) [Diment 1993: 346].

Новейший опыт показывает, что литератором может стать человек, освоившим второй язык уже при жизни. Наиболее известный пример – поляк Юзеф Коженёвский, овладевший английским языком уже во взрослом возрасте, и, тем не менее, ставший классиком английской литературы под именем Joseph Conrad. Правда, до самой смерти он избегал публичных выступлений, стесняясь своего акцента.

Родившийся в Польше в 1936 году Dan Tsalka прибыл в Израиль в 1957, не зная ни слова на иврите. 10 лет спустя он приступил к литературной деятельности и снискал популярность, необычную даже для этой страны иммигрантов.

Дьердь Микеш (1912–87), родившийся в Венгрии, прибыл в Лондон в качестве журналиста для освещения Мюнхенского кризиса в командировку на две недели, но остался там на всю жизнь и стал популярным англоязычным писателем-юмористом под именем George Mikes. Признавая, что от акцента избавиться трудно, он успокаивал своих последователей: «Помните, что писать по-английски гораздо легче, чем разговаривать, потому что вы можете писать без акцента» [Mikes 1970: 34].

Вместе с тем, необходимо заметить, что использование неродного языка в литературном творчестве не всегда означает сохранение верности родной культуре. Уже упомянутый Конрад не обращался к польской культуре, а, скажем, М. Шагинян – к армянской: «Видимо, в перечисленных случаях мы имеем дело со становлением писателя представителем другой национальности не только по языку, но и по всем остальным признакам духовной жизни» [Мазанаев 1984: 6].

Отмечается, что у многих второязычных писателей, писавших на английском языке, ничто в их повествовании не выдавало их инокультурность [Platt, Weber 1984]. Можно вспомнить и Н.Гоголя. Если, например, «Вечера на хуторе близ Диканьки» – это блестящее произведение инокультурной литературы, то, скажем, в «Мертвых душах» или «Петербургских рассказах» уже нет и намек на украинскую культуру.

География англоязычной ИЛ (в) фактически охватывает всю планету. Это южно-африканский писатель Peter Abrahams (р.

1919), по книге которого *The Path of Thunder* (1948) многие поколения наших студентов учили английский язык на уроках «домашнего чтения»; нигериец Chinua Achebe (р. 1930), писавший стихи на языке игбо, а прозу только на английском языке; сборщица табака, новозеландка Keri Hulme (р. 1947); англоязычный писатель японского происхождения Kazuo Ishiguro (р. 1954), также включенный в список *The Times*; плодовитый тринидадский писатель индийского происхождения V.S. Naipaul (р. 1932); Salmon Rushdie (р. 1947), родившийся в Индии, получивший образование в Мумбае и Англии, ставший известным после выхода в свет книги *Midnight Children* и приговоренный к смерти радикальными исламистами Ирана за его роман *Satanic Verses*, и многие другие.

Получила развитие и франкоязычная ИЛ (в). В 1990-е годы литературный облик Франции также начинают определять писатели с экзотическими для французов арабскими, вьетнамскими, славянскими, греческими и китайскими именами. Помимо Андрея Макина, среди лауреатов Гонкуровской премии последних десятилетий – выходцы из Марокко (Тахар Бенжеллун), Ливана (Амин Маалуф), Мартиники (Патрик Шамуазо); африканская писательница Каликст Беяла (премия Франсуа Мориака и «Гранпри дю роман»); греческий писатель Василис Алексакис (премия Медичи); китайский диссидент Дэ Сижэ (премия «Клуб Мед»); чешский писатель Милан Кундера; ирландский драматург и поэт Samuel Beckett (1906–89), после 1947 года писавший преимущественно на французском языке.

В трудностях «второязычного творчества» признаются практически все писатели. По словам Julian Green, англоязычного писателя, выходца из Франции, когда он переходил на английский язык, ему казалось: «я становился другим человеком» [McCormack 1977: 24].

Многочисленно жаловался на неадекватность своего английского языка и В.Набоков, называя язык его литературного творчества во второй половине своей жизни “this second instrument ... a stiffish, artificial thing ... which conceal poverty of syntax and paucity of domestic diction.” [Beaujour 1989: 351].

Неудивительно, что «второязычные» писатели находятся в постоянном поиске. По мнению Richard Bailey, писатели Amos Tutuola, Achebe, Gabriel Okara и многие другие пытались превра-

тить английский язык в ярко выраженный африканский язык, сохраняя одновременно его ценность как средства международного общения [Bailey 1991: 71].

Смешение языков и культур в личности одного, причем творческого, человека создает множество психологических проблем. Saul Bellow (1915–2005; Нобелевская премия по литературе, 1976) прибыл в США из России. Жизнь евреев и их идентичность были постоянной темой его творчества, однако, ему не нравилось, когда его называли еврейским писателем. В новозеландке, сборщице табака, Keri Hulme, которую прославил ее единственный роман *The Bone People*, текла кровь маори, англичан и шотландцев. Писатель индийского происхождения, философ-буддист G.V. Desani (1909–2000), родился в Кении. Изгнанный революцией из России В. Набоков, ставший англоязычным писателем в США, но так и не полюбивший эту страну, никогда не порывал связей с русской культурой. Czesław Miłosz (1911–2004; Нобелевская премия по литературе за 1980 г.), владевший польским, литовским, русским, английским и французским языками, при самоидентификации раздирался началами литовской и польской культур, заявляя: “I am a Lithuanian to whom it was not given to be a Lithuanian.” [Wikipedia 25.01.2011] Русскоязычный писатель-абхаз (отец – иранец, депортированный из СССР) Фазиль Искандер (1929–) вообще считает, что со временем о национальности спрашивать будет нетактично.

Судьбы этих писателей, оказавшихся между двух культур, порою складывались нелегко. Соотечественники упрекали их за то, что они предали родной язык и prostituiруют свой талант (‘whoring after foreign gods’), обратившись к чужому языку. Англоязычного писателя индийского происхождения Vikram Seth (р.1952), владевшего многими языками, соотечественники критиковали за то, что тот не писал на родном хинди [Wikipedia 9 June 2011]. С точки зрения таких критиков писать на чужом языке непатриотично, да и невозможно [Sridhar 1983: 293]. Находились критики, которые высказывали мнение, что Василя Быкова нельзя рассматривать как белорусского писателя, когда он пишет по-русски (Гусейнов 397). В той же статье Чингиз Гусейнов рассказывает о том, как соотечественники русскоязычного писателя-азербайджанца Максуда Ибрагимбекова объясняли, почему на переводе его книги на азербайджанский язык не стоя-

ла фамилия переводчика: “Неудобно ведь писать, что произведение **азербайджанского** писателя является переводом на азербайджанский язык” [Гусейнов, Чингиз 1986: 400]. Враждебно отнеслась к переходу В. Набокова на английский язык и русская эмиграция.

Советский Союз создал благоприятную среду для расцвета ИЛ (в), для перевода художественных произведений с русского на национальные языки и наоборот. Не случайно, этот Золотой век творческого билингвизма и перевода дал литературе таких русскоязычных писателей как киргиз Чингиз Айтматов (1928–2008), абхаз Фазиль Искандер (р.1929), чукча Рытхэу (1930–2008), беларус Василь Быков (1924–2003), азербайджанец Максуд (Мамед Ибрагим оглы) Ибрагимбеков (р. 1935) и многих другие. После распада СССР ушла в прошлое и государственная политика в области национального двуязычия. Произведения «второязычных писателей» перестали печатать. Рытхэу даже собрался эмигрировать, и лишь при содействии Чингиза Айтматова его стали печатать в переводах за рубежом, а благодаря содействию губернатора Чукотки Романа Абрамовича издавать малыми тиражами, но лишь для этого региона. Русский язык среди «второязычных литераторов» стал непопулярным, и следует ожидать в будущем бегства «литературных мозгов» в англоязычный мир. Впрочем, пример уже подал Андрей Макин.

Изучение языковых особенностей инокультурной литературы включает пестрый спектр лингвистических проблем, которые открывают широкие горизонты для исследователей.

В области **интерлингвокультурологии** необходимо исследовать все стороны адаптации английского языка в процессе превращения его во вторичное средство вербализации иноязычной (в нашем случае – русской) культуры [Кабакчи 1998, 2005, 2007, 2011].

Переводоведению предстоит всесторонне изучить ранее не исследованный вид переводческой деятельности («внутренний перевод»): адаптацию языка межкультурного общения в оригинальных (аутентичных) произведениях прямого межкультурного диалога, в ходе которого язык обращен в область иноязычной культуры [Кабакчи 2000, 2011].

На **лексическом уровне** становится необходимым изучение *идиокультуронимов* (культуронимов, закрепленных за специфическими

элементами культур; [Кабакчи 2005: 166] – идионимов и ксенонимов, которые в своей дихотомии «свои идиокультуронимы» (идионимы) и «чужие идиокультуронимы» (ксенонимы) противостоят языковым реалиям и/или безэквивалентной лексике традиционного перевода.

На **лексикографическом уровне** – это изучение становления ксенонимического пласта лексики как объекта регистрации в словарях общего и специального типа. Примером пилотного ксенонимического словаря на базе англоязычного описания русской культуры может служить *The Dictionary of Russia* [Кабакчи 2002].

В рамках **межкультурной коммуникации** интерес представляет изучение *картины иноязычного мира* как противопоставление широко обсуждаемой в настоящее время языковой картине мира. Картина иноязычного мира исторически возникает в процессе *вторичной культурной ориентации* языка с адаптацией имеющегося словарного фонда в соответствии со спецификой внешних культур. Такая культурная переориентация языка становится возможной вследствие *функционального дуализма языка* [Кабакчи 2005].

В рамках **вариантологии английского языка** интерес представляет становление английского языка межкультурного общения (АЯМО), ориентированного в область русской культуры – АЯМО (РК), как специализированной разновидности этого языка [Kachru, Platt *et al.* 1984, Прошина; Кабакчи 1998].

На **стилистическом уровне** наибольший интерес представляют проблемы локализации («нативизации»: [Kachru 1986: 130]) английского языка в художественных произведениях ИЛ (в), т.е. совокупность различных стилистических языковых приемов, позволяющих передать специфику описываемой внешней культуры [Platt *et al.* 1984].

В рамках интерлингвокультурологической **когнитивистики** большой интерес представляют семантические процессы адаптации «полионимических» (универсальных) культуронимов при их ориентации на иноязычную культуру.

Для **лингвистики текста** важным представляется изучение различных жанров аутентичных описаний иноязычных культур с изучением их специфики, в особенности в сопоставлении с текстами, ориентированными на внутреннюю культуру.

В рамках психолингвистического аспекта значительный интерес представляет изучение билинговокультурной личности автора ИЛ (в), вынужденного использовать неродной язык в приложении к родной культуре. Это несомненно потребует **антропоцентрический анализ** данного феномена.

Особый интерес представляет сопоставление обоих типов ИЛ: «второязычного» и «родноязычного» литературного творчества. В этом случае мы имеем дело с **междисциплинарным** аспектом, который включает в себя межкультурную коммуникацию, лингвистику текста, психолингвистику, проблематику языковых контактов и когнитивистику.

Как видим, инокультурная литература фокусирует целый ряд проблем, которые в условиях глобализации коммуникации землян требуют своего настоящего решения.

* * *

ГУСЕЙНОВ, ЧИНГИЗ, 1986. «Неисчерпаемые возможности и 'грозящие опасности'».

КАБАКЧИ В.В., 1998. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.

КАБАКЧИ В.В., 2002. The Dictionary of Russia. СПб.

КАБАКЧИ В.В., 2005. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч.2. СПб. – С. 164–175.

КАБАКЧИ В.В., 2007. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб. – С. 51–70.

КАБАКЧИ В.В., 2011. «Инокультурная литература» и «внутренний перевод». СПб.

МАЗАНАЕВ Ш.А., 1984. Русскоязычная литература Дагестана. Махачкала

ПРОШИНА З.Г., 2007. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка. Хабаровск.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ. 1986. М.

BAILEY R., 1991. Images of English. A Cultural History of English. Ann Arbor.

BEAUJOUR E.K., 1989. Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration. – Ithaca: Cornell UP.

DIMENT G., 1993. "English as Sanctuary" // Slavic and East European Journal, 37 (3). – Pp. 346–350.

FERGUSON Ch. A., 1983. Foreword. In: The Other Tongue: English across cultures. Oxford-NY.

IYER, PICO. The Empire Writes Back. Time, 08 Feb 1993. Pp.50-55.

KING B. (ed.) 1974. Literatures of the World in English. London & Boston.

McCORMACK, 1977. Language and Thought. The Hague – Paris.

MIKES G. 1970. How to be an Alien. London.

THE OTHER TONGUE, 1983. Oxford-NY.

PLATT J., WEBER H., HO MIAN LIAN, 1984. The New Englishes. London.

SRIDHAR S.N. Non-Native English Literatures // Other Tongue, The. Pp.291 306.

WEIR A.L. Style Range in New English Literatures // Other Tongue – P.307-322.

Источники:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, 1990. М.

Т.А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия)

АВТОРСКИЙ СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются структурно-информационные особенности авторского сказочно-мифологического текста в художественной парадигме, в частности, характер внутритекстовых и межтекстовых отношений сказочного имени как проблема перевода. На материале авторских сказочно-мифологических произведений, основанных на использовании фольклорной традиции, анализируются вынужденные и невынужденные преобразования с точки зрения передачи информации при переводе.

Ключевые слова: парадигма сказочного имени, глубина контекста, информационная насыщенность, степень неопределенности, функциональное подобие

Авторские тексты, основанные на сказочно-мифологической традиции, представляют собой особую проблему не только в аспекте перевода, но и в аспекте категоризации. Интуитивное разделение художественных текстов на литературные (авторские) и фольклорные (традиционно-коллективные) не уделяет достаточного внимания этому виду литературного творчества, возможно, в силу его сравнительной редкости. Оговорюсь сразу, что под авторским сказочно-мифологическим текстом здесь понимается особый вид, не подпадающий под определение таких жанров, как фэнтези (произведения типа «Властелина колец» Дж. Р.Р. Толкина) или литературная сказка (произведения типа «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла). В отличие от них «Coyote Stories» Морнинг Дав (Хумишумы) или «Tales of Mystery and Magic» Эдди Ленигана представляют собой либо существенную переработку фольклорных сюжетов, либо принципиально новые сюжеты с известными фольклорными персонажами, производящие впечатление «продолжения традиции», хотя и не зафиксированные в ней.

При всем разнообразии вариантов вторжения автора в миф само вторжение является тем самым показателем таких текстов, который позволяет выделить их в особый вид. Обращение переводчика к ним требует особых технологий передачи исходной информации. Перевод по обычным правилам (например, передача личных имен с помощью практической транскрипции) нередко сопровождается потерями, что сказывается на информацион-

ной насыщенности текста, или глубине контекста. Под глубиной контекста здесь понимается число уровней контекста, по которым реализуется значение [Колшанский 2007: 33] того или иного мифологического имени: от непосредственного лексико-грамматического окружения до *гиперконтекста*, включающего значимое множество текстов, в которых данное имя употребляется в данной языковой культуре. Известно, что даже в пределах родной культуры носители языка не всегда владеют всей глубиной контекста относительно сказочно-мифологических имен, то есть в значительной степени опираются на некий инвариант, стереотипное представление [Русское культурное пространство 2004: 28]. Такое представление, как правило, исключает целый ряд уровней, прежде всего, обусловленных специальным знанием, что, упрощая контекст, ограничивает восприятие информационной насыщенности текста. Например, в стереотипном представлении носителей русского языка *Баба-Яга* ограничивается таким набором признаков, как: а) уродливая (неприятная на вид) женщина с недобрый характером, б) безобразная старуха, владеющая опасным магическим знанием [Русское культурное пространство 2004: 177]. За пределами этого представления остаются многие свойства Б-Я: древняя мифологическая «родословная», возводящая ее к первобожествам, связь с культом мертвых, олицетворение праматери (Богини в трех ипостасях) [Малаховская 2006: 34] и т.п. Для большинства текстов подобного стереотипного представления оказывается достаточно, но там, где такое имя употребляется автором с дополнительной смысловой нагрузкой или в одном из нестереотипных вариантов контекста, оно сопровождается высоким уровнем энтропии и, как минимум, не способствует воссозданию нужной глубины контекста.

В ситуации межкультурного перехода уменьшение глубины контекста для того или иного сказочно-мифологического имени сопровождается еще более значительными искажениями. Например, в современной русской культуре закрепилось стереотипное представление о «гоблине» как о злобном, опасном существе, имеющем сверхъестественную природу – нечто близкое к русскому образу «беса» или «черта». В результате, «goblin's laughter» на основе такого стереотипа переводится как «дьявольский (демонический, сатанинский) смех», тогда как в оригинале это имя употребляется в смысле «странный, призрачный, неестественный»,

поскольку в контексте английской культуры традиционный миф о гоблине рисует его существом нелепым, безобразным, чаще всего унылым и бестолковым. В обратном направлении «Василиса Премудрая» из сказки о царевне-лягушке, безусловно положительный персонаж в русской сказочной традиции (добрая богиня мифологических контекстов), переводится как «Vasilisa the Cunning» или вообще «the cunning witch» [Russian Fairy Tales 1975: 120], то есть воспринимается как недобрая (коварная) ведьма – явное влияние стереотипной оценки колдуньи-оборотня.

Переход имени из народной сказочной традиции в авторский сказочно-мифологический текст еще больше осложняет контекстуальные условия перевода, поскольку к непосредственному языковому контексту и более широкому сказочно-мифологическому контексту традиции добавляется авторский контекст: какое-либо из свойств (или какие-либо свойства) из традиционных представлений становятся важными в авторской интерпретации и могут сравнительно легко (или с некоторым затруднением) выводиться носителями данной языковой культуры. Однако для культуры переводящего языка, как мы уже видели, вопрос о реконструкции контекстуальной глубины остается актуальным. По существу, в авторском тексте, даже если он носит сказительский характер, сказочное имя становится прецедентным и, следовательно, требует от получателя активного взаимодействия, то есть восстановления возможно большего числа смысловых связей с традиционным употреблением этого имени. В этой ситуации переводчик сталкивается с двумя группами проблем. Первая заключается в степени осведомленности самого переводчика, от чего зависит мера глубины восстанавливаемого контекста: чем выше уровень неопределенности исходного текста для переводчика, тем меньше вероятность восстановления требуемых уровней контекста. Вторая группа проблем состоит в проекции переводного текста на предполагаемого получателя, от чего зависит эффективность принятого переводчиком варианта соответствия. Парадигма исходного сказочного имени часто бывает укоренена в исходной культуре и остается вообще неизвестной или мало известной для языковой культуры перевода. Переводчик, будучи двуязычным и бикультурным, может либо не принять во внимание расстояние между культурно-языковыми традициями, либо переоценить это расстояние.

В упоминавшихся выше произведениях Эдди Ленигана игра со сказочно-мифологическими именами приобретает принципиальный характер, ибо Лениган создает «живой миф», не столько пересказывая, сколько сочиняя собственные сюжеты на основе широкого использования традиционных составляющих: от сюжетных ходов до деталей мифа и личных имен. В его «сказах» широко известные в ирландской традиции имена, ситуации, предметы и сюжетные повороты приобретают характер игры с читателем: в принципе, текст Ленигана может быть понят и сам по себе, но прелесть его как раз и состоит в узнаваемости отраженных в нем традиционных контекстов. В таких случаях роль переводчика может оказаться двойной: он либо переводит текст «как он есть», оставляя несведущего читателя переводного текста в неведении относительно истинного смысла использованных имен, событий и фактов, либо помогает реконструировать утраченные в результате расстояния между культурами исходные традиционные контексты. В первом случае переводной текст в максимальной степени теряет информационную глубину и даже дезориентирует читателя, поскольку текст неизбежно принимается за пересказ действительного мифа. Во втором случае переводчику приходится прибегать к целому ряду вспомогательных ресурсов: это могут быть комментарии, примечания, пояснения в тексте, выбор формы имени или иное усложнение (отягощение) текста дополнительными языковыми контекстами.

В истории «Feathers from China» упоминается мифический герой Maeldun (Маэлдун):

Long ago in Ireland, in spite of what people think nowadays, there were men who used to travel to the four ends of the world, and few travelled farther than Fionn and the men of the Fianna in their various hunts and adventures. One of those who did, however, was *Maeldun*, who went sailing the seven seas of the earth *searching (no one knows what) and didn't find it* in the end. [Lenihan 2006: 10]

Информационная игра в этом рассказе покоится на нескольких основаниях (выделено курсивом): само имя путешественника (Maeldun), цель его странствий (no one knows what) и развязка (didn't find it in the end). Если не восстановить глубину контекста, то есть широко известный в Ирландии миф о Маэлдуне-страннике, то переводной текст утратит игровой компонент и превратится в обычную байку:

... Одним из таких был *Маэлдун*, который объехал все семь морей на свете в поисках *неизвестно чего, но так этого и не нашел*. (Учебный перевод)

Если же попытаться восстановить связь между текстом Ленигана и традиционным мифом, то станет очевидно, что в переводе необходимо отразить следующую информацию:

1) в традиционном мифе герой обычно именуется *Maeldun(e) the Voyager* – для иноязычного читателя полезно было бы восстановить это прозвище в тексте (*Маэлдун-Странник или Маэлдун-Мореплаватель*), чтобы аллюзия оказалась более прочной;

2) в традиционном мифе цель поисков вполне отчетлива – Маэлдун ищет убийцу своего отца, чтобы отомстить за него, а вставка в скобках в тексте Ленигана – это игровой прием, отрицание очевидного для осведомленных слушателей или читателей факта (to avenge); в русской сказительской традиции привлечение внимания слушателей чаще всего достигается не отрицанием, а вопросом, хотя бы риторическим (*и что он там искал?*);

3) в мифе Маэлдун под конец настигает убийцу своего отца, но находит их такими жалкими и ничтожными, что отказывается от мести (let them go) – поэтому выбор глагола в переводе должен отражать многозначность find, в частности, помимо «найти, обрести, обнаружить» обозначать еще и «решать, считать, приходить к выводу и т.п.» (*а потом и вообще решил не искать этого*).

С учетом проделанных переводческих операций достаточно будет краткого примечания, чтобы восстановить в переводе функциональное подобие исходной аллюзивной игры, не обременяя переводной текст пространными комментариями. Тем не менее, недостающая у получателей переводного текста информация должна быть тем или иным способом восполнена, иначе такой рассказ утратит жанровое своеобразие, перестанет создавать иллюзию продолженного мифа.

Таким образом, имея дело с авторскими текстами, построенными на сказочно-мифологической основе, мы должны не только распознать такого рода аллюзии в тексте, но и реконструировать их убедительное подобие в переводе, в том числе и отходя от точного воспроизведения оригинального текста.

* * *

КОЛШАНСКИЙ Г.В., 2007. Объективная картина мира в познании и языке. М.

МАЛАХОВСКАЯ А.Н., 2006. Наследие Бабы-Яги. СПб.

РУССКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, 2004. Под ред. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. Лингвокультурологический словарь. М.

Источники:

EDDIE LENIHAN, 2006. Irish Tales of Mystery and Magic. Cork.

RUSSIAN FAIRY TALES, 1975. Toronto.

Н.Н. Казыдуб (Иркутск, Россия)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается проблема содержательного описания культурологической составляющей дискурсивного пространства. Обосновывается статус прототипического сценария как базового инструмента культурологической интерпретации дискурса, устанавливаются факторные характеристики, специфицирующие дискурсивное пространство в плане его культурологической оформленности.

Ключевые слова: дискурсивное пространство, культурологическая составляющая, культурный концепт, прототипический сценарий, мифологические архетипы, стереотипные образы

Культурологическая составляющая дискурсивного пространства оформляется в рамках общетеоретической проблемы соотношения культуры и языка.

Связь культуры и языка фундируется системами культурных концептов, культурных сценариев и культурных значений.

Программным является определение концепта как основной ячейки культуры в ментальном мире человека, сформулированное Ю.С. Степановым. Концепт обладает сложной структурой. Различаются три слоя концепта: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; (3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, запечатленная во внешней словесной форме [Степанов 2001: 47]. Многогранность концепта лежит в основе его дискурсивной лабильности: «высвечивается» та грань концепта, которая формирует интенциональный фокус реальной ситуации речевого взаимодействия. Ср.: «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [Лихачев 1993: 5].

Известен метод описания социального взаимодействия в терминах культурных сценариев, разрабатываемый в трудах А. Вежбицкой. Культурные сценарии представляют собой «грамматику культуры». Они репрезентируют наиболее значимые контексты социального взаимодействия. Эта методология учитывает вари-

ативность социального взаимодействия, но ее идеологическим принципом становится положение о существовании культурной парадигмы, в рамках которой осуществляется речемыслительная и речеповеденческая деятельность индивидуума. Культурные сценарии объективируются посредством речевых стратегий, типичных для данного культурного социума. Описание культурных сценариев посредством формирования лексических универсалий, предлагаемое А. Вежбицкой (1999; 2001), ценно тем, что позволяет сопоставить различные культуры исходя из унифицированных параметров. Однако в процессе социального взаимодействия культурный сценарий насыщается самыми разнообразными культурными коннотациями, которые вряд ли могут быть исчерпывающим образом эксплицированы в терминах семантических примитивов. Более адекватной представляется этнокультурная интерпретация, в основе которой лежит определение парадигмообразующего элемента культурного сценария и соотнесение восприятия социальных смыслов и лингвистических кодов и моделей взаимодействия личности с окружающим миром.

В рамках заявленного подхода охарактеризуем культурологическую составляющую дискурсивного пространства «PLAN-NING», которая моделируется на основе вычленения статутных характеристик прототипического сценария планирования, объективируемого англоязычной картиной мира.

Эмпирически этот сценарий переживается как поэтапное формирование деятельности, что обусловлено рационалистической парадигмой, в соответствии с которой прогрессивное развитие есть поэтапное (пошаговое) развитие. Отсюда проистекает категориальная значимость и системообразующая роль семантического параметра ПОШАГОВОСТЬ (ПОЭТАПНОСТЬ), объективируемого ключевой номинацией – лексемой STEP. Основным структурообразующим элементом становится синтаксический параллелизм, индицирующий алгоритм действий субъекта планирования. В соответствии с прототипическим сценарием дискурс планирования оформляется по типу алгоритмического списка. Подтверждением этому служит следующий пример:

She slept little, for her mind was busy planning. Step one was to escape. Step two was to deal with Joe Romano, Perry Pope, Judge Henry Lawrence, and Anthony Orsatti. Step three was Charles. But that was too painful even to think about [Sheldon 1986: 96].

Переживая свое будущее как последовательность целеориентированных действий, героиня ранжирует их в зависимости от степени их значимости. Каждый этап формирует факторную обусловленность следующего этапа. В данном контексте шаг описывается в терминах целевого действия. Тем самым конструируется итоговый образ, репрезентирующий желаемое для субъекта планирования состояние. Рекуррентное использование дискурсообразующей пропозиции параметризует это пространство в соответствии с такими характеристиками, как процедурность и проблематизированность: каждый шаг связан с решением определенной проблемы. Потенциальность действий передается инфинитивами. На этом фоне диссонансом выглядит оформление последнего шага, где инфинитив элиминируется, а проблема объективируется именем собственным – Charles, в результате чего референт маркируется и «высвечивается» посредством синтаксической асимметрии. Суть проблемы выясняется в последующем контексте: рациональное сопрягается с эмоциональным. Процедурное и проблематизированное пространство «PLANNING» может идеологизироваться в процессе социального взаимодействия, преобразуясь в идеологическое пространство.

Идеологический фон формируется **прототипическими ценностями**. Их активация насыщает дискурсивное пространство аксиологическими стратегиями, мотивирующими факторами, нравственно-ценностными идеологемами, аргументативными комбинациями.

В этом плане характерно дискурсивное пространство «PLANNING», представленное в следующем фрагменте дискурса.

New Businesses

We established a number of smaller new business units last year. American Express Financial Services Direct is a new unit that will provide a range of financial products directly to customers. This business will offer payment, credit, insurance and investment products, including some manufactured by AXP Advisors, through a variety of channels such as telephone, fax and personal computers – however and whenever our customers choose.

This business offers both a growth opportunity for us and a logical extension of the brand. Through its marketing efforts, we expect this business will help build AXP Advisors' client base as some customers determine they need a comprehensive financial plan and the advice of a personal financial advisor.

Financial Services Direct conducted product tests in several United States markets last year. It will begin offering a family of products this year.

We are also developing another new business that will offer a variety of financial services to employees at their places of work. Research indicates that employees appreciate receiving information about financial products and services at the workplace, and this represents an attractive opportunity for us.

During the year, we worked to define opportunities in this area. We intend to expand AXP Advisors' 401 (k) retirement and other benefit services to capture a greater share of these fast-growing markets. We will expand our Tax and Business Services business and the range of services we offer to small-business owners. We also intend to expand our Financial Education Services and Security Services businesses [American Express Company Annual Report 1995, 1996: 15–16] (выделено мною – Н.К.).

Первая прототипическая ценность PROGRESS актуализируется в дискурсе благодаря его макроструктурным (главным образом – жанровым) характеристикам. Раздел годового отчета деловых организаций под названием **New Businesses** устойчиво соотносится с указанной ценностью по условиям соответствующего жанра. Подчеркнем, что необходимо различать в аналогичных контекстах дискурсивные условия актуализации PROGRESS, с одной стороны, и ACHIEVEMENT – с другой стороны. Характерным признаком первых являются комиссивы и гомеостатическая оценка, в то время как во вторых преобладают ассертивы и прототипическая оценка.

Вторая прототипическая ценность COMMITMENT, объединяющая участников речевого взаимодействия – компанию American Express и ее акционеров, детерминирует стратегию гарантированного исполнения взятых на себя обязательств, заданных приверженностью ценности PROGRESS, и гарантом здесь выступает прагматик – всемирно известный бренд.

На этой основе конструируется модель дискурса, где преобладают комиссивы, ключевое свойство которых состоит в том, чтобы обязывать адресанта к определенной линии поведения. В условиях сосуществования с авторитетным именем – известной торговой маркой, комиссивы интерпретируются как гарантии успешной реализации новых проектов. Будучи символом авторитета, American Express Company обладает значительным количеством акцио-

логически сильных прецедентов, создающих образ социально-ответственной компании, идеология которой может быть выражена формульным высказыванием «My word is my bond».

Нельзя упустить из виду еще одно обстоятельство, характерное, на наш взгляд, для институционального дискурса. На макроструктурном уровне здесь актуализируется прототипическая ценность неагентивного свойства, определяющая желательное положение дел в культуре (PROGRESS). Актуализация ценности COMMITMENT опосредована конкретными единицами и структурами языка, в частности, глаголами планирования и комиссивными речевыми актами. Подобное иерархическое ранжирование средств актуализации дает комплексную аксиологическую характеристику COMMITMENT to PROGRESS, которая очевидным образом полагается в основу стратегической иллокутивной цели анализируемого фрагмента дискурса. Как показывает анализ институциональных образцов дискурсивного пространства «PLANNING», такая организационная модель является для них наиболее характерной.

Очевидно, что содержание дискурсивного пространства непосредственно связано с системой культурных значений, регулирующих бытие социума и бытие языковой личности в социуме.

Отражая сущностные характеристики культуры, культурные значения: а) кристаллизуются в процессе социальной деятельности; б) снабжаются языковой диакритикой; в) конвенционализируют знания, представления и нормы; г) феноменологически переживаются носителями культуры; д) определённым образом структурированы; е) выполняют прескриптивную функцию, то есть предписывают языковой личности определённые способы форматирования информации в актуальных ситуациях социального взаимодействия.

Собственно культурным компонентом называются «убеждения, понимаемые как истинные пропозиции (...они являются истинными в силу того, что принимаются всеми носителями культуры) и ценности, понимаемые как внутренние стандарты для восприятия и направления действий» [Елизарова 2000: 57–58]. Уточним, что на фоне презумпции истинности культурных значений для всех носителей культуры существуют и развиваются девиантные модели языковой категоризации и концептуализации, формируемые и наблюдаемые, прежде всего, в области ценностных ориентаций.

Культурологическая интерпретация дискурсивного пространства требует также учёта таких параметров, как:

1) **прототипическая идеология** – система психологических ожиданий индивидуума, обуславливающих выбор дискурсивных стратегий, не противоречащих мировоззренческой парадигме данного лингвокультурного социума;

2) **мифологические архетипы** – интегрируя рациональные и иррациональные механизмы мировосприятия и мироосмысления, миф представляет собой эффективный инструмент речевого воздействия, ибо существует презумпция его истинности: «*Мифологическое не проверяется*» [Почепцов 2001: 9] (курсив автора – Н.К.). Согласно концепции Е. И. Шейгал, миф имеет статус прецедентного феномена [Шейгал 2004: 141].

3) **стереотипные образы** – культурологически мотивированные стандарты речевого поведения и речевого взаимодействия, предписывающие индивидууму определённые стратегии фреймирования дискурсивной реализации.

* * *

ВЕЖБИЦКАЯ А., 1999. Семантические универсалии и описание языков. М.

ВЕЖБИЦКАЯ А., 2001. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.

ЕЛИЗАРОВА Г. В., 2000. Культурный компонент лексического значения и коммуникативная функция языка // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: *Studia Linguistica* – 9. СПб. – С. 56–63.

ЛИХАЧЕВ Д. С., 1993. Концептосфера русского языка // Известия АН. Сер. лит. и яз. Т. 52. №1. – С. 3–9.

ПОЧЕПЦОВ Г. Г., 2001. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.; К.

СТЕПАНОВ Ю. С., 2001. Константы: Словарь русской культуры. М.

ШЕЙГАЛ Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М.

Источники:

American Express Company Annual Report 1995, 1996. NY.

SHELDON, S., 1986. *If Tomorrow Comes*. London.

О.Н. Кузьменко (Санкт-Петербург, Россия)

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СТАРОФРАНЦУЗСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ НА СОВРЕМЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена анализу и оценке функциональной адекватности различных способов перевода междометий старофранцузского языка на современный французский язык.

Ключевые слова: *интеръективизмы, функционально адекватный вариант, трансформация значения*

В последнее время все больший интерес лингвистов вызывает изучение междометий, называемых «одной из наименее изученных областей лингвистики» [Парсиева 2004: 5–6] и «пренебрегаемой» частью речи [Saucius 2004:101]. Исследуются место междометий в общей системе языка [Парсиева 2010] и в системе частей речи [Серреда 2001], их семантико-прагматические особенности [Мамушкина 2003]. Вполне объяснимо и то внимание, которое уделяется междометиям в рамках теории и практики перевода: междометия, основной функцией которых является непосредственное выражение эмоций и субъективно-чувственных реакций человека, заключают в себе мощный этнокультурный заряд, сохранение и передача которого адекватными средствами представляют определенные сложности при переводе [Парсиева 2005].

В обнаруженных нами по данной проблематике работах изучаются способы и функциональные варианты перевода междометий из одних живых языков в другие. Предметом нашего научного интереса является исследование французских междометий в диахроническом аспекте и, соответственно, способы перевода старофранцузских междометий на современный французский язык. Подобный подход позволяет пролить свет как на общетеоретические проблемы (формирование системы французских междометий в диахронии, их взаимодействие с другими частями речи, приобретения и утраты, имевшие место в тот или иной исторический период), так и на частные проблемы перевода междометий.

Наше исследование проводилось на материале пяти произведений старофранцузского языка, относящихся к разным жанрам (две эпические поэмы: «Песнь о Роланде», XI в., «Рауль де Камбрэ», XII в., два рыцарских романа Кретьена де Труа «Клижес» и

«Поиск Грааля, или Роман о Персевале», XII в., городской роман в двух томах «Роман о Лисе», XIII в.) с имеющимися параллельными переводами текстов на современный французский язык.

Анализ языкового материала позволяет выявить следующие способы перевода старофранцузских междометий на современный французский язык:

1. **Дословный перевод** (нулевая трансформация) междометия возможен при условии сохранения в языке данного интеръективизма с прежней формой и значениями (по крайней мере, частью значений).

1.1. Непроизводные междометия:

- **ha** → **ha**

В старофранцузском языке междометие **ha** выражало боль, печаль; страх; установление контакта, призыв к отклику; насмешку, смех [Кузьменко 2008]. В современном французском языке значения междометия **ha** следующие: выражение боли; приятно-го или неприятного удивления; имитация смеха; усиление высказывания [PR 1981].

Es vos le convers qui l'avise,/Devant lui vient toz airez/– “Ha ha, cuivrez, vos n'en irez.” [RdR, T.1, p.182:627–629]

Et le frère, qui l'a vu, s'approche menaçant: “Ha!Ha! sale engence! Vous ne vous sauverez pas!” [RdR, T.1, p.183:624–627]

А монах, который видит его, приближается к нему, разгневанный: “Ха, ха! Негодяй, вам не удастся спастись».

Употребление двойного междометия **ha, ha** адекватно передает насмешку, в данном контексте окрашенную угрозой.

1.2. Производные междометия:

Diex → **Dieu** – форма прямого падежа интеръективированного существительного **Diex** приобрела в современном французском языке форму **Dieu**:

Diex ! dist la dame, li cuers point ne m'esclaire. [RdC, p.86:853]

Dieu, dit la dame, mon coeur ne m'a pas soulagé pour autant. [RdC, p.87]

“О, Боже!» – воскликнула дама – «Сердцу моему не стало легче».

Междометие сохраняет функционально-стилистическую окраску. Оно естественно звучит в устах глубоко религиозной женщины и передает всю полноту ее печали.

2. Замена междометия при переводе.

2.1. Замена старофранцузского междометия на современное при имеющейся аналогичной интеръекционной единице:

e (he) → ah

He Diez, aide! [RdC, p.444:6962]

Ah, Dieu, pitié! [RdC, p.445]

O, Господи, пощади!

Современное междометие eh (hé) используется, как и старофранцузское e (he), в контактоустанавливающей функции при обращении к собеседнику. Переводчиком, однако, было выбрано междометие ah. Думается, такой выбор вполне оправдан и обусловлен стилистическим компонентом междометия eh (hé) в современном французском языке, где оно употребляется преимущественно в сфере фамиллярного общения и не подходит для обращения к Господу.

he → hélas

“*He* B[erniers] sire, frans chevaliers mirables, /cis H[erchanbaus] est trop fel et trop saiges.” [RdC, p. 454:7125–7126]

“*Hélas*, seigneur Bernier, chevalier noble et puissant, cet Herchambaut est trop cruel et trop habile.” [RdC, p. 455]

«Ах (увы), Бернье, благородный и отважный рыцарь, этот Эршамбо слишком жесток и слишком хитроумен».

Переводчик усиливает силу переживания и боли, заключенную в старофранцузском междометии he, но не выраженной в такой степени, как в междометии hélas. Однако подобный способ перевода не нарушает общей тональности отрывка (ср. предыдущий контекст: *La jantil dame fu dolente et mate* – RdC, p.454:7120 – Благородная дама была расстроена и опечалена).

hai → eh bien

La male pucele s’an rit/Et mon seignor Gauvain a dit:/ «Hai! Vassalx, que feroiz vos?» [CdG, p. 498:7059–7061]

La mauvaise jeune fille se met à rire./ Elle dit a monseigneur Gauvain:/ “Eh bien, vassal, qu’allez-vous faire?” [CdG, p. 499:7059–7061]

Злая девица расхохоталась и сказала господину Говену: «Эй, рыцарь, и что же вы намерены делать?»

В современном французском языке сохранилось междометие hai, выражающее призыв к собеседнику. Переводчик, между тем, прибегает – и на наш взгляд, неоправданно – к интеръективному

сочетанию eh bien, тем самым смягчая насмешливое и не отличающееся учтивостью обращение к сеньору Говену.

ha ha → a l’aide, au secours

Quant Eve vit qu’elle a perdue/Sa brebiz s’ele n’a aiue,/Brait eterie forment “ha ha!” [RdR, T.1, p.22:45–47]

Se rendant compte que, si on ne lui vient pas en aide, c’en est fait de sa brebis, Eve pousse de grands cris; “A l’aide! Au secours!” [RdR, T.1, p.23:43–46]

Когда Ева увидела, что, если ей не придут на помощь, она потеряет свою овцу, закричала громко: «А!А!»

Переводчик своим вариантом рационализирует нерасчлененное выражение эмоции страха, выражаемой персонажем. С одной стороны, таким переводом снимается полисемия междометия ha, с другой стороны, эмоция, приобретая лексическую и прагматическую оформленность, утрачивает непосредственность реакции. Представляется, что более корректным переводом было бы сохранение междометия ha вместе с вербализованным призывом на помощь au secours!

2.2. Замена старофранцузского междометия на современное, связанная с изменением значения сохранившегося междометия.

Междометие **ahi (hai, hahi)** в старофранцузском языке выражает моральную боль [Gr 1980]. Наш материал показывает, что вторым (а по частотности употребления – первым) значением этого междометия является горький упрек, обращенный ко второму лицу. Это значение можно рассматривать как производное от основного: моральная боль, выраженная не в отношении самого себя, а в отношении собеседника. Начиная с XV в. это междометие смешивается с междометием ape, выражающим боль – прежде всего физическую и прежде всего в отношении самого себя. В современном французском языке междометия ahi и ape используются для выражения реакции на боль. Междометие ahi представляет значительные трудности при переводе, о чем свидетельствуют следующие примеры:

hai → ah

Quant ot Rolant qu’il ert en reregarde,/Ireement parlat a son parastre:/ “Ahi! Culvert, malvais hom de put’aire...” [ChdR, p. 74: 761–763]

Quand Rolland entend qu’il sera à l’arrière-garde,/il parle avec colère a son parâtre:/ “Ah, coquin, homme lâche et de vile espèce...” [ChdR, p. 75: 761–763]

Когда Роланд слышит, что он будет в арьергарде, гневно говорит он своему отчиму: «*Э-эх! Негодяй, низкий человек...*»

Согласно словарю старофранцузского языка Греймаса [Gr 1980], междометие *haï* впервые засвидетельствовано именно в тексте «Песни о Роланде». Оно употреблено в контексте, содержащим недвусмысленное указание на сильные гнев и боль персонажа: наречие *ireement*, а также уничижительные апеллятивы, обращенные Роландом к своему отчиму (*culvert, malvais hom de put'aïre*). Это свидетельствует о сильном эмоциональном заряде, присущим междометию *haï*, который переводчик постарался передать через междометие *ah*.

haï → **eh bien**

– “*Han, Renart, quel pez ci a!*” [RdR, T.1, p. 176:524]

“*Eh bien! Renart*”, *s'écrie-t-elle*, “*de quel accord parliez-vous?*” [RdR, T.1, p.177:523–524]

«*Эх вы, Лис, о каком соглашении с вами можно говорить?*»

Междометие *eh bien* выражает вопрос, удивление, смирение [PR 1981]. При таком переводе утрачивается как качественный (возмущенный упрек), так и количественный (степень возмущения) компонент значения междометия *haï*.

ahi → **hélas**

Cil B[er]neçons] ... vit Ugon, son cousin estendu;/fill fu s'antain, grant ire en a eü./Il le regrete et dist qe mar i fu:/ “Ahi, G[ueris], quel ami m'as tolu !” [RdC, p. 222:3125–3129]

Le jeune Bernier ... vit, étendu a terre, le corps de son cousin Hugues, fils de sa tante, et en éprouva une grande douleur. Il se mit a le plaindre et a regretter son triste sort: “Hélas, Guerri, tu m'as enlevé un grand ami!” [RdC, p. 223]

Бернье увидел лежащим Гуго, своего двоюродного брата, сына своей тети, и испытал большую боль. Он жалеет его и кручинится о нем: «Гери, Гери, какого друга ты меня лишил.»

Как и в предыдущем примере, выбранный при переводе вариант междометия (*hélas*) оказывается недостаточно сильным для передачи горького упрека, обращенного одним персонажем к другому. Междометие *hélas* ослабленно выражает горестное сожаление по поводу случившегося. При переводе на русский язык мы выбрали опущение междометия, одновременно прибегнув к повтору обращения, что и передает наполненный горечью упрек, обращенный к собеседнику – участвующему в ситуации или отсутствующему.

2.3. Замена старофранцузского междометия на современное в связи с утратой старофранцузского междометия.

diva → **dis donc**

*Div*a, fet il, es tu gabierre? [RdR, T.1, p. 36:291]

Dis donc! Te moques-tu de moi? [RdR, T.1, p. 39:292]

Ну и ну! Ты смеешься надо мной?

Старофранцузское междометие *diva*, состоящее из форм императива глаголов *dire* и *aller*, выражает побуждение к ответу на вопрос или к действию, а также удивление [Gr 1980]. Поэтому вполне адекватным можно считать его перевод на современный французский язык при помощи интеръективного сочетания *dis donc*.

dī va → **holà**

Di va, fait il, ne me celez/Por coi vos venez ça si tost! [CdG, p. 304:4156–4157]

“Holà! fait-il, dites-moi sans detours/ce que vous venez faire ici de si bonne heure!” [CdG, p. 305]

«*Эй!*» – сказал он, «скажите мне без обиняков, для чего вы приехали сюда так рано».

Междометие *hola* актуализирует в данном случае сему побуждения к ответу на вопрос и поэтому также может считаться функционально адекватным эквивалентом старофранцузского междометия.

Междометие *avoi* используется для подтверждения согласия или для энергичного выражения несогласия (реже – для выражения удивления). И хотя в этой функции в современном французском языке могут использоваться междометия *oui-da* и *nenni-da*, эти варианты ни разу не были предложены переводчиками. Объяснить это можно тем, что междометия *oui-da* и *nenni-da* квалифицируются как устаревшие и региональные варианты, используемые иногда при ответах в шутовском тоне. Таким образом, их использование привело бы к стилистической некорректности. Для перевода междометия *avoi* предлагаются следующие интеръективизмы: *eh bien*, *holà*, *allons*, *voyons*, *ah ça*, *ah non*, *eh*, *oh*.

– “*Compains*”, dist il, “*qar la menjons!*”/- “Avoi”, dist Renart, “*non le ferons*”. [RdR, T.1, p.114:115–116]

– “*Eh bien! Mangeons-la, ami*”./ – Ah non! [RdR, T.1, p. 115:117–118]

«*Приятель, съедим ее [колбасу]!*» – «Ну, нет», – ответил Лис.

Коммуникативно-прагматические характеристики интеръекционного сочетания *ah* по-прежнему полностью соответствуют междометию *avoï*.

3. Опускание междометия при переводе.

Здесь также возможны три случая.

3.1. Опускание старофранцузского междометия при сохранившемся интеръективизме:

«*Ha ha, le leu! Aïe aïe!*» [RdR, T.1, p. 74:458]

«*Au loup, au loup, a l'aide, a l'aide!*» [RdR, T.1, p. 77:459]

«*A! A! Волк! На помощь!*»

Междометие *ha*, выступающее в современном французском языке устаревшим вариантом междометия *ah*, служит для усиления различных эмоций [PR 1981]. В данном случае оно использовано для выражения сильного страха, что придает экспрессию выражаемому чувству, утраченную при переводе вследствие опущения междометия.

3.2. Опускание старофранцузского междометия, частично утратившего свое значение.

В «Романе о Лисе» имеется эпизод, где дважды опущено междометие *haï/ahi*. Лис опозорил волка Изенгрина, овладев его женой Эрсен. Волк следующим образом отчитывает свою неверную супругу:

«*Haï*», fet il, “*pute chaitive,/Pute vix orde et chaude d’ovre*”... [RdR, T.1, p. 240: 258–259]

«*Sale vielle foutu pute en chaleur!*» [RdR, T.1, p. 241: 259]

«*Ах ты, несчастная распутница, старая потаскуха!*»

Междометие *haï* служит для усиления яростного гнева волка, передаваемого также экспрессивными инвективами. Опускание междометия *haï* при переводе компенсируется аккумуляцией уничижительных определений.

Затем Эрсен объясняет супругу, что Лис овладел ею насильно, против ее воли, чем утихомиривает ярость Изенгрина, который начинает сокрушаться о своей чрезмерной гневливости:

«*Ahi*» fet il, “*trop ai grocé*”. [RdR, T.1, p. 242: 284]

«*Oui*», dit-il, “*j’étais bien fou de grogner comme je l’ai fait*”. [RdR, T.1, p. 243: 284–285]

«*O да! Я чересчур погорячился в своем гневе!*»

В данном случае опущение при переводе междометия *ahi* с заменой его на *oui* лишает эмоционального накала раскаяние волка и превращает его в спокойно-рациональное рассуждение.

3.3. Опускание старофранцузского междометия, вышедшего из употребления. Это относится прежде всего к междометиям *diva* и *avoï*:

«*Diva*», fait il, “*laisse m’ester*”. [RdR, T.1, p. 32: 207]

«*Laisse-moi donc tranquille*», dit la bête. [RdR, T.1, p. 33: 204–205]

«*Ну же! Оставь меня в покое!*»

Значение побуждения к действию компенсируется в данном случае эмфатическим употреблением союза *donc*.

Итак, при переводе старофранцузских междометий на современный французский язык переводчики руководствуются

- передачей прагматической направленности междометия, определяемой микро- и макро контекстом;
- сохранением стилистического компонента междометия;
- передачей степени эмоционального заряда, содержащегося в старофранцузском междометии.

Переводческие неудачи связаны с нарушением одного из этих параметров.

* * *

КУЗЬМЕНКО О.Н., 2008. Междометия старофранцузского языка. Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции (Смоленск, 9–10 октября 2008 года)/ Выпуск XII. Часть I, Смоленск.

МАМУШКИНА С.Ю., 2003. Семантика и прагматика междометий в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара.

ПАРСИЕВА Л.К., 2004. Функционально-семантические характеристики междометий (На материале осетинского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ.

ПАРСИЕВА Л.К., 2005. Актуальные вопросы перевода междометий. // Материалы второй научно-практической конференции «Перспективные разработки науки и техники – 2005», Днепропетровск.

ПАРСИЕВА Л.К., 2010. Система междометия в общей парадигме языка (на материале осетинского и русского языков). Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Владикавказ.

СЕРЕДА Е.В., 2004. Место междометий в системе частей речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.

SAUCIUC G-A., 2004. Interjection as viewed by latin grammarians. *Revue Roumaine de Linguistique*, XLIX.

Источники и принятые сокращения:

Greimas A.-J., 1980, *Dictionnaire de l'ancien franzaais jusqu'au milieu du XIV s.*, P – (Gr)

Petit Robert, 1981, *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue franzaise*, P.

La chanson de Roland, 1985, P. – (ChdR)

Ch. de Troyes, 1994 Cliges. P. – (Cl)

Ch. de Troyes, 1990, *Le Conte du Graal ou Le roman de Perceval*, P. – (CdG)

Raoul de Cambrai, 1996, P. – (RdC)

Le Roman de Renart, 1981, T 1,2. – P. – (RdR)

Н.В. Сигарева, М.А. Зезкова (Санкт-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-СУБЪЕКТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Наука и техника – это не только логика, но и источник сложных эмоций, что объясняет присутствие образной лексики и экспрессивных конструкций в текстах научной коммуникации. Повышение роли научного перевода предопределяет актуальность выявления способов передачи стилистически окрашенных компонентов с английского языка на русский, для которого их употребление в этой сфере не свойственно. Решению этой актуальной задачи и посвящена статья.

Ключевые слова: *типология текстов, научная коммуникация, эмоционально-субъективная оценка, полевая структура, нейтрализация*

Наука как основная и особая форма человеческого познания мира и его преобразования, в наши дни является наиболее значимой и существенной частью той реальности, которая нас окружает. Процессы обмена информацией образуют основной механизм существования и развития науки, так как наука не может развиваться, если проведение важных исследований задерживается по причине того, что в одной области неизвестны результаты, уже давно ставшие доступными в другой [Судовцев 1989: 6].

Научный перевод имеет непосредственное отношение к обмену информацией и познавательной деятельности. Перевод как особый вид речевой деятельности является одним из основных и общепринятых средств межкультурной коммуникации, так как очень часто именно переводчик становится посредником в научном диалоге культур.

На данном этапе развития науки и языка в сфере научной коммуникации функционирует многообразие текстов различной тематики и жанров, обладающих ярко выраженной спецификой, которую необходимо учитывать переводчику. Способ перевода, как правило, принято напрямую связывать с жанрово-стилистическими особенностями текста оригинала, так как принято считать, что на основе лингвистической классификации функциональных стилей в теории перевода возможным становится выделение видов перевода [Комиссаров 2001: 77].

Однако обзор теоретических источников показывает, что как в стилистике, так и в переводоведении не существует единообразной классификации функциональных стилей.

Так, по мнению И.В. Арнольд научный стиль включает в себя научные и технические тексты [Арнольд 2002: 180]. А.Н. Паршин, как и М.П. Брандес, В.И. Провоторов, объединяет научные и технические тексты в один, общий научно-технический стиль [Цатурова, Каширина, 2008: 85]. В.А. Судовцев также ведет речь о едином научно-техническом стиле [Судовцев 1989: 6]. И.С. Алексеева приводит типологическую классификацию текстов, в которой научные и технические тексты относятся к разным типам, однако описание характерных особенностей для них дается общее [Алексеева 2004: 165–173]. Кроме того, в подобной классификации речь идет о выделении только ведущих языковых средств, которые должны быть обязательно найдены и переданы при переводе определенного типа текста или которые будут представлять особые трудности при передаче на язык перевода [Алексеева 2004: 166].

Необходимо также отметить, что долгое время доминирующим каналом для передачи научной информации являлся письменный канал как наиболее надежный и авторитетный, а значит обладающий большей значимостью и статусом. Если в большинстве сфер общения любая коммуникация осуществляется в основном по устным каналам, то для научной коммуникации именно письменная форма существования является исконной, поскольку именно письменный текст обладает возможностью долговременно фиксировать информацию, что и требуется в научном познании мира. Кроме того, специфика научного мышления такова, что его аргументы чаще всего находят отражение в сложных, многокомпонентных структурах, существование которых в письменной форме более естественно, чем в устной форме. Тем не менее, с развитием средств массовой коммуникации, с увеличением роли науки в обществе и ростом различного рода научных контактов (съезды, конференции, симпозиумы) увеличивается роль устной формы научной коммуникации [Разинкина 2005: 40]. Как следствие – все больше характерных особенностей, свойственных устной речи, появляется в письменных текстах.

В настоящее время из-за постоянного взаимодействия стилей между собой и эволюции жанровой системы, в целом, наблюдает-

ся взаимопроникновение языковых средств различных стилей, а границы между стилями оказываются размытыми. Помимо этого, процессы интеграции в науке, а главное, появление новых перспективных и быстро развивающихся научных направлений привели к тому, что часто научные документы не могут быть выделены в отдельные рубрики, как было принято в классических классификациях.

Тем не менее, тексты, функционирующие в научном пространстве, связаны в единое целое общим коммуникативным заданием, поэтому их объединение на основе типа коммуникации представляется целесообразным и позволяет в какой-то мере нивелировать противоречия жанрово-стилистической классификации.

Научная коммуникация представляет собой совокупность процессов представления, передачи и получения научной информации, создающих основной механизм существования и развития науки. Именно в этом едином пространстве функционируют все так или иначе связанные с наукой тексты. Вот почему в данной ситуации целесообразно рассматривать научные тексты в терминах *полевой структуры*, а именно, как совокупность текстов в рамках единого пространства научной коммуникации. При этом необходимость в четком соотношении текста с тем или иным стилем, жанром или типом текста исчезает. К основным стилистическим доминантам научного стиля принято относить точность, конкретность, объективность, убедительность, аргументативность, логическую последовательность в изложении. Данные характеристики обеспечивают однозначность понимания научного факта или аргумента и, следовательно, подразумевают отсутствие употребления эмоционально-субъективных компонентов в языке науки [Алексеева 2004: 168]. Однако в последнее время наблюдается тенденция к появлению всё большего числа стилистически отмеченных элементов в научных текстах и технических описаниях, все более отчетливо наблюдается проникновение субъективно-оценочных элементов в сферу научной коммуникации. Это еще раз свидетельствует о том, что понятие единства стиля и выявление общих признаков научного стиля относительно.

Появление эмоционально-субъективных компонентов в текстах такого типа представляет собой особую проблему при переводе. Например, для англоязычных научных текстов характерно

более частотное употребление стилистически окрашенных единиц, что, как правило, не свойственно русскому языку.

Основная особенность полевой структуры как одного из способов существования лингвистических явлений, – это «полнота и максимальная интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность, и ослабление на периферии» [Бондарко 2005: 13]. Выделение ядра и периферии, а также возможность существования пограничных, пересекающихся областей поля позволяет отнести тексты, функционирующие в пространстве научной коммуникации, к той или иной части поля в зависимости от интенсивности проявления того или иного признака или их своеобразной совокупности. Однако между ядром поля и его периферией не существует четких границ, и переход от области к области осуществляется постепенно. Очевидно, что к ядру поля целесообразно отнести такие тексты, которые манифестируют доминантные признаки научной коммуникации. В отличие от ядра, периферийная зона будет содержать более «нейтральные» для научной коммуникации языковые средства. Эта область носит в значительной степени внестилевой характер, поскольку в ней действие стилистических приемов, характерных для научного стиля и отличающих его от других стилей, выражено менее заметно. Пограничные области включают в себя особенности, свойственные и другим функциональным стилям. Полевая модель представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер [Троянская 1984: 20].

В терминах теории поля, эмоционально-субъективные компоненты, функционирующие в научных текстах, могут быть отнесены к пограничной области пространства научной коммуникации.

Далее рассмотрим способы передачи эмоционально-субъективных компонентов.

Исследования переводов разных лет показали, что долгое время при переводе научных текстов с английского языка на русский язык основной стратегией перевода стилистически окрашенных компонентов являлась их полная нейтрализация, поскольку функциональный стиль научной прозы русского языка не подразумевает использование стилистически окрашенных средств. Использование словарных эквивалентов в качестве переводных не всегда возможно, так как механический перенос стилистиче-

ски окрашенной единицы может привести к нарушению норм оформления текстов в сфере научной коммуникации в русском языке. Однако большинство переводчиков всё же стремятся к передаче этого компонента значения, заложенного автором текста оригинала, и необходимость адекватной передачи исходных компонентов значения остается. Наблюдаемая тенденция позволяет говорить о том, что наряду с такими характерными особенностями текстов в сфере научной коммуникации, как точность, конкретность, однозначность, в ней появляются компоненты, выражающий субъективную оценку того или иного предмета или явления, а иногда и акцентирующие особое отношение к описываемому процессу.

До недавнего времени стилистически окрашенные единицы в переводных русскоязычных научных текстах рассматривались как случайное явление. Однако сегодня проникновение единиц эмоционально-субъективной оценки в научные тексты становится более интенсивным. Эти единицы невозможно исключить при переводе, так как в них заключена оценочная характеристика описываемого предмета, явления или процесса. Жёсткие требования точности, предъявляемые к научному тексту, создают ограничения на использование в нём образных средств языка: метафор, эпитетов, художественных сравнений, пословиц и т. п., однако, научный стиль стремится не только к точности, но и к убедительности, поэтому подобные средства неизбежно проникают в анализируемый материал.

Известно, что сочетание лаконичности и бесстрастности логических построений с взволнованностью эмоционально-субъективной оценки придает глубокую убедительность научной аргументации. Иногда образные средства необходимы для реализации требования ясности изложения. При этом, в большей степени, стилистически отмеченные средства могут употребляться в гуманитарных, и естественнонаучных текстах, а в меньшей – в текстах, относящихся к точным наукам. Чаще всего они представлены в полемических статьях, лекциях, научно-популярных докладах, тогда как некоторые жанры научной речи полностью лишены элементов эмоционально-субъективной оценки [Сенкевич 1976: 29].

В ходе анализа различных переводческих решений удалось выделить следующие основные способы перевода эмоционально-субъективных компонентов в научных текстах:

- приём полной нейтрализации, который заключается в опущении единицы, содержащей эмоциональный компонент значения:

The new conception differs radically from the final generally accepted approaches [Hawking 2000: 46].

Новая концепция отличается от уже существующих подходов [Хокинг 2007: 73].

- приём частичной нейтрализации, который заключается в использовании готового эквивалента при переводе регулярных оценочных единиц или подборе собственного эквивалента, который соответствует стилю оформления текстов в сфере научной коммуникации:

Needless to say, that this description of statistical mechanical procedure is ridiculously hypothetical [Mayer 1977: 11].

Нет нужды говорить, что наше описание метода статистической механики является только гипотетическим [Майер 1980: 13].

- приём калькирования стилистически окрашенного элемента:

1) *Although I'm regarded as a dangerous radical by particle physicists for proposing that there may be loss of quantum coherence I'm definitely a conservative compared to Roger* [Hawking 2000: 1].

Хотя физики, занимающиеся частицами, считают меня опасным радикалом за предложение о возможной потере квантовой когерентности, я определённо консерватор по сравнению с Роджером Пенроузом [Хокинг 2007: 8].

2) *Max Planck cut the Gordian knot in 1901 by assuming that mechanical oscillators could only emit and absorb radiation in units, $h\nu$ of energy* [Mayer 1977: 21].

В 1901 году Макс Планк разрубил гордиев узел, предположив, что механические осцилляторы могут испускать и поглощать излучение только порциями с энергией $h\nu$ [Майер 1980: 23].

Итак, процессы обмена научной информацией обобщаются понятием научной коммуникации – совокупности процессов представления, передачи и получения научной информации, образующих основной механизм существования и развития науки. Появление субъективно-оценочных и образных единиц в перево-

дах текстов в сфере научной коммуникации на русский язык является отступлением от существующей нормы и является одной из современных тенденций развития этой сферы.

Тенденция к увеличению количества стилистически окрашенных единиц в текстах в сфере научной коммуникации распространяется не только на переводные русскоязычные научные тексты. Под влиянием англоязычных научных текстов аналогичная тенденция наблюдается и в оригинальных русскоязычных научных текстах.

Сказанное выше позволяет говорить о том, что к характерным особенностям текстов в сфере научной коммуникации, наряду с точностью, конкретностью, однозначностью, можно отнести субъективный компонент текста, выражающий оценку того или иного явления автором оригинального текста. Сопоставительный анализ переводов показывает, что переводчики регулярно осуществляют стилистическую адаптацию переводимого текста, опуская стилистически окрашенные, оценочные элементы оригинала, которые кажутся им неуместными в «серьезном» научном изложении, заменяя их более подходящими по стилю эквивалентами. Представляется, что при переводе научных текстов, содержащих эмоционально-субъективные компоненты, следует опираться, в первую очередь, на собственный опыт и знания в области перевода текстов различной тематики. Кроме того, не стоит отрицать важность переводческой интуиции, так как собственное восприятие той или иной языковой ситуации является одним из определяющих факторов при выборе соответствия в языке перевода.

* * *

АЛЕКСЕЕВА И.С., 2004. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.

АРНОЛЬД И.В., 2002. Стилистика. Современный английский язык. М.

БОНДАРКО А.В., 2005. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. – С. 12–28.

БРАНДЕС М.П., ПРОВОТОРОВ В.И., 2001. Предпереводческий анализ текста. М.

КОМИССАРОВ В.Н., 2001. Современное переводоведение. М.

РАЗИНКИНА Н. М., 2005. Стилистика английского научного текста. М.

СЕНКЕВИЧ М.П., 1976. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М.

СУДОВЦЕВ В.А., 1989. Научно-техническая информация и перевод. М.

ТРОЯНСКАЯ Е.С., 1984. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М. – С. 16–27.

ЦАТУРОВА И.А., КАШИРИНА Н.А., 2008. Предпереводческий анализ. СПб.

Источники:

HAWKING S.W., PENROSE R., 2000. The Nature of Space and Time. Princeton.

MAYER J., 1977. Statistical mechanics – NY.

МАЙЕР Дж., 1980. Статистическая механика – М.

ХОКИНГ С., ПЕНРОУЗ Р., 2007. Природа пространства и времени. М.

Е.А. Третьякова (Санкт-Петербург, Россия)

КРИТИКА ПЕРЕВОДА В XIX И XXI ВЕКАХ

В статье предпринята попытка проанализировать специфику критики перевода в XIX и XXI веках с точки зрения эволюции критериев оценки перевода, социокультурных условий взаимодействия критиков и переводчиков и результатов этого взаимодействия.

Ключевые слова: критика перевода, переводоведение, литературная критика, критерии оценки перевода, эквивалентность, адекватность

В данной статье мы постараемся проанализировать и сравнить специфику критики перевода в XIX веке (на этапе ее становления и расцвета) и XXI веке (на нынешнем этапе). Нас будет интересовать эволюция критериев оценки перевода, а также социокультурные условия взаимодействия критиков и переводчиков и результаты этого взаимодействия.

XIX век стал веком «культы художественной литературы» [Алексеева 2000: 7]: в течение целого столетия интерес виднейших деятелей культуры и ученых был направлен на художественный перевод. Именно на этом этапе «был накоплен богатейший опыт переводческой техники и благодатный материал для теоретических обобщений» [там же]. В отличие от настоящего времени, художественный перевод тогда не отграничивался от литературного творчества (большинство известных писателей и поэтов XIX века занимались переводами), а критика перевода являлась неотъемлемой частью литературной критики.

XXI век – век культы всех видов информации, среди которых художественная литература (как оригинальная, так и переводная) находится скорее на периферии. При этом характерная для нашего времени демократизация доступа к любым данным и неограниченные возможности информационного обмена позволяют любому читателю стать критиком перевода и донести свое мнение до широкой аудитории. В связи с этим представляется интересным сравнить материалы критических дискуссий XIX и рубежа XX–XXI веков.

Определиться с выбором современного материала для анализа оказалось легко: наиболее подробному критическому разбору в течение последних лет подвергаются переводы романов о Гарри

Поттере Дж. Роулинг. В XIX веке столь явных «фаворитов» в критических разборах обнаружить не удалось, и мы остановились на дискуссии относительно качества переводов романа У. Теккерея “Vanity Fair”, развернувшейся в начале 50-х годов XIX века.

Материалы сопоставлены с трех основных позиций:

1) социальные условия осуществления критической деятельности

2) содержательный компонент (предпосылки, критерии, методы анализа)

3) результаты критической деятельности.

1) Во-первых, обратим внимание на объект критики. Его специфика показательна с точки зрения интерпретации интересов читателей и критиков. Если ознакомиться с перечнем работ по критике перевода, написанных в XIX веке, то выяснится, что они содержат анализ произведений, большинство из которых сейчас относятся к фонду мировой классики (Гете, Шиллер, Байрон, Диккенс, Теккерей, Мольер, Сю и др.). Переводы развлекательной и детской литературы (романов Ф. Купера, повестей В. Ирвинга и т.п.) также анализировались, но составляли лишь некую часть общего объема чтения и рецензирования, где все-таки преобладала более серьезная литература, которая, что интересно, при этом имела статус массовой. Переводы романов Диккенса, например, выходили фрагментами в журналах, и публика ждала каждого выпуска с нетерпением, а затем обсуждала прочитанное.

В XXI веке налицо явное изменение круга читательских интересов. Произведения, претендующие на статус качественной художественной литературы, к массовой литературе редко имеют отношение, т.к. ориентированы на «читателей-интеллектуалов». Популярная литература предназначена в основном для развлечения и ориентирована, в первую очередь, на коммерческий успех. Разумеется, среди «интеллектуальных романов» находят такие, которые приобретают статус «культовых», но, что показательно, став «культовым явлением» и перейдя в категорию «массовой литературы», книга часто утрачивает своего «интеллектуального читателя». Так стало, например, с Пауло Коэльо, романы которого сначала воспринимались всерьез, а затем были провозглашены «философией для домохозяек».

В настоящее время критика переводов имеет три основные формы репрезентации: критика переводоведческая (узко специальная, «для служебного пользования»), критика литературоведческая (профессиональные рецензии критиков-литературоведов) и критика читательская (на форумах). Переводоведческая критика создается специалистами в области перевода в жанре статей, диссертаций, глав учебных пособий, монографий и т.п. для специалистов (при этом анализируется широкий круг текстов). Литературоведческая критика оценивает вновь опубликованные произведения. Читательская критика доступна всем, у кого есть Интернет, причем каждый может не только ознакомиться с материалами критических дискуссий, но и попробовать себя в роли критика. Объектом для массового обсуждения становятся, как правило, переводы очень популярных произведений, у которых находится масса поклонников, готовых читать эти тексты на языке оригинала, сравнивать, анализировать, создавать собственный перевод и т.п.

Во-вторых, обратим внимание на критиков. Критики XIX века – это в большинстве своем видные литературные деятели, сами часто известные писатели, поэты, переводчики, безусловно хорошо знающие язык оригинала. В случае с “Vanity Fair” в роли основных критиков перевода выступили И.И. Введенский (сам переводчик этого романа под заглавием «Базар житейской суеты») и А.В. Дружинин (русский писатель, литературный критик, переводчик Байрона и Шекспира).

Критики конца XX – начала XXI века, в случае с «Гарри Поттером», нашлись во всех трех категориях современных критиков. От лица профессиональных переводчиков выступили, в частности, В.К. Ланчиков (российский лингвист, переводчик, к.ф.н., профессор МГЛУ), а также ряд переводоведов, защитивших кандидатские диссертации на этом материале (С.Ю. Капкова, Т.В. Волкодав и др.). Литературные критики отозвались о переводах Гарри Поттера в журнале «Книжное обозрение», в «Литературной газете» и других изданиях (например, статьи Бенджамина Толстого, Г. Венцеля, А. Соколова и др.). Читательская критика представлена, в первую очередь, работой сайта НИИ (независимое Интернет-издательство), где детально разбирались опубликованные переводы романов и предлагался альтернативный перевод М. Спивак, а также огромное множество дру-

гих сайтов, блогов, форумов и Интернет-проектов аналогичной тематики.

В-третьих, рассмотрим условия взаимодействия и наличие обратной связи. В XIX веке рецензии критиков размещались в журналах – рассматриваемые нами рецензии о “Vanity Fair” публиковались в «Современнике» и «Отечественных записках». Обратная связь имела место в форме читательских писем, которые публиковались в специальной рубрике. В XX–XXI веке диссертационные исследования и научные статьи о вопросах перевода доступны тем, кто занимается наукой в данной области. Литературоведческие рецензии предназначены для читательской аудитории соответствующих изданий, но, как правило, не предусматривают обратной связи. Интернет-рецензии максимально открыты для обсуждения.

Критика переводов в XIX веке была частью литературной критики, которая в это время, как и художественный перевод, переживала период расцвета. Критики переводов с конца XVIII века ставили своей целью оценивать мастерство переводчика как экспериментатора. Переводчик должен был внести что-то новое в русский язык для воспроизведения целостного облика оригинального произведения в иной лингвокультурной среде. Перевод воспринимался как средство обогащения родного литературного языка, как некий эволюционный механизм, и всякий переводной текст обязательно оценивался в том числе и с этих позиций.

Разумеется, существовали для критики и вполне прагматические предпосылки. Например, в случае с “Vanity Fair”, роман почти одновременно публиковался в двух разных переводах в «Современнике» и в «Отечественных записках» – конкуренция стала причиной критической дискуссии.

В XX–XXI веке отношение к переводному языку несколько изменилось. Теперь считается, что язык переводов – это ненастоящий русский язык, который негативно влияет на литературный вариант языка, поскольку перенасыщен кальками, буквализмами, заимствованиями, клише и прочими «вредными» элементами. «Хорошим» переводом считается перевод «комфортный», не вызывающий у читателя отторжения ни с когнитивной, ни с эстетической точки зрения. Современная критика перевода часто действует с позиций «борьбы за чистоту родного языка».

Прагматический интерес в современной критике перевода тоже присутствует. От него в большей степени свободна науч-

ная переводоведческая критика. Критические рецензии, авторами которых являются переводчики, в случае с Гарри Поттером, как это ни парадоксально, в основном направлены на защиту переводчиков романов от читательской и литературоведческой критики. Видимо, в условиях противостояния со столь многочисленной оппозицией, начинает действовать принцип «единства переводческого цеха», и критика по сути отстаивает «профессиональную честь»: «Нет ничего удивительного, что перевод «Поттера», выполненный – судя по приводимым выдержкам – сочным русским языком, вызвал гораздо больше негодования, чем переводы более значительных литературных произведений, загубленных вливаниями сыворотки, которая провозглашается «русским языком XXI столетия». Если принять в соображение, сколько издательств лишилось лакомого куска в виде прав на «всемирно известный бестселлер»..., причина негодования понятна. Если бы «Поттера» перевёл М.Л. Лозинский или Н.М. Любимов, их бы анафемствовали с не меньшей горячностью» [Ланчиков 2002].

Предпосылки для деятельности Интернет-критиков Гарри Поттера, какими бы коммерциализированными они ни представлялись переводчикам, скорее всего, все-таки включают неподдельный интерес к оригинальному тексту, недовольство существующим переводом и желание добиться правды, улучшить положение дел и, возможно, создать собственный перевод надлежащего качества.

Что касается претензий, предъявляемых переводчикам, то в этом аспекте, что примечательно, изменений произошло меньше всего, несмотря на то, что все остальные аспекты существенно трансформировались. Главными основаниями для критики и тогда, и сейчас остаются:

А) Смысловые ошибки, добавления, опущения.

Рассмотрим для примера проблему добавлений в переводе. В рецензии «Современника» читаем:

«Г-н Введенский растягивает оригинал до такой степени, что, вместо пятидесяти двух страниц английского текста, первые пять глав “Базара” заняли в “Отечественных записках” сто шесть страниц. Г-н Введенский не только растягивает текст, но и сочиняет от себя целые страницы...» [Дружинин 1851: 56].

И. Введенский отвечает на критику следующим образом:

«На чем же “Современник” основывает свое обвинение? На том, что в “Базаре” отыскались наволочки для подушек, кроме

стеганого одеяла, о котором говорит Теккерей?.. Из всего этого читатель должен прийти к несомненному заключению, что переводы с одного языка на другой должны производиться не иначе, как буквально... И это, видите ли, делается очень просто: возьмите двадцать уроков у какого-нибудь небывалого изобретателя небывалой методы для изучения английского языка; вооружитесь потом словарем Банкаса, откройте Диккенса или Теккеря, ставьте наместо английского русское слово – и дело пойдет превосходно...» [Введенский 1851: 65]

В диалоге критиков «Гарри Поттера» находим почти полное повторение этой полемики. Анонимный Интернет-критик отмечает:

«Часть текста не имеет никакого отношения к английским книгам Роулинг, опубликованным в Америке и Англии... Ощущается присутствие человека, наставляющего недоразвитого читателя, этакой училки, следы которой встречаются по всему переводу... Она вставляет абзац, фразу, несколько слов почти на каждой странице» [Редакция НИИ 2000].

В своем ответе на критику В. Ланчиков сначала цитирует К. Чуковского:

«В переводе художественном отдельные несоответствия слов чаще всего играют третьестепенную роль, и те критики, которые пытаются дискредитировать в глазах непосвященных читателей тот или иной перевод при помощи указаний на случайные, мелкие и легко устранимые промахи, пользуются такой демагогией исключительно для дезориентации читательских вкусов».

Затем В.Ланчиков, как и И.Введенский, обвиняет критиков в некомпетентности:

«Причина проста: несчетное множество знающих (или думающих, что знают) иностранный язык – плюс стойкий предрассудок, будто знать иностранный язык значит уметь переводить и оценивать переводы. Оба эти обстоятельства привели к возникновению бесчисленной переводческой образованщины» [Ланчиков 2002].

Б) Стилистические погрешности.

Одна из наиболее часто высказываемых критиками претензий – чрезмерное использование просторечия в переводе. В связи с этим «Современник» пишет:

Потом г. Введенский уже чересчур часто употребляет просторечие: у него действующие лица не пьют, а запускают за гал-

стух, не дерутся, а куксят друг друга... Выражения эти довольно смешны, но можно было бы употреблять их пореже [Дружинин 1851: 93].

В рецензии на перевод «Гарри Поттера» А.Соколов отмечает:

«Когда пожиратель смерти употребляет такие слова как “энто” и “могёт”, Дамблдор причитает: “Вот те на, вот те на!” – а Рона, как он сам говорит, “с души воротит”..., некоторые начинают понимать, что это уже не настоящий “Гарри Поттер”» [Соколов 2008].

И. Введенский реагирует на критику следующим образом:

«Чем объяснить негодование “Современника” на просторечие, которое он находит в “Базаре житейской суеты”? Разве “литературный журнал” сравнил эти простонародные фразы с английским оригиналом и разве он нашел, что у Теккеря нет ничего соответствующего этим фразам? Ничуть не бывало» [Введенский 1851: 67].

Заступаясь за переводчиков «Гарри Поттера», В. Ланчиков приводит следующий аргумент:

«Критики относят к “устарелым и избитым штампам” и просторечию выражения, которые составляют полноправную часть русского литературного языка» [Ланчиков 2002].

Здесь интересно сопоставить аргументацию ответов. И. Введенский утверждает, что просторечие в той же мере представлено в оригинале (указывает на эквивалентность перевода), В. Ланчиков отмечает характерность такого рода выражений для литературного русского языка (отстаивает адекватность выбранных средств).

3) По итогам дискуссии в «Современнике» и «Отечественных записках» оба журнала обозначили собственную позицию в вопросе перевода (И. Введенский отстаивал принцип свободного перевода, «Современник» настаивал на необходимости большей буквальности); предлагая читателям выбрать предпочтительный вариант перевода. По ходу дискуссии И. Введенскому удалось доказать, что восприятие А. Дружининым У. Теккеря как простого и бесхитростного писателя не обосновано, что в его творчестве сильно проявляется сатирическое начало, которое должно присутствовать и в переводе произведения. В общем, определенные положительные результаты эта дискуссия имела как с точки зрения читателей, так и с точки зрения литературоведов и переводчиков.

Результаты научных переводоведческих исследований, посвященных текстам Дж. Роулинг, широкой публике не известны. В условиях единственного официального перевода романов на русский язык Интернет-критика переводов, как правило, настаивает на необходимости выполнения, обсуждения, а затем опубликования другого варианта перевода, но пока подобные пожелания остаются без ответа со стороны издательства «Росмэн». Казалось бы, самая очевидная польза от настолько подробного анализа могла бы быть существующему тексту романов, которые почти ежегодно переиздаются. Однако, как отмечает Андрей Соколов, «несмотря на то, что директор издательства в интервью заявила, что “ошибки, которые выплывают, безусловно, исправляются при следующем тираже”, на самом деле ничего подобного не происходит. Как Гермиона не “здавалась” в моём издании 2002-го года, так она не “здаётся” и в последнем тираже» [Соколов 2008].

В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы:

Социальная ситуация взаимодействия переводчика-критика-читателя существенно трансформировалась, причем на данном этапе, в отличие от XIX века, переводчики, как правило, самоустраиваются от критических дискуссий по поводу собственных работ; за них заступаются либо собраты по цеху, либо (реже) читатели, которым этот перевод понравился.

Содержательная сторона критики изменилась, поскольку, в отличие от XIX века, снизилось осознание «эволюционной» функции языка перевода и возросли требования к когнитивной и эстетической «комфортности» переводного текста. Претензии к переводчикам остались преимущественно те же самые, при этом «защитная» аргументация трансформировалась. С содержательной точки зрения можно выделить характерные для современной критики перевода обвинения в «казенщине», «штампах» и «советизмах», которые успели внедриться в русский язык в XX веке, а в XIX если и существовали, то не вызывали отторжения и не воспринимались как таковые.

Критика перевода в настоящее время располагает средствами организации широкомасштабных «кампаний» для коллективного обсуждения переводов и даже создания «народных» переводов, но эти средства используются в отношении довольно ограниченного круга текстов и редко приносят реальные результаты.

* * *

АЛЕКСЕЕВА И.С., 2000. Концепция полноценности перевода А.В. Федорова в современной теории и методике преподавания перевода // Материалы I Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». СПб. – С. 5–12.

ВВЕДЕНСКИЙ И.И., 1851. О переводах романа Теккерея «Vanity Fair» в «Отечественных записках» и «Современнике» // Отечественные записки. Т. LXXVIII, Отд. 6. – С. 61–80.

ДРУЖИНИН А.В., 1851. Письма иногороднего подписчика: Письмо двадцать шестое // Современник. Т.21 – С. 93.

ЛАНЧИКОВ В.К. 2002. «Сыворотка Бенжамена, или споры о “русском Гарри Поттере”» // URL: http://www.harrypotter-2.narod.ru/History/diss/HP_diss_042.htm.

Как и кто «сделал» перевод Гарри Поттера для Росмэн // Редакция Независимого Интернет-издательства (НИИ). 2000. // URL: http://www.harrypotter-2.narod.ru/History/diss/HP_diss_042.htm.

СОКОЛОВ А. 2008. Новый перевод «Росмэна» провалился с «громким дребезгом» // URL: <http://orden-feniksa.org.ru/publ/21-1-0-190>.

А.А. Александрова (Санкт-Петербург, Россия)

ПАРОДИЯ И БУРЛЕСК КАК ТИПЫ ИМИТАЦИОННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются имитационные тексты пародии и бурлеска, относящиеся к проявлениям категории комического в литературе, анализируются дефиниции пародии и бурлеска и выделяются их дистинктивные признаки как текстотипов.

Ключевые слова: вторичный текст, имитационный текст, комическое, пародия, бурлеск

В мировой литературе широко распространены различного рода имитации. Многие шедевры словесно-художественного творчества, изучаемые литературоведами как самостоятельные произведения, первоначально были задуманы как имитации существующих произведений. Имитация является одним из видов вторичной текстовой деятельности, а имитационный текст – одним из видов вторичных текстов. Под вторичным текстом понимается текст, созданный на базе другого текста. При создании вторичного текста происходит смена автора исходного текста или изменение его интенции. Вторичные тексты образуются от текста-основы разными способами, например, путем свертывания, развертывания, переосмысления и имитации [Ионова 2006: 143].

Первенство в изучении имитационных жанров (типов текста в собственно лингвистической терминологии), бесспорно, принадлежит литературоведам. К имитационным жанрам причисляют пародию, бурлеск, травестию, стилизацию, карикатуру, шарж, сатиру, критику и пр. Некоторые из упомянутых жанров и, в частности, интересующие нас пародия и бурлеск, относятся к проявлениям категории комического в литературе.

Термин пародия, как и обозначаемое им понятие, имеет давнюю историю. Слово *παρῳδία* впервые было использовано Аристотелем во второй главе «Поэтики» в значении «эпической поэмы небольшого размера, затрагивающей легкую сатирическую или проикомическую тему» [Rose 1993: 7]. Слово состоит из двух компонентов – *παρά* «возле, рядом, против» и *ᾠδή* «песнь; лири-

ческое стихотворение» и, т.о., означает «песнь наоборот, противопеснь». Наличие мотива «против» в этимологии слова указывает на то, что пародия может быть направлена против определенных особенностей имитируемого (пародируемого) произведения: его тематики, идейного содержания, особенностей сюжета, образов персонажей, композиции или языка. Пародия – это аналитическая имитация, «критическое осмыслением исходного текста в творческой форме» [Вербицкая 2000: 22], и в этом отношении она схожа с критикой, в то же время пародия отличается от стилизации, нейтральной в своей оценке исходного текста.

Общепринятой дефиниции понятия пародии не существует, что подтверждает анализ словарных дефиниций. Приведем некоторые из них:

1. Пародия – жанр литературно-художественной имитации, подражание стилю отдельного произведения, автора, художественного направления, жанра с целью осмеяния [КЛЭ 1971: 604].

2. Пародия – произведение, сатирически или комически имитирующее другое произведение [Локшина 1988: 357].

3. A literary or musical work in which the style of an author or work is closely imitated for comic effect or in ridicule. [WNNCD 1991: 857].

Сравнение процитированных определений позволяет выделить дистинктивные признаки пародии: вторичность, имитационность и комичность, – пародии присуща установка на комическое искажение исходного текста с целью его осмеяния.

Второй из интересующих нас типов текста (жанров) – бурлеск – близок пародии. Термин «бурлеск» происходит от итальянского «*burla*» – шутка. Бурлеск возник в эпоху Возрождения и распространился в Европе в 17 – начале 18 века. В словарях находим следующие определения бурлеска:

1. Бурлеск (франц. *burlesque*, итал. *burlesca*, от *burla* – шутка), **бурлескная поэзия**, – жанр комической пародийной поэзии. Комический эффект в бурлеске определяется резким контрастом между темой и характером ее речевого изложения: либо возвышенная тема излагается подчеркнуто «низким» языком, либо «низкая» тривиальная тема воплощается при помощи «высокого штиля». [КЛЭ 1971: 778].

2. Жанр комической, шутливо-подражательной поэзии [Локшина 1988: 94].

3. A literary or dramatic work that seeks to ridicule by means of grotesque exaggeration or comic imitation. [WNNCD 1991: 189].

Проанализировав процитированные определения, можно убедиться в том, что бурлеску, как и пародии, присущи вторичность, имитационность и комичность. Категория комического принадлежит к числу основных эстетических категорий, наряду с такими категориями, как прекрасное, безобразное, возвышенное, низменное и трагическое. Комическое всегда включает в себя критическое начало, а его сущность заключается в противоречии. Для противоречий, порождающих комическое, характерно то, что первая по времени восприятия сторона противоречия выглядит значительной и производит на нас большое впечатление, вторая же сторона, которую мы воспринимаем по времени позже, «разочаровывает своей несостоятельностью» [Борев 2002: 87–88]. Комический эффект в пародии и бурлеске также строится на контрасте и противоречии имитационного и исходного текстов.

Свидетельством трудности разграничения пародии и бурлеска является тот факт, что в некоторых словарях, например в литературоведческом словаре Р. Фаулера, ключевым словом выступает «пародия» (через этот термин определяется жанр бурлеска, признаваемый разновидностью пародии), в то время как в иных, например, в словаре литературоведческих терминов Дж. Шипли в качестве точки отсчета признается жанр бурлеска, а пародия, карикатура и травести интерпретируются как разновидности бурлеска [Цит. по Вербицкой 2000: 21–22]. Размытость границ между понятиями пародии и бурлеска закономерна и обусловлена их близостью. В качестве подтверждения этой точки зрения сошлемся на мнение литературоведов. Жанр не является неподвижной системой, и пересечение жанров – довольно распространенное явление. Место жанра в системе других жанров и степень его распространенности также может меняться [Лушникова 2008: 12–15].

Описав сходство рассматриваемых текстотипов, остановимся на их различиях, и прежде всего, упомянем то, что комический эффект в пародии и бурлеске достигается разными способами. Комический эффект пародии заключается в ироническом подражании осмеиваемому образу, в передаче в гиперболизированном, шаржированном виде свойственных ему характерных черт,

в доведении их до абсурда, в нелепости с целью достижения сатирико-комического эффекта. В бурлеске комический эффект достигается резким контрастом между темой и характером её речевого изложения: повествование на «низкую» тривиальную тему ведется нарочито торжественным слогом, воплощается при помощи «высокого стиля».

Различны и исходные тексты, на базе которых выстраивается имитация в пародии и бурлеске. Автор пародии всегда имитирует стилистическую манеру конкретного произведения (исходного текста) с целью её дискредитации. Автор бурлескного сочинения имитирует индивидуальный авторский стиль, но конкретный источник стилистической имитации, при этом, определить невозможно.

В рассматриваемых имитационных текстах, если использовать фразеологию М.М. Бахтина, слово имеет «двойное направление – и на предмет речи, как обычное слово, и на другое слово, на чужую речь» [Бахтин 1994]. Схожую мысль находим у Ю.Н. Тынянова, пародия «существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, ограниченнее этот второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность» [Тынянов 1977]. При этом В.И. Новиков дополняет, что ни первый план пародии, ни ставший известным или угаданный нами второй план, ни противоречие между ними ещё не дают художественного смысла. «Пародия не просто «двусмысленность», она обладает сложным, многозначным и конкретным третьим планом, представляющим собой соотношение первого и второго планов как целого с целым. Третий план – это мера того неповторимого смысла, который передается только пародией и непереходим никакими другими средствами». [Новиков 1989: 13]. Как в пародии, так и в бурлеске важно не столько наличие второго плана, который присутствует во всех вторичных текстах, важен третий план, то есть контраст, противоречие между первым и вторым планом текста, создающий комический эффект имитационного текста. Механизм имитации в текстах пародии основывается на сохранении в имитационном тексте маркеров исходного текста, а именно соответствие каких-либо их лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных свойств свойствам исходного текста.

* * *

БАХТИН М.М., 1994. Проблемы творчества Достоевского. Киев // URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/05.html>

БОРЕВ Ю.Б., 2002. Эстетика: М.

ВЕРБИЦКАЯ М.В., 2000. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). М.

ИОНОВА С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград.

ЛУШНИКОВА Г.И., 2008. Когнитивные и лингвостилистические особенности англоязычной литературной пародии. Кемерово.

НОВИКОВ В.И., 1989. Книга о пародии. М.

ТЫНЯНОВ Ю.Н., 1977. Поэтика. История литературы. Кино. М. // URL: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>

ROSE M.A., 1993. Parody: Ancient, Modern, and Post-Modern.

Источники и принятые сокращения:

КЛЭ, 1971.– Краткая литературная энциклопедия. М. Т.1, Т. 6.

ЛОКШИНА С.М. 1988. Краткий словарь иностранных слов. М.

WNNCD, 1991. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary. Springfield, Massachusetts.

Е.С. Епарина (Санкт-Петербург, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА В СВЕТЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «ТЕРМИН-СЛОВО»

Термины, как и всякие другие языковые единицы, неоднородны. Разновидности терминологических наименований обуславливаются двойственной природой термина: с одной стороны, его принадлежностью к лексической системе языка, с другой – характером обозначаемого им специального понятия и особенностями отношений между ними.

Ключевые слова: *термин, прототермин, номен, терминология, терминосистема*

Анализ научной литературы показал, что, несмотря на большое количество имеющихся определений термина, ученые до сих пор не могут дать однозначного объяснения данной единице. Связано это, главным образом, с тем, что термин представляет собой сложную структуру: с одной стороны термин – это лексическая единица (ЛЕ) языка, следовательно, к нему могут быть применимы все характеристики слова или словосочетания, а, с другой стороны, термин – это знак, отличающийся от ЛЕ тем, что он выражает научное, техническое, специальное понятие.

Еще в 1947 году В.В. Виноградовым в работе «Русский язык» была сформулирована суть термина: «Если слово становится средством логического определения, тогда оно научный термин» [Виноградов 1947: 118].

Противопоставление «**термин** – **слово**» явилось очень продуктивным в создании теории термина. Одним из основоположников терминоведения, исследовавших термин как лексическую единицу, был Б.Н. Головин. В своей статье автор приводит семь определений этого понятия [Головин 1976 : 39], а В.П. Даниленко в своей монографии представил девятнадцать определений термина, подчеркивая, что этот перечень может быть продолжен [Даниленко 2003: 30].

На основании рассмотренных мнений можно предложить следующее определение термина: **термин** (от лат. *terminus* – предел, граница) – это слово или словосочетание, точно и однозначно именуемое понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. Термины служат специализирую-

щами, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии. Но в работах по терминоведению есть мнение, что, «термин претерпевает ту же эволюцию, что и слово общего языка: он «живет», обрастает новыми значениями, которые функционируют одновременно со старым значением, либо вытесняют его» [Володина 1996: 68].

Динамизм термина соотносится со свойством относительности его существования: термины, являясь лексемами, не обладают постоянными семантическими и формальными свойствами, противопоставляющими их другим лексемам, а «приобретают их временно, пока существует терминосистема, соотносимая с областью знаний» [Брагина 1980: 43]. Эволюция термина рассматривается в рамках терминологии как результат развития научных представлений. Кроме того, «зарождению нового значения с неизбежностью сопутствует более или менее суженное или расширенное использование прежнего языкового материала» [Володина 1996: 48].

Происходит поэтапный процесс формирования терминологии: при первоначальном обозначении реалии используются «прототермины» – слова обиходной лексики, которые могут и не фиксироваться в словаре; на этапе терминологизации «прототермины» вовлекаются в круг специальной лексики – фиксируются в словарях в специальном значении; далее они функционируют как термины, употребляемые в научных определениях.

Прототермины – это специальные лексемы, появившиеся и употребляемые до появления наук, и поэтому они называют не понятия (которые возникают с появлением науки), а специальные представления. Прототермины с тех пор не исчезли – они сохранились в дошедшей до нас ремесленной и бытовой лексике (поскольку с тех пор многие специальные представления вошли в общий обиход). Со временем, при появлении научных дисциплин, в которых специальные предметные представления ремесел и некоторых других видов деятельности теоретически осмысляются и преобразуются в системы научных понятий, часть устойчиво закрепившихся в специальной речи прототерминов включается в научную терминологию. А остальные существуют либо в виде

общеупотребительной лексики предметных областей, в которых отсутствуют (или ещё не сформировались) научно-теоретические основы, либо функционируют в виде, так называемых, «народных терминологий», используемых параллельно с научными терминами, но без связи с понятийной системой. Таким образом, многие базовые термины старых терминологий когда-то были прототерминами и сохранили ряд своих черт – использование для мотивации случайных, поверхностных признаков или отсутствия (утрата) мотивированности [Grinev 1996: 17].

Терминоид – это специальная лексема, используемая для названия недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих чётких границ, а значит и дефиниций. Поэтому терминоиды не имеют таких терминологических свойств, как точность значения, контекстуальная независимость и устойчивый характер, хотя и именуют понятия.

Существует зависимость семантики термина от ряда причин, как экстралингвистических, так и собственно лингвистических. Язык с его лексическим наполнением является живой материей, которая постоянно изменяется. Это явление становится заметнее в эпоху стремительного технологического развития.

Отнесенность слова к той или иной области знания является решающим фактором при возникновении новых значений, но при образовании терминологических значений наблюдается некое ослабление данной зависимости от отношения слова к понятийной группе. Кроме того, этимологические и хронологические факторы также влияют на процесс терминологизации. «Исконные слова, в отличие от заимствованных, чаще приобретают терминологические значения, и направленность образования новых значений у них более разносторонняя. Большая хронологическая глубина слова также является одной из предпосылок более интенсивной терминологизации. Перенос значений играет большую роль в образовании терминологических значений, чем общеупотребительных значений» [Белявская 1987: 8].

Научные термины могут быть классифицированы, например, по происхождению – на «исконные» и «заимствованные»; по степени мотивированности – на «правильно ориентирующие» и «ложноориентирующие»; по степени дефинированности – на «прототермины, терминоиды и предтермины» [Grinev 1993: 67]

или по функционально–стилевой ограниченности – на «нормативные и ненормативные» [Комарова 1991: 21], или на термины, профессионализмы и специальные жаргонизмы [Шелов 1984: 82]. Очевидно, «предметные» и «научные» термины противопоставлены на «конкретные» и абстрактные, а научные термины всегда абстрактны. Такие экстралингвистические аспекты, как «объект терминологирования» и их «прагматическая функция», предложены В.М. Лейчиком в качестве оснований в многоуровневой классификации термина [Лейчик 1988: 42].

Рассмотрим теперь понятие номена, под которым понимают наименования единичных понятий, а также конкретной массовой продукции, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз [Канделаки 1970: 20]. Разница между термином и номеном заключается в том, что номены называют единичные понятия, а термины – общие понятия.

Приведем пример существительного *account*, которое было зарегистрировано около 1300 года со значением «reckoning of money and paid» и было заимствовано из французского языка в форме «*acont*» (*account*) от форм *to + cont*, а слово *count*, в свою очередь, пришло из латыни, где означало «computes a calculation» (ср. древнелат. «*computare calculate*»). Развитие значения «*narration*» у этого существительного относится к 1614 году. Значение «*to reckon money given or received in*» у однокоренной глагольной лексемы фиксируется 1393 годом, а значение «*to explain*» появляется около 1710 года на основе семантической связи с функцией носителя действия «*to answer for money held in trust*». Значение «*value*» регистрируется в 1377 году. Форма множественного числа *accounts во фразе to give accounts (of something)* зафиксирована около 1260 года. Выражение «*by all accounts*» относится к 1798 году, а лексема *accounting с определением «reckoning of numbers»* относится к 1387 году. Выражение «*accounting for tastes*» появляется в 1823 году как заимствованное из латинского (ср. «*de gustibus non est disputandum*»). В современном французском языке различают два этимологических дублета – глаголы fr. *compter* (“to count”) и *conter* (“to tell”), которые происходят от древнелатинского *computare*.

Теперь рассмотрим прилагательное *accountable* со значением «*liable to be called to account*». Это слово-гибрид, которое появляется в 1580-е годы, и происходит от сложения корня *account* и суф-

фикса французского происхождения *-able*. Форма *accountability* была зарегистрирована в 1794 году, а лексема *accountant* – в 1450-е со значением «one who renders accounts». Данное слово является производным от старофранцузской формы о.фр. *acuntant* (в современном французском *acomptant*), его исходной формой является *acompter (account)*. При этом значение «professional maker of accounts» фиксируется в 1530-е [Chambers’s etymological dictionary of the English language 1872 : 25].

Таким образом, на основе приведенного этимологического анализа можно прийти к выводу, что в период с 1300 года до современности у данного существительного развиваются пять производных значений, причинами появления которых явились как лингвистические (явление полисемии), так и экстралингвистические (латинизация) факторы. Происходит поэтапный процесс становления термина. При этом термин со временем теряет свое качество «идеального» и превращается в «многозначный». Развиваются также и производные значения прилагательного и глагола.

В заключение отметим, что все более активное использование специальных единиц в межкультурной коммуникации приводит к помехам в общении, и изучение процессов становления терминосистем является ключом к разрешению проблемы. В рамках усиления международного сотрудничества данные о происхождении терминов и эволюции их значений быть полезны не только в области лексикографии, но и в сфере международных деловых контактов.

* * *

БЕЛЯВСКАЯ Е.Г., 1987. Семантика слова. М.

БРАГИНА А.А., 1980. Значение и оттенки значения в термине // Терминология и культура речи. М. – С. 43–45.

ВИНОГРАДОВ В.В., 1947. Русский язык. Грамматическое учение о слове, М.

ВОЛЮДИНА М.Н., 1996. Термин как средство специальной информации. М.

ГОЛОВИН Б.Н. 1976. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. – № 3. С. 35–42.

ГРИНЕВ С.В., 1993. Введение в терминоведение. М.

ДАНИЛЕНКО В.П., 2003. Краткий словарь лингвистических терминов (в соавт.). Уч. пособие. – Иркутск.

КАНДЕЛАКИ Т.Л., 1970. Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. М. – С. 3–39.

КОМАРОВА З.И., 1991. Семантическая структура специальных слов и ее лексикографическое описание. Свердловск.

ЛЕЙЧИК В.М., 1988. Опыт построения классификации Терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. М. – С. 40–46.

ШЕЛОВ С.Д., 1984. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы // Вопросы языкознания. № 5. – С. 76–87.

GRINEV S.V., 1996. Terminology and Nomenclature in Russian Terminology Science // Terminologie und Nomenclature.— Lang.

CHAMBERS'S ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE, 1872// J. Donald W& R. Chambers London and Edinburgh.

Е.А. Журавлева (Санкт-Петербург, Россия)

АВТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕМУАРОВ КАК ИМИДЖ (на материале мемуаров Б. Клинтона “My life”)

Статья посвящена вопросам моделирования имиджа автора-политика в мемуарах. В статье предлагается дефиниция термина «политические мемуары», являются средства положительной саморепрезентации автора.

Ключевые слова: *политический дискурс, политические мемуары, автор, адресат, имидж*

Традиционно мемуары писались властью имущими, военачальниками, деловыми людьми, которые посвящали произведения преимущественно своим карьерным успехам. На современном этапе развития литературы мемуары вызывают большой интерес у широкого круга деятелей – от домохозяек до президентов государств, которые благодаря произведениям такого жанра продлевают себе политическую жизнь, повышают или восстанавливают потерянный интерес со стороны электората, достигают коммерческого успеха. По подсчетам Майкла Кадера, основателя ежедневного информационного Интернет-бюллетеня Publishers Lunch, в 2006 году британские издательства выпустили 214 мемуаров, в 2007 – 27, а в 2008 – 295 мемуаров [Why Memoirs Are Popular 2008]. Такая статистика доказывает не только высокий уровень предложения, но и спроса мемуарной литературы на книжном рынке.

Мемуары политиков сродни глянцевым журналам, таблоидам, блогам в Интернете, специализирующимся на слухах о личной жизни знаменитостей. Как и эти носители информации о жизни известных людей, мемуары нацелены на свойственное большинству любопытство по отношению к чужой жизни.

Одних читателей привлекает отличный от будничного, возможно, недостижимый мир; для них это своего рода побег от обыденности. Другие находят утешение, сравнивая свою внешность или статус с аналогичными параметрами политика и находя определенные сходства.

Многие авторы стремятся не только сформировать имидж супер-героев, но и продемонстрировать свою близость обычному человеку, потенциальному избирателю. «Зачастую их рассказы

повествуют о преодолении трудностей на пути к благополучному будущему. Авторы открыто выражают идею «Ты тоже так можешь. Ты не одинок. Ты достигнешь все, что пожелаешь, если будешь решительным и настойчивым» [Marler 2005: 86–91]. Поэтому такие произведения рассматриваются как руководство по достижению успеха, только в отличие от многочисленных «Как стать миллионером» на обложке политических мемуаров не стоит в заглавии «Как стать президентом».

Читателя привлекает фактографичность таких произведений, всестороннее, многоплановое рассмотрение проблемы личности, самораскрытие писателя в реальном времени. В мемуарах более отчетливо, чем в произведениях традиционных художественных жанров, проступает личность автора. Открытая авторская позиция позволяет составить представление о ходе мышления автора, о процессе создания книги [Мишина 1990: 164]. В мемуарном произведении автор может свободно выразить себя, не прибегая к иносказаниям. Письменно зафиксированная саморефлексия выдающихся людей обладает огромной силой воздействия на читателя [Кириллова 2004: 20–21]. Но если речь идет о политических мемуарах, то встает вопрос, можно ли обнаружить объективного автора за умело сконструированным образом.

Отметим, что под *политическими мемуарами* понимается публицистический, документальный жанр воспоминаний (от франц. «mémoire» – «память, воспоминание»); произведение данного жанра, написанное от лица политика о процессе своего становления как личности и политического деятеля, взаимоотношениях с отдельными политиками и политическими группами, электоратом. Такое произведение включает выдержки из политических дискуссий, речей, программ; читатель воспринимает автора политических мемуаров через его политический статус. Таким образом, в мемуарах политиков реализуется политический дискурс.

Политический дискурс всегда направлен на зрителя, поэтому его часто сравнивают с театром (Г.Г. Почепцов, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов). Чтобы политическое «представление» было востребованным, моделируется привлекательный образ его участников – политиков, а именно их имидж. Важным оказывается не реальность, а ее интерпретация, впечатление. Вот, что говорил о необходимости создания определенного имиджа один из помощ-

ников президента Р. Никсона: «Мы должны иметь полную ясность в одном: избиратель реагирует на образ, а не на человека. Значение имеет не то, что есть, а то, что проецируется, и ... не столько то, что проецируется, сколько то, что избиратель воспринимает. Поэтому мы должны менять не человека, а производимое впечатление» (цит. по: [Гаджиев 1997: 340]).

В странах с «западным типом демократии» анализ построения имиджа в контексте политической риторики имеет многолетнюю традицию и является предметом специальных научных исследований. Их результаты впоследствии ложатся в основу рекомендаций, апробируемых в период предвыборных кампаний, парламентских дебатов [Wilson 1990: 128]. Так, например, Р. Никсон, Л. Джонсон и Р. Рейган имели специальных инструкторов по подготовке речей (speechmaking). Пионером в имиджмейкерстве в США считается кинозвезда 40–50-х гг. Роберт Монтгомери. В ходе предвыборной кампании в 1954 году он консультировал Д.Д. Эйзенхауэра, как нужно выглядеть и произносить публичные речи [New York Times 1956].

При конструировании имиджа во внимание принимается необходимость представить политического деятеля, с одной стороны, «как личность во всем богатстве его внутреннего мира», человека частного, с другой – «как представителя определенного социального института» [Михалева 2005: 42], а именно агента политики. Второй элемент этой конструкции, человек социальный, включает в себе статусный образ, под которым понимается составная часть определенной социальной роли, совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя данный человек в соответствии со своим статусом [Кайда 1991: 15]. Поэтому автор, представленный в политических мемуарах, – лишь проекция «подлинного» (М.М. Бахтин) объективно существующего автора, образ которого, в частности, складывается из ожиданий и опыта каждого из читателей. Подлинный автор создает свой образ, который является одним из образов произведения [Бахтин 1979: 365].

Исходя из вышеизложенного, представляется важным уточнить понятие «имидж».

Слово имидж (английское «image», от латинского «imago») значит «определенный образ известной личности или вещи, создаваемый средствами массовой информации, литературой, зре-

лицами или самим индивидом» – сообщает «Словарь новых иностранных слов» [Комлев 1995: 48–49]. В обыденной речи слово «имидж» используется для обозначения нарочитой внешней стороны, видимости, а не реальности [Шаповал 1999].

«Имидж или статусный образ в социологии понимается как составная часть определенной социальной роли: имидж – совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом...» [Кравченко 1995: 172].

Создавая или корректируя свой образ, политику необходимо моделировать и образ читателя, с тем, чтобы предугадывать, какое впечатление произведут на аудиторию характеристики автор-персонажа, его речевые особенности. Неумение или нежелание считаться с ожиданиями аудитории приводит к ослаблению эффективности коммуникации или даже коммуникативным неудачам [Шаповал 1999]. Б. Клинтон, 42-ой президент США, так говорит о важности адресата: «...and if people think you've stopped listening, you're sunk» [Clinton 2004: 210].

Прогнозирование целевой аудитории необходимо и с точки зрения успеха произведения на книжном рынке: если первичный интерес к политическим мемуарам возникает в силу самой личности президента, то в дальнейшем – от того, о чем и как пишет автор, какие чувства вызывает, ценности каких групп он затрагивает.

Автор не только формирует текст, но и направляет адресата в его интерпретации. Для того, чтобы читатель пошел «по верному пути», политику необходимо убедить читателя, что он как собеседник стоит внимания. При оценке автора в данном отношении читатель составляет суждения о своем «собеседнике», принимая во внимание определенные параметры: в том числе, качества автора как носителя узкоспециальных знаний, связанных с той областью общественной жизни, которой непосредственно занимается журналист; качества автора как создателя литературного текста; степень социальной близости самому читателю [Прохоров 1995: 268]. Образ социально близкого читателю собеседника в речевом имидже политика создает условия для того, чтобы адресат принял предлагаемые автором оценки предмета обсуждения.

Отметим, что политические мемуары направлены на формирование у читателя положительного имиджа президента, образа

героя, поэтому целесообразно говорить о положительной самопрезентации, элементах саморекламы. Самопрезентация может быть

- эксплицитной: «I always tried to keep things moving in the right direction, to give more people a chance to live their dreams, to lift people's spirits, and to bring them together» [Clinton 2004: 6].

- и имплицитной: «In 1997, an African-American woman...said that she remembered playing with me, and that I was "the only boy in the neighborhood who played with black kids" » [Clinton 2004: 13].

Автор формирует свой образ так, как будто он служит всему обществу и каждому его члену в отдельности [Шаповал 1999], важно продемонстрировать лояльность и близость широким массам, охватить как можно больше социальных групп, таких как:

1) этнические сообщества:

- афро-американцы: «A lot of my grandfather's customers were black...because he [Bill Clinton's grandfather] treated them like he did everybody else, asking after their children and about their work, I thought they were just like me» [Clinton 2004: 12].

- индейцы: «I never lost my interest in Native Americans or my feeling that they had been terribly mistreated» [Clinton 2004: 27].

- национальные меньшинства: «I also had a Japanese-American friend, Albert Hahn, and a Czech classmate, Renй Duchac, whose йmigrй parents owned a restaurant, The Little Bohemia...There was a large Greek community, which included a Greek Orthodox church... My best Greek friends by far were the Leopoulos family... The younger Leopoulos son, Paul David, became my best friend in fourth grade and has been like my brother ever since [Clinton 2004: 24].

2) религиозные группы: «I was fascinated by the Catholic Church, its rituals and the devotion of the nuns...» [Clinton 2004: 22].

Обращение к таким национальным американским ценностям, как семья, оптимизм в преодолении трудностей, труд и успех как награда за усердие, также сигнализирует о принадлежности автора к группе «свои».

Так, Б. Клинтон в мемуарах детально описывает своих ближних и дальних родственников, подчеркивает важность поддержки внутри семьи, критикует то, что нарушает семейное благо-

получие; доминирующим чувством в контексте повествования о родных становится гордость. Рассказывая об отношениях с отчимом, автор использует параллельную конструкцию, которая в комбинации с эмотивной лексикой сигнализирует об эмоциональной составляющей высказывания: «I remember once he took me on the train to see the Cardinals, then our nearest major league baseball team...I loved it. Sadly, it was the only trip the two of us ever took together. Like the only time we ever went fishing together. The only time we ever went out into the woods to cut our own Christmas tree together...there were so many things that meant a lot to me but were never to occur again [Clinton 2004: 19].

В целом имидж автора в самохарактеристиках создается за счет сдержанно – положительной оценки самого себя. А характеристики других во многом используются как фон для собственного образа, при этом доминирующая положительная оценка своего окружения служит созданию имплицитной положительной самооценки.

Интересным приемом актуализации имиджа является характеристика, данная автором мемуарного текста известным людям, к которым он питает глубокое уважение: «...Mack McLarty, son of the local Ford dealer, later governor of Boys State, all-star quarterback, state legislator, successful businessman, and then my first White House chief of staff. Mack always cleared every hurdle» [Clinton 2004: 18].

Важно продемонстрировать принадлежность группе «мы» не только с политических, религиозных, национальных позиций, но и с точки зрения бытовых, ежедневных ценностей, радостей и проблем, а потому он проявляет себя как человек, имеющий, возможно, те же интересы, что его читатели, погруженный в быт, не чуждый земных забот, вынужденный преодолевать трудности.

Так, Б. Клинтон выносит на публику проблемы своей семьи, детские страхи, о которых дети обычно стыдятся рассказывать. Такие сюжеты срабатывают как прием интимизации, доказательство откровенности автора с читателем:

«They (Clinton's grandfathers) loved me very much; sadly, much better than they were able to love each other or, in my grandmother's case, to love my mother» [Clinton 2004: 11].

«Mother was on the floor and Daddy was standing over her, beating on her» [Clinton 2004: 38]

В заключение отметим, что моделирование имиджа в политических мемуарах представляется одним из имплицитных приемов выражения авторских интенций – замыслов, что отвечает современным тенденциям отхода от открытой пропаганды и не навязчивого «наведения» адресата на нужную идею.

* * *

БАХТИН М.М., 1979. К методологии гуманитарных наук // М.М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.

ГАДЖИЕВ К. С., 1997. Введение в политическую науку. М.

КАЙДА Л.Г., 1991. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров): Автореф. дис. ... доктора. филол. наук. М.

КИРИЛЛОВА Е.Л., 2004. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русс зарубежья первой волны): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток.

КОМЛЕВ Н.Г., 1995. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). М. – С. 48–49.

КРАВЧЕНКО А. И., 1995. *Введение в социологию*: Учебное пособие. М.

МИШИНА Л.А., 1990. О некоторых особенностях авторской позиции в художественно-документальных произведениях // Проблема автора в художественной литературе: межвузов. сб. науч. трудов. Ижевск. – С. 164–171.

МИХАЛЕВА О.Л., 2004. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. Иркутск.

ПРОХОРОВ Е.П., 1995. *Введение в теорию журналистики*. М.

ШАПОВАЛ В. В. Имидж автора в публицистике // URL: <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval20.htm>

Behind the scenes, 1956. New York Times // URL: <http://www.select.nytimes.com>.

MARLER M., 2005. Memoirs of Survival: Reading the Past and Writing it Down // The Alan review. Vol. 32, № 2. Virginia. – P. 86–91.

Why Memoirs Are Popular, 2008. The IWJ Blog // URL: <http://www.internetwritingjournal.com/blog/307081>

WILSON J., 1990. Politically speaking: The pragmatic analysis of Political Language. Oxford.

Источники:

CLINTON B., 2004. My life. NY.

В.В. Казяба (Северодвинск, Россия)

ОБЩАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУЖСКИХ НИКНЕЙМОВ-ПСЕВДОНИМОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ICQ

Статья посвящена анализу и систематизации семантических характеристик никнеймов-псевдонимов ICQ (на материале сетевых имен немецкоязычных пользователей-мужчин). Ник рассматривается как результат самономинации, специфический лингвистический феномен, где отражается субъективное восприятие и самооценка личности, в данном случае – мужского пола.

Ключевые слова: никнейм, псевдоним, оним, ICQ-коммуникация, самономинация, самопрезентация

Бурно развивающиеся Интернет-технологии прочно вошли и обосновались в жизни современного человека, превращая последнего в пользователя, так называемого «юзера» Сети. Перед ним открыт огромный портал из необъятного количества жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, разнящимся по своим целям. Человеку стали доступны ранее неизвестные «форматы» лингвистического общения: презентационные (личные веб-страницы, веб-блоги), эстетические (сетевые романы) развлекательные (мультипользовательские миры) [Щипицина 2009: 74]. Но едва ли оспорим тот факт, что наиболее востребованы информационные и социальные жанры Интернет-взаимодействия. Но если в первом случае поисковые системы, онлайн-энциклопедии, сетевые СМИ сделали доступной любой вид информации, облегчив её поиск и количественно увеличив её объемы, то социальные сервисы, чаты, форумы внесли качественные изменения в нашу жизнь.

Упомянутые перемены связаны с новыми возможностями к самопрезентации индивида. Естественно, язык – это «единственное средство формирования и функционирования веб-контента и веб-личности, поэтому человек и общество актуализируются в Интернете в исключительно вербальной сущности» [Трофимова 2004: 9]. Одним из основных путей выражения себя становится сетевое имя пользователя – никнейм. Это, в свою очередь, тот же псевдоним, прозвище или импровизация собственного имени, но в отличие от них, ник выбирается персонально пользователем.

Именованье субъектом самого себя представляется специфическим лингвистическим феноменом, так как только пользователь решает, какое имя будет присвоено ему в виртуальном пространстве, и насколько реально результат такой самономинации отразит его идентичность. Неслучайно ник признан многофункциональным средством выражения модуса высказывания, главным средством самопрезентации в Сети [Савицкая 2009: 58].

Интерес к никнеймам участников именно ICQ-коммуникации вполне обоснован. Контакт пользователя, как правило, сопровождается личными данными (Info), внесенными при регистрации номера в системе: страна, город, пол, возраст, жизнеописание, интересы, семейное положение и т.п. В закладке Info/About может содержаться информация в произвольной форме, например, описание собственной внешности, разного рода предпочтений или предложение о знакомстве. Таким образом, репрезентация личности в Интернете посредством никнейма ICQ обрамляется разносторонними персональными характеристиками, которые способствуют выявлению возрастных, гендерных, территориальных и иных особенностей ников.

Предлагаемая статья посвящена анализу мужских веб-онимов немецкоязычных пользователей ICQ, так как мужчины являются более активными коммуникантами в Интернет-сфере. Антропонимическое пространство глобальной «паутины» столь обширно, что, бесспорно, требуется упорядоченное деление сетевых имен, которое сможет продемонстрировать и систематизировать все многообразие семантики ников. Прежде всего, стоит заметить, все никнеймы делятся на две большие группы: автонимы и псевдонимы. У пользователя есть две основные альтернативы: выбрать свое собственное имя, фамилию или любые их вариации (*Markus* для *Markus Nischik*, *Ben* для *Benjamin Pusch*), либо использовать вымышленное имя. В исключительных случаях используется аноним – отсутствие имени, поэтому говорить тут о какой-либо семантике не приходится.

Анализ массива мужских ICQ-антропонимов в объеме 800 единиц выявил то, что к псевдониму прибегает около 46 % от общего числа мужчин-«юзеров». Никнейм-псевдоним может относиться абсолютно к любой области семантического пространства. Между тем, несмотря на семантическую диффузность исследуемого корпуса, выделяются определенные тенденции в выборе пользовате-

лем лексем, выполняющих роль веб-антропонима. Предлагаемая в статье систематизация ников по их значению близка к классификации имен в связи с именуемыми объектами, предложенной А. Бахом и дополненной позже А.В. Суперанской [Суперанская 2009]. В последней лингвисты сгруппировали ономастическое пространство практически всех сфер языка, которое, естественно, имеет более широкий семантический потенциал и вес, чем семасиологическая область никнеймов. На основе анализа массива фактического материала, представляется возможным выделить следующие актуальные группы никнеймов по их значению:

1) псевдонимы, обозначающие живых существ или существ, которые считаются живыми (21 % от общего количества ников-псевдонимов):

а) чужие антропонимы (чаще всего знаменитых людей): *Jasomirgott*, *Michael Jackson*, *Hitler*. В основе своей это имена личностей, которые являются для пользователя кумирами (например, указанными во вкладке интересы/увлечения) или образцами для подражания в какой-либо сфере жизни. Пользователь, чьи интересы и профессиональная деятельность связана с IT-технологиями логично выбрал себе ник-псевдоним *Gates III* в честь создателя компании Micro-Soft Билла Гейтса;

б) зоонимы (названия животных): *Wolf*, *Krokodil*. Примечателен тот факт, что зрелые мужчины предпочитают именованья хищных животных, в то время как подростки любят называться домашними или безобидными зверями: *Kater*, *Hdschen*;

в) ихтионимы (названия рыб): *Hecht*, *Wal*; орнитонимы (названия птиц): *Adler*, *Spatzlein*; энтомонимы (названия насекомых): *Wurm*, *Tarantel*;

г) мифонимы (названия мифических существ, объектов): *Greif*, *Zerberus*;

д) теонимы (имена богов): *Wodan*, *Zeus*;

е) религионим (для обозначения лиц религиозной сферы): *Gott*, *Teufel*, *Apostel*.

2) псевдонимы, обозначающие неодушевленные предметы (19 %):

а) топонимы (названия географических объектов): *Berliiin*, *HaMbuRg*. Почти во всех случаях такое сетевое имя совпадает с место проживания пользователя;

б) гидронимы (название рек, морей, озер и т.п.): *Bodensee*, *Vater Rhein*;

в) фитонимы (названия растений): *Efeu*;

г) космонимы и астронимы (названия космических, астрономических объектов и явлений): *Satellit, Sternlein, Komet*;

д) названия средств передвижения: *Titanic, Zeppelin*; е) кулинарные (названия продуктов питания, блюд): *Krümelkuchen, Keks88, Gurke*;

3) псевдонимы, обозначающие характеристики человека (11 %):

а) френоним (название главной черты характера): *Buse, Psychopath*. Никнеймы такого рода часто сопровождаются комментариями во вкладке Info/About, где «юзер» дает краткое резюме о своем нраве, из которого становится понятен мотив выбора такого онима;

б) эйдоним (характеризует наружность автора): *Dicke, Nett*. На вопрос, что подтолкнуло к выбору подобного сетевого имени, мужчины в приватной переписке отвечали, что номинируют себя таким образом исходя из субъективной оценки своих внешних данных, в редких случаях это был общественный стереотип, кличка, перенесенные на никнейм;

в) этноним (указывает на национальность): *Italiener, Nigger*. Просмотр профайлов почти всегда подтверждал совпадение антропонима с национальностью пользователя, выдаваемую за действительную;

г) титулоним (сообщает звание или должность обладателя): *Dozent, Direktor, Graf*. Должности в качестве ника, как ни парадоксально, выбирали мужчины со статусом «безработный», либо подростки, которые объективно не могут иметь таковых. Присвоение себе псевдотитулов характерно для всех возрастных групп и весьма распространено.

4) псевдонимы, обозначающие комплексные и групповые объекты (3 %):

а) эргонимы (названия предприятий, учреждений, обществ): *BMW, Stahlhelm, NATO*;

б) названия музыкальных групп, творческих, спортивных объединений: *Beatles, Tokio Hotel, Chicago Bulls*. Семантическая мотивированность данной подгруппы единиц легко вскрываема и прозрачна. Все ники – это отображение пристрастий и интересов пользователя: от музыки до спорта;

5) псевдонимы, обозначающие природные явления (2 %):

а) физионимы (типичные явления природы): *Regen, Schnee*;

б) названия стихийных бедствий: *Taifun, Tornado*;

б) псевдонимы, связанные со сферой искусства (2 %):

а) героним (имена литературных героев и персонажей кино): *Mephisto, James Bond*;

б) названия произведений литературы и искусства: *Basic Instinct* (по названию к/ф «Основной инстинкт»).

Предложенная классификация не претендует на статус исчерпывающей и окончательной. Автор счел ненужным включать в нее менее популярные группы веб-онимов. Например, очень редко в роли ника выступают названия праздников (*Ostern*) или хроматонимы – названия цветов (*Rosarot, Hellblau*), но они имеют место быть. Спорным остается и положение некоторых имен собственных в предлагаемой систематизации. Так, скажем, ник-название музыкальной группы может быть в принципе отнесено как к псевдонимам, обозначающим групповые объекты, так и к связанным со сферой искусства.

Таким образом, весь конгломерат мужских ников отличается своей пестротой. Семантически он делится на автонимы и псевдонимы. Последние оказываются крайне многообразными по своей принадлежности к той или иной части ономастикона, что доказывает неограниченную свободу человека при именовании себя в процессе компьютерной коммуникации. Особое отражение здесь находят личные данные пользователя: его интересы, место проживания или рождения, профессия, национальная принадлежность и т.д. Все это доказывает, что никнейм – это проекция индивидуального самосознания и самооценки в Интернете.

* * *

САВИЦКАЯ Л.С. 2009. Никнейм (ник) как средство выражения модуса высказывания (на материале Интернет-дневников) // Мир русского слова № 1. – С. 58–62.

СУПЕРАНСКАЯ А.В., 2009. Общая теория имени собственного. М.

ТРОФИМОВА Г.Н., 2004. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.

ЩИПИЦИНА Л.Ю., 2009. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск.

А.А. Новичков (Северодвинск, Россия)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Происхождение имен собственных в произведениях жанра фэнтези рассматривается в статье на материале четырех романов американских писателей XX века. Отмечается, что наряду с использованием типичных для английского языка моделей имяобразования, данные авторы привлекают другие источники имитворчества, из которых наиболее значимыми для жанра фэнтези являются создание оригинальных онимов с непрозрачной внутренней формой и онимизация апеллятивов.

Ключевые слова: *имя собственное, жанр фэнтези, происхождение онима, внутренняя форма*

Для адекватного перевода художественного произведения переводчик должен учитывать все особенности этого произведения – жанр, авторскую стилистику, ономастику произведения. Последняя задает систему ориентиров во времени и пространстве – как для реалистических произведений, так и для произведений в жанре фэнтези [Луговая 2006: 20]. Для реалистических произведений система имен собственных определяет географическое положение и временную эпоху основных сюжетных действий: топонимы описывают сцену, на которой разворачиваются события, а большинство антропонимов, согласно одному из постулатов литературной ономастики [Карпенко 1986: 35], будет следовать типичным ономастическим моделям именования. Даже если писатель придумывает имена своим персонажам, он все равно будет использовать уже сформированные модели языковой ономастической системы.

Ономастика произведений жанра фэнтези имеет иной характер. Как система ориентиров во времени и пространстве она сохраняет свою функцию, однако время и пространство здесь уже придуманные – автор волен изобразить какие угодно ландшафты, города и страны, и населить их самыми невообразимыми народами и существами. При этом на переводчика ложится тяжелая ноша не просто перевести произведение, а сделать это так, чтобы задуманная автором система имен собственных была передана как можно точнее. Адекватная передача ономастики произведения фэнтези является сложнейшей задачей. В фэнтези, на наш

взгляд, зачастую бывает трудно выявить происхождение онима, поскольку писатель свободен в выборе ономастической модели. Тем не менее, сделать это необходимо, поскольку, по нашему мнению, корректно перевести имя можно, только правильно определив его источник.

Для исследования вопроса о происхождении имен собственных, которые встречаются в произведениях жанра фэнтези американских писателей XX века, нами были взяты четыре значимых в литературном отношении романа: роман серии “The Wheel of Time” Роберта Джордана (Robert Jordan, “The Eye of the World”, 1990), первый роман трилогии Робина Хобба “The Farseer” (Robin Hobb, “Assassin’s Apprentice”, 1995), первый роман серии “The Song of Ice and Fire” Джорджа Мартина (George R.R. Martin, “A Game of Thrones”, 1996), роман Патрика Ротфусса “The Name of the Wind” (Patrick Rothfuss, 2007). Все они отличаются особой тщательностью проработки авторского мира и оригинальностью моделей имен собственных. К анализу были привлечены все имена собственные этих произведений: антропонимы, топонимы, зоонимы, теонимы и т. д. Общий объем картотеки составил 1656 единиц.

Наблюдения за собранным материалом показали, что для создания литературных онимов писатели используют различные способы, из которых наиболее частыми являются два: а) придумывание оригинального онима, б) конструирование онима из апеллятивов английского языка. Другие используемые способы включают заимствование онима из английской ономастики, заимствование онима с одновременным изменением его графической и / или фонетической формы, создание комбинации *оригинальный оним + апеллятив*, создание оригинального онима, имеющего внутреннюю форму на придуманном писателем искусственном языке, создание онима на основе апеллятивов не английского, а латинского языка. Все способы создания онимов сведены в таблицу 1.

Рассмотрим эти способы более подробно.

1. Способ создания оригинального онима, не имеющего внутренней формы на английском языке и не следующего онимным моделям англоязычной традиции, используется преимущественно при создании личных имен и фамилий персонажей.

Не имеющие семантической мотивировки собственные имена – первое, что бросается в глаза при чтении многих произ-

Таблица 1. Способы создания литературных онимов

Способы	Антропонимы		Топонимы		Другие онимы		Всего	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Оригинальный	500	51,5%	101	27,3%	53	16,8%	654	39,5%
Отапеллятивный	163	16,8%	232	62,7%	223	70,2%	616	37,2%
Видоизмененное заимствование	149	15,3%	0	0%	5	1,6%	154	9,3%
Традиционный оним	111	11,4%	0	0%	3	1%	114	6,9%
По модели английской фамилии	45	4,6%	0	0%	0	0%	45	2,7%
Комбинация «апеллятив + оригинальный оним»	0	0%	31	8,4%	8	2,5%	39	2,4%
Оригинальный, но имеющий внутреннюю форму на вымышленном языке	3	0,3%	6	1,6%	19	6%	28	1,7%
Сконструированный на основе латыни	0	0%	0	0%	4	1,9%	6	0,4%
Всего имен	971		370		315		1656	

ведений фэнтези. Стремясь подчеркнуть, что действие романа разворачивается в ином мире, или пытаясь придать большую правдоподобность изображаемым культурам, писатели не жалеют фантазии, придумывая замысловатые имена для персонажей. Таковы, например, используемые в произведении Д. Мартина имена: *Mirri Maz Duur* с совершенно неясной структурой или *Daenerys Targaryen*, где четко различаются имя и фамилия персонажа, но встречаются редкие дифтонги; большинство имен персонажей и названий географических мест в романе Р. Джордана: *Sheriam, Galadedrid Damodred, Moiraine, Elan Morin Tedronai, Guaire Amalasan*, страны *Cairhien, Ghealdan, Murandy, Saldaea* и т.д.

Тенденция вводить сонорные звуки в имена положительных персонажей, и смычные, шипящие, а также труднопроизносимые группы согласных – в имена персонажей отрицательных, проявлявшаяся на начальном этапе развития жанра, к началу XXI века постепенно вытесняется практикой создания отдель-

ных онимных моделей, подчиняющихся четко определенным правилам имятворчества и отражающих различия в культурах и языках изображаемых народов и рас. Например, антропонимная модель народа дотракийцев в романе Д. Мартина подчиняется строгим правилам: обязательный исход на букву/звук ‘o’ для мужских имен и на ‘i’ – для женских, обилие аспират и фрикативных согласных, преимущественная двусложность: *Drogo, Haggio, Qotho, Rakharo, Pono, Jhogo, Jhaqo, Irri, Jhiqui* и др.

Заметим, что в романе Д. Мартина бывает весьма трудно определить источник того или иного имени, поскольку автор свободно меняет написание и произношение традиционных английских имен. Так, возникает вопрос: образовано ли имя *Cregan* от традиционного *Craig*, указанного, например, в «Словаре английских личных имен» А.И. Рыбакина [Рыбакин 2000]? Является ли имя *Donal* авторским или оно было образовано усечением распространенного в английском языке имени *Donald*? Кроме того, некоторые имена, встречающиеся в произведении – *Conn, Bryce, Bass* и т.д. – слишком редки в английском языке, чтобы с уверенностью сказать, что Д. Мартин позаимствовал их из ономастикона, а не выдумал.

2. Создание онима на основе апеллятивов английского языка – это конструирование такого словосочетания или сложного слова, в котором ясно видна внутренняя форма. Такой оним легко дословно переводится на русский язык, хотя его калькирование может быть затруднено. В рассматриваемых романах отапеллятивным способом созданы все прозвища (*Threefinger, Lord of Ham, the King Who Knelt, Ironhand, the Imp*), а также значительное количество топонимов (трактир *the Boar's Head*, горы *the Stormwal mountains, the Mountain Kingdom*), зоонимов (мул *Whitey*, волк *Shaggydog*, лошадь *Sooty*, кот *Scratch*), названий книг (*The Siege of the Pillars of the Sky, the Mating Habits of the Common Draccus*), песен и историй (*Only One Bucket of Water, The Wind in the Barley*), этнонимов (*The Traveling People, Outislanders, the Lamb Men*) и др.

У этого способа есть свои особенности. Так, в романе Д. Мартина интересно оформлена система имен внебрачных детей высших слоев общества. Внебрачный ребенок получает единообразную отличительную фамилию, закрепленную традицией соответствующего географического региона: *Snow* «снег» – на севере, *Flowers*

«цветы» – в южных областях и т.д. При этом его потомки теряют право на наследуемую родовую фамилию.

Р. Хобб в своем романе последовательно воплощает концепцию «истинных имен» вещей и лиц, берущую свое начало из идеи о материальной связи между именем и предметом [Фрэзер 1983: 235]. Жители Шести Герцогств, давая своим детям значимые, отапеллятивные имена, стремятся управлять их последующей судьбой. При этом у аристократии распространены латинизированные абстрактные имена *Verity, Chivalry, Wisdom, Temperance, Charity* и т.д., в то время как простой народ получает имена «по-проще»: *Gill, Hawker, Jade, Sitswell, Gage*.

3. Способ создания онимов, построенных на основе англоязычных антропонимических ресурсов путем изменения графической формы онима, усечения онима или изменения его фонетической формы особенно широко встречается у Д. Мартина при образовании личных имен. Общее количество личных имен в романе этого автора достигает 334. Например: *Donnal, Donniss, Donel; Jon, Jonos; Robar, Robert, Robett, Robb, Robin; Will, Wyl, Wylis, Wylla* и др.

4. Использование зафиксированного узусом английского имени. В силу специфики вторичных миров [Новичков 2009: 130] этот способ используется исключительно в антропонимии, в частности, в именах *Dustin, Gregor, Hugh, Jason, Lyn, Thomas, Mat, Nell*, в фамилиях *Bracken, Dayne, Glover, Poole, Tully, Whent*. Кроме того, использование данного метода зависит от общей авторской установки на формирование ономастики произведения. Поскольку в романе Р. Хобба в целом преобладают онимы с прозрачной внутренней формой, а в романах П. Ротфусса и Р. Джордана основная тенденция – придумывание не имеющих семантической мотивировки собственных имен, то и доля онимов, заимствованных из английского языка, в произведениях данных авторов низка. Указанный способ широко применяется лишь в романе Д. Мартина.

5. Создание наследственного имени (фамилии) по модели английской фамилии подразумевает создание таких имен, которые на первый взгляд мало отличимы от реально существующих английских фамилий или построены по распространенным в английском языке онимным моделям. Данный способ используется только в романе Дж. Мартина, поскольку, как уже отмечалось

выше, другие писатели придерживаются иных имьятворческих установок. Примерами фамилий, придуманных Д. Мартином, являются следующие: *Banefort, Brax, Greyjoy, Moore, Ryswell* и т.д.

6. Определенное число онимов в исследованном корпусе представляет собой атрибутивное словосочетание, включающее немотивированный оним в функции атрибута и апеллатив в функции стержневого компонента.

Заметим, что к данному типу были отнесены не все словосочетания с немотивированным онимом, а только те, которые не могут функционировать в тексте в эллиптическом виде. Так, название реки *the Tharen River* и название океана *the Aryth Ocean* нельзя отнести к данному типу, поскольку они употребляются в тексте как в полной форме, так и в усеченном виде (*the Tharen, the Aryth*). Типичными же примерами онимов данного типа являются, в частности, название пьесы *Felward's Falling* («Закат Фелварда»), название рога *the Horn of Valere* (рог Валур), название ущелья *Tarwin's Gap* (Тарвиново Ущелье), название деревни *Emond's Field* (Эмондов Луг) и др.

7. Создание оригинального онима, не имеющего внутренней формы на английском языке и не следующего онимным моделям англоязычной традиции, но получающего внутреннюю форму на вымышленном языке – характерный признак произведений фэнтези [Лебедева 2006: 7]. В романах фэнтези граница между семантически немотивированными именами и именами говорящими размыта, так как во вторичных мирах, созданных без опоры на реальный мир, язык, на котором говорят персонажи и на котором даны некоторые придуманные онимы, нельзя приравнивать к английскому языку. Онимы без внутренней формы на английском языке могут, по замыслу писателя, иметь ее на авторском языке, даже если это не будет специально оговорено автором. Те случаи, когда писатели явным образом объясняют происхождение или значение некоторых онимов в тексте произведения, объединены нами в особую группу. Например: кличка лошади *Mandarb* переводится как «the blade», название военного объединения людей *the Chandrian* объясняется как «the seven of them», название государства *Manetheren* переводится как «the Mountain Home», а реки *Manetherendrelle*, протекающей в нем – как «Waters of the Mountain Home».

8. Онимы, сконструированные из апеллятивов не английского, а латинского языка, характерны для романа П. Ротфусса. Два из них – это названия научных сочинений (травник *Herborica*, сборник законов *Rerum Codex*), третий – название пьесы *Daeonica*, четвертый – название праздника середины года *the Equis*. На наш взгляд, привлечение иноязычного материала выгодно отличает роман П. Ротфусса, так как позволяет писателю добиться большей свободы творчества.

Таким образом, авторы современных произведений жанра фэнтези наряду с использованием типичных моделей имяобразования, распространенных в английском языке, привлекают другие источники имятворчества, из которых наиболее значимым для жанра фэнтези является придумывание оригинального, не имеющего внутренней формы на английском языке, онима. Конструирование онимов из апеллятивов английского языка – второй по частоте использования способ создания онимов в произведениях жанра фэнтези.

* * *

КАРПЕНКО Ю.А., 1986. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки №4. – С. 34–40.

ЛЕБЕДЕВА Е.А., 2006. Ономастикон произведения Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.

ЛУГОВАЯ Е.А., 2006. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпоса Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец»). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. н. М.

НОВИЧКОВ А.А., 2009. Авторские топонимы в романах фэнтези // Альманах современной науки и образования. №8(27): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 2-х ч. Ч. 2. Тамбов. – С. 129–132.

РЫБАКИН А.И., 2000. Словарь английских личных имен: 4000 имен. М.

ФРЭЗЕР Д. Д., 1983. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.

Источники:

HOBBS ROBIN, 1996. Assassin's Apprentice.

JORDAN ROBERT, 1990. The Eye of the World.

MARTIN GEORGE R.R., 2002. A Game of Thrones.

ROTHFUSS PATRICK, 2007. The Name of the Wind.

Л.Н. Пюро (Санкт-Петербург, Россия)

БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК НАСЛЕДИЕ ДОНОМИНАТИВНОГО СТРОЯ

В статье рассматривается проблема происхождения безличных конструкций в индоевропейских языках, делается попытка проследить развитие синтаксического строя языка в связи с эволюцией мышления и восприятия окружающего мира от коллективного и недифференцированного, у первобытного человека, до индивидуально осознанного, возникшего впоследствии.

Ключевые слова: имперсонал, безличное предложение, эргативный строй, эргативный падеж, номинативный строй, неименуемый субъект, первобытное мышление, мистическая сила

Генезис безличных конструкций принадлежит к тем вопросам, которые вплоть до настоящего времени не получили однозначного решения. Вместе с тем многие современные ученые видят корни этого явления в соответствующих конструкциях индоевропейских языков.

Настоящая статья посвящена проблеме взаимосвязи синтаксического строя с развитием мышления при переходе от эргативной стадии к номинативной и, возможно, поможет пролить свет на зарождение и семантические особенности данных конструкций.

Сущность эргативного предложения заключается в том, что его подлежащее, в отличие от номинативного предложения, не имеет своей независимой позиции и получает грамматическую форму, управляемую содержанием передаваемого действия. Действие, направляемое на объект и не направляемое на него, образуют две различные системы построения предложения с разными падежами подлежащего. Действие, не направленное на объект, требует постановки подлежащего в абсолютном падеже (неоформленном, сходным с именительным падежом), выражающем состояние, в котором находится действующее лицо. При активном участии субъекта в совершаемом действии подлежащее ставится в особом падеже – «эргативном» [Мещанинов 1967: 23]. Этот падеж выражает орудие действия и в некоторой степени близок к творительному падежу. Его специфика состоит в том, что он одновременно выражает субъекта как агенса действия, и как орудие каких-то других сил, не выраженных в самом предложении, подобно индоевропейским безличным

глаголам, при которых не может не мыслиться субъект, но что это за субъект, совершенно неизвестно [Лосев 1982: 304].

В этой связи интерес представляет замечание С.Д. Кацнельсона о том, что глаголы, фигурирующие как безличные, указывают, в каких случаях люди древней эпохи испытывали затруднения в определении реального субъекта. К таким глаголам ученый относит глаголы ощущения и восприятия, глаголы судьбы и др. [Кацнельсон 2010: 110]. Представляется целесообразным отнести к таким глаголам и так называемые «метеорологические» глаголы, формирующие такие безличные предложения, как – *Светает, Смеркается, Вечереет*, и др. Субъект в таких конструкциях представлен имплицитно (можно предположить, что это некое *оно*). В некоторых языках, например, в английском, это *оно* получает лексическое выражение посредством личного местоимения среднего рода, единственного числа *it* (*it rains*), а в французском – даже личным местоимением мужского рода, единственного числа *il* (*il pleut*). Еще более эксплицитно это явление представлено в древнегреческом языке – *Dzeys hiei*, что значит буквально «*Зевс дождит*», где можно сказать, «раскрыты все карты мифологического мышления, которые в новых языках запрятаны под местоимениями 3-го лица» [Лосев 1982: 316].

Подлинный субъект безличного предложения, как утверждает А.Ф. Лосев, для древнего мышления есть демон, который все еще мыслится слепо-чувственно, животнo-инстинктивно, недифференцированно, который все еще остается на ступени чувственно-воспринимаемого предмета, еще не отражается полностью в мышлении, а только предполагается им безотчетно и потому не именуется. Это – неопределенный, безличный, стихийный, неименуемый субъект [Лосев 1982: 280].

По замечанию Н.Д. Арутюновой, безличные предложения, в отличие от личных – антропоцентричных, являются энергоцентричными, поскольку основной фигурой в них выступает некая сила, локализуемая вне или внутри человека [Арутюнова 1999: 796].

Эргативный субъект по самому своему смыслу содержал указание на некий неопределенный и неименуемый субъект, находящийся вне предложения и орудующий эргативным субъектом как своим инструментом. Это делало решительно все деноминативные предложения, собственно говоря, безличными предложениями [Зарецкий 2008: 34].

Это, по-видимому, связано с тем, что мышление первобытных людей в основе своей мистическое, обусловленное коллективными представлениями, мистическими по существу, составляющими неотъемлемый элемент всякого восприятия первобытного человека. Ни одно существо, ни один предмет, ни одно явление природы не выступает в коллективных представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам. Коллективные представления приписывают всем окружающим объектам мистическую силу. Каков бы ни был предмет, появляющийся в их представлении, он обязательно содержит в себе мистические свойства, которые от него неотделимы, и познание первобытного человека действительно не отделяет их, когда воспринимает тот или иной предмет [Леви-Брюль 1994: 29–32].

Первобытный человек чувствует себя окруженным бесконечным количеством неуловимых существ, почти всегда невидимых и всегда страшных. Весь мир он мыслит под знаком духов, все происходит вследствие воздействия одного духа на другого [Леви-Брюль 1994: 53].

Такое мировосприятие является характерным для первобытного сознания, в котором общество и личность, с одной стороны, общество и природа, с другой еще не дифференцированы и отражаются в сознании в неразрывной связи. Лишь по мере выделения личности из коллектива отделяются и обособляются в сознании ранее объединенные элементы. Процесс развития первобытного сознания завершается тем, что личность предстает в сознании как обособленная личность и предмет – как некая наделенная собственными качествами субстанция [Кацнельсон 2010: 90].

Слитное представление субъекта-общества и объекта-природы в первобытном мышлении нашли отражение и в особенностях развития личных местоимений при переходе от одного строя к другому. По мере роста знаний людей о себе и об окружающих их предметах представление личности все более и более суживается, определяется, проясняется. В сознании возникает понимание противоположности «я» и «не-я». В строе личных местоимений это приводит к полярности 1-го и 3-го лица [Кацнельсон 2010: 110–111].

Переходным этапом на пути от эргативного строя к номинативному является так называемый аффективный строй. Данный

строй интересует нас постольку, поскольку его синтаксическое устройство включает один из типов безличных предложений, а именно те, которые выражают различного рода состояния человека. Отсюда обязательным компонентом таких предложений является присутствие субъекта выраженного формой дательного падежа в функции дополнения, сказуемое же по преимуществу представлено глаголом, выражающим состояние субъекта или его чувственное восприятие, и согласуется с дополнением. Например, *мне думается, мне слышится, мне нравится* и т.д.

Однако не все исследователи трактуют компонент, выраженный дательным падежом, как дополнение. Так, например, А.Ф. Лосев, предлагает рассматривать такой член предложения не в качестве дополнения, а в качестве подлежащего, поскольку с ним согласуется сказуемое и он обозначает подлинно действующий субъект, который выступает одновременно и как восприимчивый субъект, о чем здесь и говорит дательный падеж [Лосев 1982: 318].

Если принять точку зрения А.Ф. Лосева, то, как представляется, не вполне справедливым будет рассматривать такие конструкции как безличные, поскольку «реальный субъект» в них явно имеет место быть. Кроме того трактовка субъекта в дательном падеже как подлинно действующего, на наш взгляд, подходит далеко не ко всем безличным предложениям данного типа. Сравним, например, с такими предложениями, как *мне снится, мне душно, мне холодно* и др., где субъект выступает, прежде всего, как восприимчивый субъект извне, т.е. пассивный экспириенцер, а не как активный деятель. Другими словами, в подобных конструкциях субъект не активен, а находится в некотором состоянии и не более того.

Наконец последней наивысшей стадией в развитии языков является номинативный строй. С.Д. Кацнельсон определяет новую (номинативную) стадию в развитии языка и мышления как связанную с возникновением в мышлении понятия о предмете как обладающем свойствами субстанции и в языке именительного падежа как средоточия всех мыслимых глагольных предикатов [Кацнельсон 2010: 101]. Предложение с субъектом в именительном падеже – номинативное предложение – составляет основное отличие высшей стадии в развитии языков от низшей [Кацнельсон 2010: 33].

А.Ф. Лосев называет номинативный строй высшей ступенью абстракции: «...номинативный субъект есть предельное обобщение всяких возможных субъектов и есть максимальная абстракция, которой только может достигнуть мышление и познание тех или иных предметов [Лосев 1982: 339]». Мышление дошло до способности устанавливать четкие закономерности в природе и обществе. В мифологический мир номинативное мышление вносит порядок и соразмерность, систему и закономерность всех явлений. Установление закономерностей является одной из самых основных особенностей номинативного мышления [Лосев 1982: 370].

Исключение всякой слепой и неименуемой чувственности из номинативного субъекта, превращение субъекта в предельную обобщенность чувственного восприятия и максимальное достижение абстрагирующей мысли приводят к тому, что номинативное предложение перестает быть безличным предложением и становится предложением, в котором субъект целиком отражен и в мышлении и в языке. Безличные предложения, составляющие небольшую группу в номинативных языках, являются наследием древнего безличия, потерявшим все свое мифологическое значение.

Заслуживающим внимание является замечание доктора культурологии А.П. Давыдова, приведенное в монографии Е.В. Зарецкого (2008) о том, что склонные к самоизоляции языки (культуры), такие как исландский и русский, дольше удерживают остаточные безличные конструкции, то есть те рудиментные элементы языка, которые обращены к потусторонности. И, наоборот, открытые и, следовательно, развивающиеся языки (культуры), например, английский, легче «вымывают» из себя эти рудименты [Зарецкий 2008: 6].

* * *

АРУТЮНОВА Н.Д., 1999. Язык и мир человека. М.

ЗАРЕЦКИЙ Е.В., 2008. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань.

КАЦНЕЛЬСОН С.Д., 2010. Историко-грамматические исследования. СПб.

ЛЕВИ-БРЮЛЬ Л., 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.

ЛОСЕВ А.Ф., 1982. Знак. Символ. Миф. М.

МЕЩАНИНОВ И.И., 1967. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.

А.С. Румянцева (Санкт-Петербург, Россия)

О СПОРЕ БИОСЕМИОТИКИ И ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена рассмотрению теорий традиционной лингвистики и биосемиотики и концентрируется на концепциях природы языка, речи и отношений между ними. Особое внимание обращается на новые грани рассмотрения спорных и не нашедших ответа вопросов традиционной лингвистики, которые предлагает биосемиотика, а также на преемственность между двумя направлениями.

Ключевые слова: *традиционная лингвистика, биосемиотика, язык, речь, процесс речепорождения.*

На протяжении многих лет языковеды разных стран, принадлежащие к различным лингвистическим течениям, обращались к проблеме соотношения языка и речи. Интерес к данной области был и остается обусловленным спорами об истинной природе языка и его функционировании в реальном времени и пространстве. Доказательством актуальности данного вопроса служит множество теорий, созданных за последние столетия. Эти теории, несмотря на внешнюю основательность и солидность, зачастую оставляют без внимания аспекты, касающиеся истинной природы вещей, или так объясняют происходящие процессы, что у внимательного читателя все же остаются некоторые вопросы, не имеющие четкого ответа.

XIX–XX века можно с уверенностью назвать временем создания самых крупных лингвистических теорий. Это также время, когда сформировались концепции, которые мы сейчас называем традиционной лингвистикой. Следует уточнить, что под традиционной лингвистикой мы будем понимать, прежде всего, все те лингвистические учения, которые сложились под влиянием работ Ф. де Соссюра и рассматривают язык как систему знаков.

Первый интересующий нас вопрос касается природы языка и наличия множества интерпретаций данного феномена. Но, несмотря на видимое разнообразие, в них можно все-таки найти и то, что их объединяет. Еще Ф. де Соссюр отмечал, что язык является готовым коллективным продуктом, пассивно регистрируемым говорящими и позволяющим индивиду понимать других и быть ими понятым [Соссюр 1977: 52, 109]. Последователи данной

теории как в России (В.А. Богородицкий, А.А. Реформатский, С.Д. Кацнельсон, А.А. Потебня), так и за рубежом (Э. Бенвенист, А. Гардинер) обращали внимание на социальный характер функционирования языка, видя в этом его основную функцию. Таким образом, на первый план выносятся тот факт, что человек – существо социальное и пользуется языком в процессе коммуникации с целью передачи некоей информации слушающему. То есть, становится очевидным, что теории, сложившиеся в традиционной лингвистике, в большинстве случаев не затрагивают вопросов истинной природы и функции языка.

Другой из интересующих нас проблем традиционной лингвистики является процесс порождения речи. Ф. де Соссюр считает, что речь является индивидуальным актом воли и разума, используемым для выражения мысли на основе пассивно усвоенного языка. В голове говорящего практикой речи создаются понятия, ассоциируемые с представлениями о языковых знаках или с акустическими образами, служащими для их выражения. Таким образом, язык существует в голове каждого носителя языка, принадлежащего к определенному языковому коллективу. При этом Соссюр не останавливается на вопросе, от чего зависит полнота усвоения языка, и лишь упоминает, что один человек понимает другого за счет соотношения понятий с акустическими образами, что происходит в мозгу слушающего [Соссюр 1977: 48, 49, 52].

В связи с вышесказанным, интересен подход А.А. Потебни, который, как и большинство лингвистов, понимает речь как использование языка в реальной ситуации общения. Язык же, находящийся в голове говорящего, понимается как «способность выражать понятия членораздельными звуками, содержанием коих он и является». Причем, употребление этих звуков основывается на общественном согласии. А.А. Потебня также затрагивает вопросы о природе речи, коммуникации и понимании речевого сообщения: каждый человек по природе есть «нечто вполне замкнутое, в котором нет ничего, кроме произведенного им самостоятельно», т.е. полученного из своего собственного опыта. В процессе общения речь возбуждает умственную деятельность слушающего, и «он мыслит своею собственной мыслию». Таким образом, при понимании мысль говорящего не передается, как некий, заранее «готовый» квант информации – слушающий, воспринимая речь, создает свой смысл самостоятельно. Пони-

мание же людьми друг друга объясняется сходством условий, в которых живет и развивается человек [Потебня 1999: 9, 118, 226]. А.А. Потебня справедливо замечает, что речь и понимание являются лишь разными сторонами одного и того же процесса. Принимая во внимание вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на то, что теория А.А. Потебни была создана еще в XIX веке, она отличается новаторским подходом к пониманию природы человека и наилучшим образом соответствует интерпретации интересующих нас понятий с современной точки зрения, которая будет освещена несколько ниже.

Обсуждая теории, идущие вразрез с традиционными, следует обратить внимание на подход Г. Гийома, созданный, однако, уже в XX веке. Он переносит акцент с социального рассмотрения языка на психологический, концентрируясь на человеке как на точке отсчета всех языковых и речевых операций. Кроме того, Г. Гийом пытается описать систему языка через механизм ее функционирования в речи. С этих позиций язык оказывается виртуальной категорией и существует в головах носителей языка, как то, что предшествует речи и делает ее возможной. При этом язык представляет собой «систему и множество систем, образованных единством означаемых и означающих» [Скрелина 1980: 8–9]. В этом отношении подчеркивается, что язык, являясь структурой глубокой, хранящейся в голове носителя языка, ограничен определенным набором языковых вариантов. В то же время речь как структура поверхностная не ограничена количественно и подразумевает существование теоретически бесконечного числа актуализаций языкового материала. В этом, в частности, проявляется принцип экономии языковой системы, когда ограниченное количество глубоких языковых структур может актуализироваться в теоретически бесконечное количество речевых реализаций. Данное положение является, по сути, важным шагом к пониманию истинной природы соотношения языка и речи, ломающим представление о языке как равном речи. Ср., суждение «нет ничего в языке, чего бы не было раньше в речи» [Бенвенист 1974: 140]. Кроме того, Г. Гийом пересматривает сосюрговскую формулу речевой деятельности, согласно которой последняя рассматривается как результативная сумма языка и речи [Соссюр 1977: 107–109]. Вместо этого, он настаивает на понятии интеграла как динамического объединения находящихся

в постоянном взаимодействии языка и речи. В таком контексте именно интеграл соединяет «предшествующий факт языка и последующий факт речи», т.е. потенциальность языка и его реализацию в речи. Язык же, кроме того, существует как совокупность глубоких понятий, полученных как итог обобщения результатов познания мира, т.е. «представлений» [Скрелина 1980: 8–10, 12].

Г. Гийом одним из первых выдвигает фундаментальную теорию перехода элементов с уровня языка на уровень речи. Так, понятия, существующие в голове носителя языка, актуализируются, что происходит в ходе соответствующих психических операций. «При этом процессы думанья и говорения совпадают, налагаясь один на другой» [Скрелина 1980: 12]. Сама актуализация состоит в «кодировании мысли с помощью лексем, морфем и служебных слов». Эти процессы развертываются в течение определенного времени, называемого «оперативным». Кроме того, автор проводит границу между словом как потенциальной единицей языка и фразой как реализованной единицей речи. Причем, слово является результатом длительного процесса мыслительной деятельности человечества, тогда как фраза – результат обдумывания того, что нужно выразить сейчас. Таким образом, становится очевидным, что теория Г. Гийома стоит несколько обособленно на фоне традиционных теорий интерпретации феноменов языка и речи, созданных под влиянием концепции Ф. де Соссюра [Скрелина 1980: 12–14].

Наконец, следует остановиться на теории Л. Блумфильда, которая рассматривает язык с позиций бихевиоризма. В рамках данного подхода, язык является одной из форм поведения человека. Причем, подчеркивается, что «слово, или вообще любая речь, – это лишь способ призвать на помощь других людей». Так, на первый план выносятся не функция языка как средства коммуникации, а как средства адаптации для выживания в определенной среде, хотя прямо данное положение не сформулировано. Кроме того, интересен тот факт, что Л. Блумфильд не рассматривает язык как нечто готовое и пассивно фиксируемое говорящим [Соссюр 1977: 52]: это – «результат воспитания и навыка» и овладения только тем, что он знает из своего собственного опыта [Блумфильд 1968: 41, 51, 60].

Таким образом, можно отметить заслуги традиционной лингвистики, давшие толчок для разработки новой теории языка,

речи и речевой деятельности, которая получает развитие в конце XX – начале XXI веков. Это новое направление лингвистических исследований получило название биосемиотика (от греч. *bios*-жизнь, *semeion*-знак). Поскольку данная теория лежит на границе биологии и семиотики и занимается изучением живых знаковых систем, к которым принадлежит и язык, согласно подходу Ф. де Соссюра, именно традиционная лингвистика дала ей стимул для дальнейшей интерпретации.

Так, с биосемиотической точки зрения, согласно мнению У. Матурана, «живые системы», к которым принадлежит и человек, – это «когнитивные системы». Они организованы неким образом, определяющим область взаимодействий, в которые может вступать организм для того, чтобы поддерживать самого себя. Исходя из этого, процесс познания видится как поведение организма в этой области, а жизнь – как процесс познания [Матурана 1996]. Следовательно, жизнедеятельность организма в целом и его познавательная деятельность как частное проявление этого процесса видится, главным образом, в адаптации к среде и изменяющимся условиям существования, а также в поддержании таким путем целостности своей системы как таковой. Из вышесказанного становится ясно, что новизна биосемиотического подхода заключается, прежде всего, в рассмотрении говорящего не только как носителя определенных черт, позволяющих ему выполнять некоторую социальную функцию, но, прежде всего, как обладателя определенных биологических свойств, обеспечивающих жизнедеятельность индивида и, в частности, участвующих в процессах говорения, понимания и усвоения информации.

Что касается альтернативы традиционному подходу в вопросе о природе языка, У. Матурана полагает, что его главная функция определяется самим процессом эволюции, а отнюдь не денотацией, как традиционно принято считать. Если это было бы именно так, то «для того, чтобы язык мог возникнуть, необходимо было предварительное существование функции денотации, из которой и могла бы развиться символическая система передачи информации». Именно поэтому, чтобы объяснить появление денотативной функции, У. Матурана приходит к выводу, что изначально язык служил человеку для ориентации в его когнитивной области, а не для того, чтобы указывать на те или иные предметы. Здесь следует пояснить, что под «когнитивной областью»

У. Матурана понимает область или сферу взаимодействий, в которые может вступать живой организм. Таким образом, организм в процессе развития усваивает, в какие виды отношений с другими организмами он может вступать, и восприятие подобной системы взаимодействий делает возможным «консенсуальные взаимодействия между организмами», что и служит причиной появления естественного языка [Матурана 1996]. На этом этапе напрашивается сравнение с объяснением природы соглашений между людьми у А.А. Потебни, который уверен, что в основе этого лежит сходство условий жизни и развития человека. Кроме того, стоит отметить, что традиционная лингвистика придерживается диаметрально противоположной точки зрения и вслед за Ф. де Соссюром утверждает, что именно передача информации об окружающей среде лежит в основе коммуникации [Соссюр 1977].

В процессе эволюции взаимно-ориентирующее поведение, согласно У. Матуране, способствует значительной диверсификации видов взаимодействий между «общественными животными», что в свою очередь влечет усложнение внутренних функций организма: в частности, развитие артикуляционных органов и появление новых взаимосвязей между различными участками головного мозга [Матурана 1996]. Таким образом, с позиций биосемиотики язык является врожденной функцией организма, возникшей естественным образом в ходе эволюции и служащей, прежде всего, для адаптации индивида к постоянно меняющимся условиям существования, что, в свою очередь, позволяет организмам выживать в данных условиях.

В этом контексте возникает вопрос, как носителям языка удастся достигнуть консенсуса в условиях, когда каждый из них, стремясь удовлетворить свои собственные потребности, поступает исключительно в своих интересах. У. Матурана предлагает следующее решение данного вопроса. Ориентировка на взаимодействие выбирается самим говорящим «в результате независимой внутренней операции над собственным состоянием». «Консенсус возникает лишь благодаря кооперативным взаимодействиям, в которых результирующее поведение каждого из организмов служит поддержанию их обоих» [Матурана 1996]. Подобные положения расходятся с позициями традиционной лингвистики. Еще в работах В. Гумбольдта (XIX век) высказывалась мысль об удовлетворении языком потребности человека в общении [Гумбольдт

1984]. Западноевропейские лингвисты начала XX века (напр. Ф. де Соссюр) также были сторонниками понимания языка как явления социального. Социальная природа языка удовлетворяет естественную потребность человека в общении; следовательно, стремление достигнуть консенсуса является у человека врожденным.

Что нового привносит биосемиотика в вопрос о природе языка и речепорождения по сравнению с теориями традиционной лингвистики? Она, прежде всего, спорит с утверждением Ф. де Соссюра о пассивности индивида в процессе усвоения элементов системы языка и о способе их хранения. С биосемиотической точки зрения, человек, взаимодействуя с предметами и явлениями окружающего мира, получает сигналы, позволяющие судить об их свойствах. Эти сигналы поступают в тело через рецепторы разных систем, испытывающих их воздействие. Тело интерпретирует полученные данные и генерирует информацию, превращая ее в образы и фиксируя при этом наиболее важные свойства, которые хранятся на уровне системы языка. Таким образом, человек не получает готовые знания извне, а создает их самостоятельно, реагируя на внешние раздражители. В этом контексте следует вспомнить правильное положение А.А. Потебни о существовании у человека только того знания, которое он приобрел самостоятельно. Следовательно, знание индивидуально в каждом случае и хранится в теле носителя языка. Понимание же индивидами друг друга обеспечивается за счет того, что языковые личности формируются в более или менее одинаковых условиях общения [Архипов 2008: 13, 31, 38, 51].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что биосемиотическая теория, исходящая из биологической природы человека, позволяет сместить акценты при рассмотрении соотношения языка и языковой личности. Если раньше считалось, что язык может существовать как потенциальность (теория Г. Гийома) или как коллективное достояние (Ф. де Соссюр), а роль индивида в процессе его создания и развития сводится к нулю, биосемиотическая теория доказывает, что носитель языка является точкой отсчета всех «лингвистических измерений» и без него язык просто не существует.

Наконец, биосемиотика позволяет пересмотреть устаревшие представления традиционной лингвистики о системе языка, зер-

кально представленной в речи и состоящей из «склада» всех возможных значений и случаев употребления слова, которые, как правило, общеизвестны и находят свое полное отражение в речи. На смену этому приходит концепция асимметрии систем языка и речи. Новая теория доказывает, что, хотя у многозначного слова может существовать огромное количество значений, многообразию речевых употреблений на уровне системы языка соответствует лишь одно представление, объединяющее все основные свойства данного понятия. Как раз это представление и лежит в основе всего этого многообразия. Формирование же речевого высказывания происходит в ходе актуализации вышеупомянутого представления, хранящегося в голове носителя языка, сопровождающейся созданием звукового оформления высказывания.

* * *

АРХИПОВ И.К., 2008. Язык и языковая личность. СПб.

БЕНВЕНИСТ Э., 1974. Общая лингвистика. М.

БЛУМФИЛЬД Л., 1968. Язык. М.

БОГОРОДИЦКИЙ В. А., 1964. Наука о языке и ее положение в кругу историко-культурных наук. Общая характеристика природы языка. Вопросы чистого и прикладного языковедения // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / под ред. В.А. Звегинцева. – Ч. I. – С. 295-300.

ГАРДИНЕР А., 1960. Различие между «речью» и «языком» // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / под ред. В. А. Звегинцева. – Ч. II. – С. 13-20.

ГУМБОЛЬДТ В. ФОН, 1984. Избранные труды по языкознанию. М.

КАЦНЕЛЬСОН С. Д., 1972. Типология языка и речевое мышление. Л.

МАТУРАНА У., 1996. Биология познания // Язык и интеллект. <http://www.synergetic.ru/autopoiesis/biologia-poznania.html>

ПОТЕБНЯ А. А., 1999. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.

РЕФОРМАТСКИЙ А. А., 1996. Введение в языковедение. М.

СКРЕЛИНА Л. М., 1980. Систематика языка и речевой деятельности. Лекция. Л.

СОСЬЮР Ф. ДЕ, 1977. Труды по языкознанию. М.

В.Е. Фрайман (Санкт-Петербург, Россия)

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье затрагивается вопрос о лексических и функциональных отношениях между современными территориальными разновидностями английского языка, в частности, британской и американской разновидностями. Проводится сравнение данных вариантов с вариантами древнегерманского языка на примере отношений древнеанглийского и древнескандинавского наречий. Делается попытка установить диахроническое соответствие периодов эволюции отношений между оппозициями *British English – American English* и *Old English – Old Norse*.

Ключевые слова: региональный вариант языка, диалект, *lingua franca*, заимствование, «койне», межрегиональная коммуникативная среда, междиалектная интерференция, территориальное речевое ядро

Объясняя выбор смежной британо-американской коммуникативной среды в качестве области проецирования лексико-семантических феноменов, отметим, что из различных областей человеческого общения, на наш взгляд, специфический интерес, обусловленный расширением международных связей в современном обществе, представляет область коммуникативного пересечения родственных культурно-языковых сфер. Взаимодействие британского и американского вариантов английского языка, наиболее близких в языковом плане, но отличающихся ценностями и восприятием мира, создаёт больше всего предпосылок к развитию полисемии и омонимии и к когнитивному переосмыслению лексических значений.

Для более эффективного анализа указанных взаимоотношений обратимся к генетическим отношениям между родственными языками и их вариантами в целом, а также к сходным явлениям в истории английского языка. Если рассматривать области пересечения двух отдельных языков, то основным лексикологическим явлением в этом случае, как правило, считаются заимствования, которые мы далее разделяем по характеру заимствования на *искусственные*, т.е. пришедшие в язык через научную литературу, письменные переводы и переложения, и *естественные*, пришедшие «в результате непосредственного массового соприкосновения англичан с носителями других языков» [Смирницкий 1998: 246].

Слова этого типа имеют источником, в основном, скандинавские языки (*Old Norse*) (*ca.* – *anger, bag* и *дск.* – *anгр, baggi*). Исследователь Х. Доусон под понятием «*Norse*» объединяет наречия древних обитателей Скандинавии и Дании [Dawson 2003:40].

Следует уточнить, что под «соприкосновением» мы подразумеваем, прежде всего, коммуникативный речевой контакт, из чего можно сделать несложный вывод о значимости межрегиональной коммуникации в появлении новых словарных единиц в языке. Здесь же отметим замечание А.И. Смирницкого, который считает, что естественные заимствования из скандинавских языков, происходившие в древний период, правильнее называть междиалектическими заимствованиями, т.к. английский и датский языки в тот период были близко родственными и отношения между ними стоит обозначать как «потенциально-диалектные» [Смирницкий 1998: 247]. Далее автор указывает, что древнеанглийский и древнескандинавский были по сути «диалектами одного и того же языка, имеющими омонимичность форм, из которых в итоге выбиралась одна, более удобная для адекватного выражения мыслей» [Смирницкий 1998: 248]. Следовательно, общегерманский язык выступал в то время в роли *lingua franca* для народов северо-западной Европы, языком *койне*, имеющим территориальные разновидности, которые при столкновении оказывались под взаимным влиянием.

За особую роль междиалектной коммуникации в изменении языка выступал, в частности, О. Есперсен, в своей теории предполагавший, что причиной утери окончаний в германских языках (диалектах) являлся именно речевой контакт между носителями данных диалектов: в отличающихся только окончаниями словах (напр., *да. sunu – дск. sunr*) при разговоре происходила редукция, позволяющая избежать помех в понимании. Это может означать, что такие значительные изменения в грамматическом строе языка могут быть вызваны не иначе как столкновением его собственных вариантов, когда начинает функционировать так называемая *диалектная интерференция*, вызванная, в свою очередь, омонимичностью словоформ и фонетической синонимичностью. Отдельные, неродственные языки, как правило, не способны столь же значительно влиять друг на друга, их взаимовлияние, как правило, прослеживается не дальше лексического уровня.

Принимая во внимание данные суждения, мы можем попытаться привлечь историю отношений древнегерманских языков к изучению современных разновидностей английского языка. Подобные исторические наблюдения обретают новый интерес, если их результаты сопоставить с современными отношениями между британским и американским вариантами языка (в отличие от А.И. Смирницкого мы скорее употребляем понятие *вариант*, т.к. оно может включать более широкий круг региональных языковых особенностей – как фонетические, так и грамматические и лексические). Однако при сопоставлении следует учитывать различия в типах родственных отношений между этими парами. Во-первых, американский вариант последовательно произошёл от британского варианта, в то время как древнеанглийский и древнедатский развивались параллельно, возникнув из общегерманского источника. Стоит учитывать и то, что типы межрегиональных отношений в двух случаях также различаются.

Не вызывает споров то, что два диалекта или варианта могут стать двумя отдельными языками, но где находится та граница, переходя которую, разновидности одного языка превращаются в новые языки? Чтобы позволить себе пользоваться понятиями «вариант» и «язык», мы должны различать их, для чего, в свою очередь, нужно иметь набор внутренних индикаторов, позволяющих проводить различие. К настоящему времени известны попытки раскрыть и определить отношения между языком и его вариантами (Dawson 2004, Siegel 1985, Thomason & Kaufman 1988). Наше собственное понимание этих отношений может быть суммировано так: *языковой вариант есть разновидность функционального речевого выражения определённой языковой системы, связывающей данную разновидность с другими вариантами речевого выражения системы*. Говоря более простым языком, одна и та же система может иметь различное выражение в речи в зависимости от территории и этноса. Дж. Сегель выделяет как минимум два критерия принадлежности двух и более разновидностей к общей системе: 1) взаимная распознаваемость (*mutually intelligible*), 2) отнесённость к общему литературному стандарту [Siegel 1985: 365]. По мнению С. Томасон и Т. Кауфмана, именно в таких отношениях находились примерно до 11 века древнеанглийский и древнескандинавский диалекты [Thomason, Kaufman 1988: 23]. Х. Доусон, исследовав взаимный речевой контакт древ-

негерманских языков, приходит к выводу о том, что результатом этого контакта на лингвистическом уровне было возникновение общего для данных народностей языка – «*koine*» [Dawson 2003: 54].

Обращаясь непосредственно к отношениям между британским и американским вариантами, мы видим, что эти два варианта соотносятся предложенным Сегелем критериям и потому на данном историческом этапе их нельзя считать отдельными языками. Если в данном случае обратиться к развитию древнегерманских наречий, то можно установить некоторое диахроническое соответствие между парами «British English-American English» и «Old English-Old Norse», заключающееся в том, что степень генетической близости британского и американского вариантов в современный период соответствует степени генетической близости древнеанглийского и древнескандинавского диалектов, сохранявшейся до 11 века. Следовательно, мы подразумеваем, что потенциально, при определённых условиях BrE и AmE могут в будущем стать двумя отдельными языками. Однако, в отличие от древности и средневековья, в настоящее время вероятность этого намного меньше или, по крайней мере, процесс расхождения вариантов происходит намного медленнее, т.к. в древний период огромную роль в формировании новых языков играла изолированность культурных и этнических социумов в силу отсутствия средств коммуникации. Поэтому с развитием цивилизации за последнюю тысячу лет не возникло ни одного нового языка и даже те, которые образовались в более ранний период на «руинах» латыни, ушли друг от друга не настолько далеко, как, например, азиатские языки от языков Америки.

Отметим, что наличие диалектов является основным условием функционирования языка как живого, и в данном случае утверждение какой-либо национальной языковой *нормы*, как правило, не спасает язык от «вымирания», т.к. норма наиболее близка к системе, и подобные проекты часто представляют собой попытку перенесения системы в речь. Следовательно, вариант превращается в отдельный язык, когда в нём накапливается достаточное количество отличающихся от нормы элементов, чтобы противоречия с системой стали непреодолимы, в результате чего вариант «отрывается» от системы и создаёт свою собственную. В своё время подобным образом региональные наречия латинско-

го языка превратились в новые языки. Изначально существуя только в речи отдельных народностей, они со временем, в силу естественного формирования грамматических закономерностей, стали закрепляться письменностью и подвергаться структурно-грамматическому описанию. Сама же латынь, лишившись со временем собственной разговорной базы, оказалась неспособной изменяться и перешла в разряд мертвых языков, сохранившись только в системе, извлекаемой из различных письменных источников. Не углубляясь в историю латыни, предположим только, что причиной распада её разновидностей была потеря так называемого территориального речевого ядра, служившего для говорящих на латыни языковым стандартом и объединявшего её разновидности в *lingua franca*. Сравнивая сказанное с современной ситуацией употребления английского языка в мире, можно предположить, что подобному процессу может подвергнуться и английский язык, в случае если регионы, поддерживающие его статус как языка международного общения, потеряют своё значение в мире. Пока же мы можем заключить, что речь жителей Британии и США относится к вариантам одной и той же системы «английский язык», имеющим общий (с незначительными различиями) грамматический строй, «взаимно распознаваемый» фонетический строй [Siegel 1985: 365], более 80% общих лексических единиц.

Хотя причины изменения отношения языка и его речевых разновидностей во многом экстралингвистические, всё же, на наш взгляд, их изучение в определённой мере необходимо для понимания коммуникативной природы изменения словарного строя языка и эволюции значений его лексических единиц с точки зрения межвариантного языкового взаимодействия.

* * *

СМИРНИЦКИЙ А.И., 1998. Лексикология английского языка. М.

DAWSON, H.C., 2003. Defining the Outcome of Language Contact: Old English and Old Norse// OSUWPL № 57. – С. 40–57.

KÖVECSES Z., 2000. American English. An Introduction. Toronto.

SIEGEL, J., 1985. Koines and koineization// *Language in Society* № 14. – С. 357–78.

THOMASON, S.G., T. KAUFMAN, 1988. *Language contact, creolization and genetic linguistics*. Berkley.

Oxford Dictionary of English, 2002. Oxford.

СОДЕРЖАНИЕ

«ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ» ТЕКСТА: СЛОВО, ОБРАЗ, СТИЛЬ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

З.Я. ТУРАЕВА. Язык и социальное взаимодействие	9
З.А. ХАРИТОНЧИК. Концептуальная сущность, структура и динамика лексического значения в семасиологической концепции М.В. Никитина	29

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

И.К. АРХИПОВ. Слова, содержащие информацию, как проявление «системной семантической патологии»	41
О.А. БЕРЕЗИНА. К вопросу о переходе от безличной к личной сентенциональной конфигурации в английском языке	47
Е.Ю. ИЛЬИНОВА. Когнитивно-дискурсивные основания к изучению приёмов актуализации значения слова в художественном тексте	56
И.Ю. КУЗИНА. О параметризации действительности языковыми средствами	65
Е.А. КУЗЬМИНА. Лексический уровень репрезентации изменений в структурах этнокультурного сознания (на материале немецкого языка)	70
А.И. ПРИХОДЬКО. Лингвистические аспекты изучения эмоциональных концептов	78
И.Г. СЕРОВА. Принципы формирования концептов пространственной и социальной когниции	83
Н.Н. ЦЫЦАРКИНА. Специфика вербализации и развертывания фрейма «социальный протест» в современном английском языке	93

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СЛОВА

А.Г. ГУРОЧКИНА. Аллопарафраз в диалогическом в дискурсе	102
С.М. ЕНИКЕЕВА. Фрактальность микросистем словообразования (на материале английского языка)	107
Т.С. НИФАНОВА. Сопоставительное изучение способов выражения субъектно-объектных отношений, закреплённых в лексическом значении денотативно связанных единиц	119
Н.А. ПУЗАНОВА. Развитие синонимического ряда и фигура Наблюдателя	124
И.В. ТОЛОЧИН. О семантической природе английского префикса	130

Т.И. ВОРОНЦОВА. Роль тропов в формировании языковой картины мира жанра баллады	137
Ю.П. ВЫШЕНСКАЯ. Стиль и литературный язык в Англии периода позднего средневековья	144
В.Ю. КЛЕЙМЕНОВА. Статус волшебной литературной сказки в текстовом континууме	149
А.Е. ЛУКИНА. Варьирование глагольных форм индикатива/ кондиционала (на материале рукописей XIII–XIV вв.)	158
В.В. МЕНЯЙЛО. Единый текст Дж. Фаулза в культуре постмодернизма	165
Э.В. СЕДЫХ. Образы «город» и «деревня» в житнетворческом дискурсе У. Морриса	173
О.Е. ФИЛИМОНОВА. «Чужой язык» в поэтическом тексте	184
С.Г. ФИЛИППОВА. Цитатное заглавие в концептосфере художественного текста как реализация принципов выдвижения	196
И.А. ЩИРОВА. Текстовый мир, фикциональный мир, возможный мир и теория разума: о плодотворности междисциплинарных исследований текста	203

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

В.В. КАБАКЧИ. «Инокультурная литература» как объект лингвистического исследования	212
Т.А. КАЗАКОВА. Авторский сказочно-мифологический текст как объект перевода	222
Н.Н. КАЗЫДУБ. Культурологическая составляющая дискурсивного пространства	228
О.Н. КУЗЬМЕНКО. Способы перевода старофранцузских междометий на современный французский язык	234
Н.В. СИГАРЕВА, М.А. ЗЕЗКОВА. Особенности передачи эмоционально-субъективных компонентов при переводе англоязычных научных текстов на русский язык	243
Е.А. ТРЕТЬЯКОВА. Критика перевода в XIX и XXI веках	251

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

А.А. АЛЕКСАНДРОВА. Пародия и бурлеск как типы имитационного текста	260
Е.С. ЕПАРИНОВА. Эволюция термина в свете противопоставления «термин – слово»	265
Е.А. ЖУРАВЛЁВА. Автор политических мемуаров как имидж (на материале мемуаров Б. Клинтона “My life”)	271

В.В. КАЗЯБА. Общая семантическая характеристика мужских никнеймов-псевдонимов немецкоязычных пользователей ICQ	279
А.А. НОВИЧКОВ. Происхождение имён собственных в произведениях жанра фэнтези	284
Л.Н. ПЮРО. Безличные конструкции как наследие доминативного строя	292
А.С. РУМЯНЦЕВА. О споре биосемиотики и традиционной лингвистики	298
В.Е. ФРАЙМАН. О функциональных отношениях между территориальными вариантами английского языка	306

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСАНДРОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

АРХИПОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

БЕРЕЗИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ВОРОНЦОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ВЫШЕНСКАЯ ЮЛИЯ ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГУРОЧКИНА АЛЛА ГЕОРГИЕВНА – кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЗЕЗКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЕНИКЕЕВА САНИЯ МАРАТОВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Запорожского национального университета.

ЕПАРИНОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЖУРАВЛЁВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ИЛЬИНОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета.

КАБАКЧИ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

КАЗАКОВА ТАМАРА АНАТОЛЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета.

КАЗЯБА ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА – аспирант кафедры языкознания Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

КАЗЫДУБ НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета

КЛЕЙМЕНОВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КУЗЬМЕНКО ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КУЗИНА ИРИНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета.

КУЗЬМИНА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

ЛУКИНА АННА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

МЕНЯЙЛО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

НОВИЧКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры языкознания Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ПРИХОДЬКО АННА ИЛЬИНИЧНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета.

ПУЗАНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ПЮРО ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

РУМЯНЦЕВА АННА СЕРГЕЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

СЕДЫХ ЭЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права.

СЕРОВА ИРИНА ГЕОРГИЕВНА – кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

СИГАРЕВА НАТАЛЬЯ ВИЛЕНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ТРЕТЬЯКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета.

ТУРАЕВА ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА – доктор филологических наук, профессор, около полувека работала в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (ранее Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена), в течение 27 лет руководила кафедрой английского языка. Ныне проживает в Германии.

ФИЛИМОНОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ФИЛИПОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой иностранных языков Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ФРАЙМАН ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ХАРИТОНЧИК ЗИНАИДА АНДРЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета.

ЦЫЦАРКИНА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Подписано в печать 10.06.2011. Формат издания 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 000 экз. Заказ 285.
Отпечатано в ООО «Политехника-сервис».
191023, Санкт-Петербург, Инженерная ул., д. 6